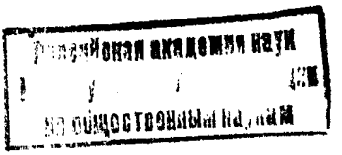
Г. А. Ивановъ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРІЯ ПРАВА

ВЪ КРИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.
1913.

10к



Психологическая теорія права въ критической литературѣ.

Психологическая теорія права и нравственности проф. Л. І. Петражицкаго и методологическія и обще-психологическія ученія, положенныя въ основу этой теоріи, вызвали обширную критическую литературу. Этотъ фактъ и не удивителенъ, если принять во вниманіе научный вѣсъ и значеніе этой теоріи. Зато удивителенъ другой фактъ—содержаніе и направленіе критической литературы, вызванной этой теоріей. Несмотря на образцовую ясность, систематичность и послѣдовательность изложенія со стороны проф. Петражицкаго своихъ ученій, даже болѣе серіозные критики сплошь и рядомъ въ нихъ не разбираются, до поразительности ихъ не понимаютъ и приступаютъ къ критикѣ безъ надлежащей освѣдомленности въ содержаніи критикуемыхъ ученій. Такое положеніе дѣла было уже отмѣчено въ брошюрахъ П. Е. Михайлова („Психологическая теорія права передъ судомъ русской юриспруденціи", 1910, вып. I и II) и моей („Новая теорія права и нравственности, ея критики и монистическое пониманіе этики", 1910), содержащихъ критическіе разборы мнѣній и возраженій критиковъ по поводу психологической теоріи права, хотя въ нихъ обозрѣвается и разбирается болѣе серіозная критическая литература съ оставленіемъ макулатурной и недобросовѣстной критики въ сторонѣ. Съ тѣхъ поръ критическая литература о психологической теоріи права продолжаетъ разрастаться, но и новая критика, подлежащая раз-

бору въ предлагаемой теперь брошюрѣ, стоитъ въ указанныхъ отношеніяхъ не выше прежней. На ряду съ новѣйшей критикой будутъ разсмотрѣны и нѣкоторыя прежнія возраженія, которыя не нашли себѣ мѣста въ первой моей брошюрѣ, посвященной этому вопросу, а также будетъ отмѣченъ фактъ происходящаго подъ вліяніемъ психологической теоріи и все болѣе ясно выражающагося сдвига юридической мысли въ пользу психологическаго пониманія природы права.

Критика Б. Кистяковскаго.

I.

Наиболѣе серіозной является критика Б. Кистяковскаго, изложенная имъ въ статьѣ „Реальность объективнаго права“, помѣщенной въ Международномъ Ежегодникѣ по философіи культуры „Логосѣ“, 1910, книга II. Ставя себѣ задачей выясненіе того, какъ слѣдуетъ подойти къ рѣшенію вопроса о реальности права и какъ слѣдуетъ относиться къ проблемѣ о научномъ понятіи права, г. Кистяковскій стремится доказать, что ни одно изъ понятій права (а таковыхъ онъ признаетъ нѣсколько), въ частности ни психологическое, ни нормативное понятія, не въ состояніи опредѣлить истинную сущность объективнаго права и не охватываютъ всей области права. Доказательство и иллюстрація этого тезиса производятся авторомъ именно на этихъ двухъ понятіяхъ права. Выясняя „это свойство психологически-нормативныхъ теорій права“, авторъ останавливается, какъ на психологическихъ, на понятіяхъ права Бирлинга и Петражицкаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ, что „теперь стало общимъ мѣстомъ положеніе, что истинное существованіе права не въ статьяхъ и параграфахъ законовъ, напечатанныхъ въ кодексахъ, не въ судебныхъ рѣшеніяхъ и не въ другихъ постановленіяхъ органовъ власти, касающихся правовыхъ вопросовъ, а въ сознаніи, какъ всего общества, такъ и отдѣльныхъ членовъ его“ (стр. 194). Это указаніе является характернымъ симптомомъ завоеванія, совершае-

маго на нашихъ глазахъ психологической теоріей права. Дѣло въ томъ, что при первоначальномъ появленіи этой теоріи въ литературѣ раздавались голоса, отрицавшіе возможность построенія теоріи права на психологическомъ фундаментѣ [1]). Теперь же эта точка зрѣнія признается „общимъ мѣстомъ“ и указываются даже предшественники. Это, конечно, симптомъ успѣха психологическаго ученія о правѣ. Странно только, что оно получаетъ признаніе не въ надлежащей оцѣнкѣ, не въ качествѣ самостоятельнаго и оригинальнаго ученія, какъ слѣдовало бы, а въ сопоставленіи съ ученіями, по существу своему ни въ какомъ отношеніи съ нимъ не находящимися. Именно, указавъ, что „наиболѣе опредѣленно чисто-психологическое истолкованіе объективнаго права было дано Бирлингомъ“ въ его теоріи признанія, г. Кистяковскій видитъ въ Бирлингѣ предшественника Петражицкаго: „Л. І. Петражицкій не только усваиваетъ эту (т. е. Бирлинга) теорію объективнаго права, но и вполнѣ послѣдовательно ее развиваетъ“ (стр. 199).

Однако, считать „теорію признанія“ Бирлинга теоріей, легшей въ основу и развиваемой проф. Петражицкимъ въ его ученіи о правѣ, значитъ не видѣть истиннаго смысла послѣдняго. У Бирлинга право есть нормы внѣшняго поведенія, признаваемыя всѣми членами даннаго общенія, или представляющія выраженіе воли общественнаго союза, общественной воли. Въ основѣ его воззрѣнія, какъ и въ основѣ всѣхъ теорій „общей воли“, лежитъ, какъ выясняетъ проф. Петражицкій, смѣшеніе воли въ психологическомъ смыслѣ съ велѣніями (приказами и запретами)—явленіями не психическими. Несмотря на то, что оно имѣетъ психологическій видъ и сопровождается разсужденіями на психологическія темы, ничего общаго съ научной психологіей и психологическимъ изученіемъ права оно не имѣетъ. Отличительный признакъ права — „всеобщее признаніе“, хотя и

[1]) См., напр., статью г. Нечаева въ Ж. М. Ю., 1899, мартъ, — „Вѣстникъ Права и юриспруденція XIX вѣка“, гдѣ авторъ заявляетъ, что проф. Петражицкій исходитъ „изъ совершенно ложнаго положенія о томъ, что право есть явленіе психологическое, а не соціологическое“.

кажется чѣмъ-то психическимъ, на самомъ дѣлѣ также такого характера не имѣетъ. „Признаніе“ Бирлинга охватываетъ не только акты психическаго соглашенія, но и всякое поведеніе, изъ котораго косвенно можно вывести наличность соглашенія, и даже не существующее соглашеніе, но, съ точки зрѣнія логической послѣдовательности или добросовѣстности, долженствующее быть наличнымъ у даннаго субъекта. Въ концѣ концовъ, для наличности „признанія“, а слѣдовательно, и права нѣтъ необходимости въ психическомъ соглашеніи, какъ таковомъ.

Затѣмъ, переходя къ критикѣ ученій проф. Петражицкаго и отмѣтивъ, что въ основаніе теоріи права проф. Петражицкимъ положено своеобразное ученіе объ образованіи научныхъ понятій, критикъ помѣщаетъ подробныя поученія по адресу Петражицкаго на тему о томъ, что „истинное понятіе какого-нибудь явленія возможно только при полномъ знаніи его“, въ частности онъ говоритъ: „По его (Петражицкаго) словамъ, «правильно понимаемое образованіе понятій, какъ таковое, не встрѣчаетъ никакихъ особыхъ препятствій и затрудненій и не предполагаетъ для ихъ устраненія или обхода ни какихъ-либо «гносеологическихъ» или иныхъ тонкостей, ни какихъ-либо умышленныхъ или неумышленныхъ логическихъ погрѣшностей». Конечно, при такой постановкѣ вопроса получается какое-то несоотвѣтствіе между безплодностью тысячелѣтнихъ усилій юридической научной мысли и сравнительной простотой и легкостью той задачи, которую предстояло ей разрѣшить. Это непонятное съ перваго взгляда явленіе объясняется, несомнѣнно, тѣмъ, что Л. І. Петражицкій оріентируетъ свою теорію образованія понятій не на исторіи наукъ, а на чисто житейскихъ сужденіяхъ, разбавленныхъ разнообразными научными свѣдѣніями“ (стр. 200).

Изъ этихъ разсужденій г. Кистяковскаго обнаруживается, что онъ не различаетъ двухъ существенныхъ моментовъ въ методологическомъ ученіи проф. Петражицкаго, именно: образованіе понятій само по себѣ и научную легитимацію послѣднихъ. Создать правильное съ чисто-логической точки

зрѣнія понятіе по способу проф. Петражицкаго очень легко, но дать ему научную легитимацію, научно доказать посредствомъ теорій, адэкватныхъ соотвѣтственному классу объектовъ, пригодность образованнаго такимъ образомъ понятія для возведенія научнаго зданія — совсѣмъ не легкое дѣло. Цитируемыя критикомъ слова проф. Петражицкаго о „легкости“ относятся именно къ образованію правильныхъ лишь въ логическомъ отношеніи понятій. Задача, которую, по мнѣнію проф. Петражицкаго, предстояло разрѣшить юридической научной мысли (именно—опредѣлить природу права), состояла не только въ указаніи характерныхъ свойствъ права, но и въ научномъ обоснованіи правильности такого указанія, въ научной легитимаціи образованнаго понятія права,—задача вовсе не легкая. Отсюда ясно, что при такой постановкѣ вопроса со стороны проф. Петражицкаго, а не той, которую критикъ ошибочно принимаетъ за существующую, никакого несоотвѣтствія между безплодностью тысячелѣтнихъ усилій юридической мысли, находившейся въ зависимости отъ практической юриспруденціи (судебной практики) и не знавшей ни такой постановки, ни средствъ рѣшенія подлежащаго вопроса, и задачей, которую ей предстояло рѣшить, — не получается. Отсюда же слѣдуетъ, что проф. Петражицкій „оріентируетъ“ свою теорію образованія научныхъ понятій не „на житейскихъ сужденіяхъ, разбавленныхъ разнообразными научными свѣдѣніями“, какъ выражается критикъ, а на адэкватныхъ теоріяхъ, индуктивно добываемыхъ и провѣряемыхъ (см. объ этомъ у проф. Петражицкаго во „Введеніи“ §§ 5 и 6).

Документальными данными можно опровергнуть и предположеніе критика, что проф. Петражицкому неизвѣстенъ тотъ способъ образованія понятій, который имѣлъ мѣсто въ исторіи наукъ, и то ученіе, по которому истинно научныя понятія вырабатываются лишь при очень высокомъ состояніи науки, такъ какъ истинное понятіе какого нибудь явленія возможно лишь при полномъ знаніи его.

Этотъ способъ и соотвѣтственное ученіе логиковъ о по-

нятіяхъ, какъ какихъ-то „всезнаніяхъ“, не только вообще извѣстенъ проф. Петражицкому, но и спеціально обсуждается и критикуется имъ во „Введеніи“. Существо этой критики сводится къ утвержденію, что „въ основѣ этого ученія лежитъ смѣшеніе разнородныхъ вещей, а именно смѣшеніе классовыхъ понятій съ полными, до совершенства развитыми, теоріями этихъ классовъ“ (стр. 105 по 3-му изд. и 121 по 2-му, которымъ пользуется критикъ).

Нельзя признать правильнымъ и другое утвержденіе г. Кистяковскаго, состоящее въ томъ, что „Л. І. Петражицкій признаетъ лишь одинъ видъ образованія научныхъ понятій, именно образованіе естественно-научныхъ понятій“ (стр. 201). Къ такому выводу привела критика замѣна со стороны проф. Петражицкаго понятія права въ юридическомъ смыслѣ понятіемъ права въ научномъ смыслѣ. По словамъ критика „для того, чтобы придать своему понятію права характеръ наиболѣе близкій къ естественно-научнымъ понятіямъ, онъ (проф. Петражицкій) считаетъ возможнымъ отвлечься отъ одного изъ существеннѣйшихъ признаковъ права, заключающагося въ томъ, что оно примѣняется въ жизни и осуществляется при помощи извѣстной организаціи“ (тамъ же).

То, что здѣсь изображено критикомъ, какъ существенный признакъ права, для психологической теоріи права является лишь проявленіемъ особой тенденціи правовой психики, явленіемъ, стоящимъ въ причинной связи съ правомъ и объясняемымъ характерною особенностью послѣдняго—аттрибутивностью (см. „Теорія“ §§ 9 и 13). Кромѣ того, психологическая теорія знаетъ особый видъ права, такъ наз. офиціальное право, т. е. право, подлежащее примѣненію и поддержкѣ со стороны представителей государственной власти по долгу ихъ общественнаго служенія. На ряду съ нимъ существуетъ, какъ неопровержимо доказываетъ проф. Петражицкій, и право, лишенное такого значенія въ государствѣ. Вмѣстѣ съ этимъ само явленіе государства и вообще соціальныхъ организацій получаетъ на почвѣ пониманія права, какъ императивно-аттрибутивныхъ переживаній, объясненіе своего возникновенія и

сущности, какъ результата организаціонной функціи права („Теорія“ § 12). Такъ что объ отвлеченіи отъ указаннаго критикомъ признака права, какъ отъ существеннаго для всего права, жалѣть не приходится; наука отъ этого не въ проигрышѣ, а въ выигрышѣ: она теперь знаетъ, что существуетъ не только такое право, которое примѣняется и осуществляется при помощи извѣстной организаціи, и сверхъ того имѣетъ объясненіе соціальныхъ организацій, какъ функцій права.

Если же при образованіи понятія права проф. Петражицкій выходитъ за предѣлы традиціоннаго включенія въ сферу права только права въ юридическомъ смыслѣ, то это обстоятельство объясняется вовсе не тѣмъ, что онъ якобы признаетъ лишь одинъ видъ образованія научныхъ понятій, именно естественно-научныхъ, а тѣмъ, что онъ, не смѣшивая теоретическаго и практическаго изученія права и не подчиняясь профессіонально-юридическимъ привычкамъ называнія правомъ только нѣкоторыхъ явленій этого рода и признавая, что задачею теоріи является изученіе сущаго, какъ оно есть, относитъ къ праву всѣ соотвѣтственныя однородныя явленія, именно императивно-аттрибутивныя переживанія и нормы, независимо отъ того, признаются ли они (или то, что на почвѣ ихъ принимается за правовую реальность) правомъ съ юридическихъ сферахъ, или не признаются, и независимо отъ того, имѣетъ ли соотвѣственное право официальное признаніе, или не имѣетъ. Одна изъ ошибокъ традиціонной юриспруденціи какъ разъ и заключалась въ томъ, что она, смѣшивая теоретическое и практическое изученіе права и находясь въ зависимости отъ практической юриспруденціи и подчиняясь профессіональнымъ привычкамъ примѣненія слова „право“, отстраняла отъ себя цѣлую группу однородныхъ по природѣ своей явленій, уподобляясь, по словамъ проф. Петражицкаго, тому гипотетическому ботанику, который посвятилъ бы себя задачѣ опредѣлить тотъ особый видъ растеній, которому соотвѣтствуетъ кулинарное имя „зелень“, или зоологу, посвятившему себя задачѣ опредѣлить особый видъ животныхъ, называемый съ кулинарной

или охотничьей точки зрѣнія „дичью“. И эта аналогія не только остроумна, что признаетъ и Кистяковскій, но, вопреки его мнѣнію, и вѣрна: традиціонная теорія права находится въ положеніи именно такого ботаника или зоолога, когда, опредѣляя, что такое право, она стремится отвѣтить на вопросъ, что̀ есть право въ „юридическомъ“ смыслѣ, другими словами, что̀ юристы со своей узко-профессіональной точки зрѣнія привыкли называть правомъ.

Для документальнаго опроверженія утвержденій критика, гласящихъ, что проф. „Л. І. Петражицкій признаетъ лишь одинъ видъ образованія научныхъ понятій, именно образованіе естественно-научныхъ понятій“, и „вообще... не касается теоретическаго вопроса о возможности и другихъ видовъ научныхъ понятій“ (стр. 201)—сошлюсь на „Введеніе“ (стр. 85 по 3-му изд. и 96 по 2-му, которымъ пользуется критикъ), гдѣ проф. Петражицкій, изложивъ рекомендуемый имъ способъ образованія и обоснованія научныхъ теоретическихъ (или на языкѣ критика—естественно-научныхъ) понятій, говоритъ: „Тезисъ второй [1]) имѣетъ въ виду принципіально только тѣ науки, которыя мы условились называть теоріями, и методологіи коихъ посвящено спеціально наше изложеніе. Но поскольку другія науки—теоретическія въ въ общемъ смыслѣ (ср. выше стр. 66 прим.), но не классовыя, а индивидуальныя (напр. космографія, географія, исторія), а равно практическія прикладныя науки для своихъ выводовъ нуждаются въ теоріяхъ, какъ посылкахъ, изложенное имѣетъ косвенное значеніе и для этихъ наукъ. Тѣмъ не менѣе въ области методологіи нѣкоторыхъ наукъ, не представляющихъ собою теорій, необходимы особыя начала образованія надлежащихъ понятій, отличныя отъ 2-го тезиса нашего ученія. Необходима выработка особыхъ началъ образованія группъ объектовъ, годныхъ для составленія и изложенія правилъ поведенія, практическихъ рецеп-

[1]) Этотъ тезисъ гласитъ, что „для научно-теоретической легитимаціи... понятій и классовъ требуется, говоря схематически, доказать, что тому, чему свойственно *a*, вмѣстѣ съ тѣмъ спеціально свойственно еще что-либо, напр. *b* или *b*, *c*, *d* и т. д.“ (стр. 85).

товъ (такими группами здѣсь могутъ быть не только классы, но и сборныя группы). Для нашихъ цѣлей разсмотрѣніе подлежащихъ вопросовъ не требуется. Укажемъ только по адресу спеціалистовъ по логикѣ и методологіи, что и для рецептовъ (правилъ поведенія) можно и должно установить начало адэкватности въ смыслѣ надлежащаго (не слишкомъ широкаго, но и не слишкомъ узкаго) объема соотвѣтственныхъ сужденій и вывести изъ него аналогичныя установленнымъ нами для теорій частныя теоремы, въ томъ числѣ, напр., теорему о необходимости n+1 практическихъ дисциплинъ при наличности n спеціальныхъ цѣлей, подчиненныхъ высшей, болѣе общей цѣли (каковою, напр., является „счастіе“ по отношенію къ цѣлямъ „здоровье“, „имущественное благосостояніе“ и т. п.)...

Практически годною группою объектовъ въ сферѣ рецептовъ является такая группа, по отношенію къ коей существуетъ или можетъ быть образованъ адэкватный рецептъ“.

Здѣсь нѣтъ подробнаго изложенія методологіи практическихъ наукъ (что и не входило, какъ говоритъ и самъ авторъ, въ его задачи), но основной принципъ ея намѣченъ настолько ясно, что вышеприведенныя утвержденія критика въ корнѣ теряютъ свою основательность: проф. Петражицкій говоритъ не только объ иномъ (не теоретическомъ, естественно-научномъ) видѣ образованія понятій, но и о критеріи годности этихъ иныхъ (практическихъ) понятій.

II.

Затѣмъ Кистяковскій переходитъ къ критикѣ психологическихъ основъ теоріи Петражицкаго, т. е. къ критикѣ эмоціональной психологіи. Здѣсь онъ прежде всего отмѣчаетъ, что, несмотря на обстоятельность, проф. Петражицкій „далеко не полно излагаетъ существующія психологическія теоріи“. Такъ, онъ будто бы „не указываетъ на то, что существующее дѣленіе психическихъ явленій на ощущенія, чувствованія и волевыя побужденія имѣетъ въ виду установить наиболѣе простые, далѣе неразложимые элементы психической жизни. Онъ даже прямо затемняетъ этотъ характеръ

выше названныхъ рубрикъ, обозначая ихъ (или по преимуществу, или даже исключительно) терминами — познаніе, чувство и воля, имѣющими въ виду эти элементы психической жизни въ ихъ сложномъ и развитомъ видѣ" (стр. 204).

Это утвержденіе критика не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ, приступая къ изложенію господствующей психологической доктрины, проф. Петражицкій говоритъ именно объ *элементахъ* психической жизни, т. е., конечно, о неподдающихся дальнѣйшему анализу частяхъ сознанія („Въ основѣ современной психологіи лежитъ дѣленіе *элементовъ* психической жизни на три категоріи: познаніе, чувство, воля", стр. 117) [1]). Затѣмъ въ концѣ § 8, посвященнаго изложенію психологіи познанія, на стр. 127 [2]), читаемъ: „Если же имѣть въ виду указаніе и дѣленіе простѣйшихъ, *не подлежащихъ дальнѣйшему анализу* [3]) (мысленному разложенію на болѣе простыя составныя части), элементовъ психическихъ явленій, то... простѣйшими познавательными элементами слѣдуетъ признать элементарныя, простѣйшія ощущенія и представленія". Примѣчаніе на стр. 146 [4]) гласитъ: „И теперешніе психологи обыкновенно начинаютъ разговоръ о волѣ съ сообщенія, что къ элементамъ, т. е. простѣйшимъ, не допускающимъ разложенія, составнымъ частямъ психической жизни наряду съ простыми ощущеніями и простыми чувствами относится воля, но затѣмъ они считаютъ долгомъ непремѣнно заняться „анализомъ" воли, т. е. найти въ ней или придумать къ ней разные „элементы".

Вторая половина этого примѣчанія указываетъ вдобавокъ на существующее въ психологіи противорѣчіе и логическій абсурдъ, состоящій въ томъ, что элементы психической жизни описываются не только какъ элементы (т. е. неразложимыя части сознанія), но и „въ ихъ сложномъ и развитомъ видѣ", по вышеупомянутому выраженію Кистяковскаго. Въ выявленіи этого противорѣчія и абсурдности

---

[1]) Стр. 137 по 2-му изд. „Введенія", которымъ пользуется критикъ.
[2]) Стр. 150 по 2-му изд.
[3]) Курсивъ вездѣ мой.
[4]) Стр. 174 по 2-му изд.

такой постановки дѣла и состоитъ одинъ изъ пунктовъ критики проф. Петражицкимъ внутренняго содержанія психологическихъ рубрикъ: познаніе, чувство и воля, при чемъ особенно подчеркивается. что дѣло должно итти и у психологовъ поначалу идетъ о неразложимыхъ элементахъ психической жизни, но впослѣдствіи эти элементы начинаютъ „разлагаться“, превращаются въ сложныя психическія величины, при чемъ психическая природа этихъ элементовъ не мѣшаетъ вмѣщать въ себя даже и не психическія части, тѣлесныя движенія и т. д. [1]).

„Далѣе“—говоритъ критикъ—„Л. І. Петражицкій не удѣляетъ достаточнаго вниманія тому важному обстоятельству, что эти три основныхъ элемента психической жизни получаются современной психологіей путемъ абстракціи и методологическаго изолированія ихъ. Реально человѣкъ никогда не переживаетъ чистаго ощущенія, а тѣмъ болѣе чистаго чувствованія или чистаго волевого побужденія безъ примѣси другихъ изъ этихъ элементовъ. Въ частности, наконецъ, излагая современное ученіе о волѣ, Л. І. Петражицкій упустилъ изъ виду самую основную часть его. Онъ совсѣмъ не упомянулъ о томъ, что какъ въ области познанія представленія слагаются изъ ощущеній и воспріятій, такъ въ области воли рѣшенія слагаются изъ волевыхъ побужденій, или импульсовъ. Въ связи съ этимъ стоитъ и то обстоятельство, что Л. І. Петражицкій не сообщаетъ всѣхъ значеній нѣмецкаго слова «Trieb»; онъ передаетъ только его обыденное значеніе, переводимое по-русски словомъ «инстинктъ», и подробно критикуетъ это понятіе, какъ ненаучное, но онъ совсѣмъ не упоминаетъ значенія слова «Trieb», какъ научнаго термина, означающаго «волевое побужденіе» или «импульсъ». Если бы Л. І. Петражицкій обратилъ должное вниманіе на всѣ эти ученія современной психологіи, то, можетъ быть, и его теорія эмоцій пріобрѣла бы другой видъ“ (стр. 204, 205).

---

[1]) См. обильнѣйшія иллюстраціи къ этому тезису на стр. 129, 138—143 и др. „Введенія“.

По поводу термина „Trieb“ замѣчу, что проф. Петражицкій на стр. 148 и 149 „Введенія“ [1]) въ примѣчаніи упоминаетъ, что не у всѣхъ психологовъ Triebe=Instinkte, что „многіе нѣмецкіе психологи, соотвѣтственно этой наличности двухъ различныхъ словъ, считаютъ нужнымъ различать и двѣ категоріи низшихъ волевыхъ явленій: Instinkte и Triebe, при чемъ и это различіе разными психологами опредѣляется различно“ и т. д.

Почему обращеніе вниманія на то, что „въ области воли рѣшенія слагаются изъ волевыхъ побужденій, или импульсовъ“, могло бы видоизмѣнить теорію эмоцій, Кистяковскій прямо не указываетъ. Но на основаніи примѣчанія къ этому мѣсту текста, гдѣ онъ говоритъ, что „переводчикъ «Микрокосма» на русскій языкъ В. Коршъ передавалъ нѣмецкій терминъ «Trieb» — волевой импульсъ — не привившимся у насъ словомъ «побуда»“,—и затѣмъ прибавляетъ: „Конечно, слово «позывъ», употребляемое Л. І. Петражицкимъ, гораздо лучше“, — на основаніи этого примѣчанія можно думать, что, по мнѣнію Кистяковскаго, эмоціи (или импульсіи) Петражицкаго, которыя послѣдній характеризуетъ какъ „позывы“, теряютъ свою самостоятельность, такъ какъ психологія уже знаетъ „побуду“, „волевой импульсъ“, „Trieb“. Какое преклоненіе передъ совпаденіемъ терминовъ! И это послѣ того, какъ нерезонность такого отношенія къ дѣлу блестящимъ образомъ выяснена проф. Петражицкимъ. Въ дѣйствительности подъ совпадающими терминами скрывается совершенно различное пониманіе существа дѣла. Къ тому же „Trieb“ вовсе не значитъ „волевой импульсъ“.

Мало того, оба положенія — первое, гласящее, что „въ области познанія представленія слагаются изъ ощущеній и воспріятій“, и второе: „въ области воли рѣшенія слагаются изъ волевыхъ побужденій, или импульсовъ“, — оба эти положенія, за упущеніе которыхъ критикъ упрекаетъ проф. Петражицкаго, съ научно-психологической точки зрѣнія представляютъ явную нелѣпость. Не представленія слага-

[1]) Стр. 178 по 2-му изд.

ются изъ ощущеній и воспріятій, а какъ разъ наоборотъ эти послѣднія, т. е. воспріятія, слагаются изъ разныхъ ощущеній и представленій. Представленія же (мысленные образы) возникаютъ, появляются на почвѣ прежнихъ ощущеній и воспріятій (хотя и не только на этой почвѣ). Правда, психологи обыкновенно опредѣляютъ представленія какъ репродуцированныя, воспроизведенныя (въ менѣе живомъ видѣ) ощущенія и воспріятія [1]), но смыслъ этого опредѣленія состоитъ вовсе не въ томъ, что представленія слагаются изъ ощущеній и воспріятій (т. е. психическихъ актовъ, возникающихъ подъ вліяніемъ реальныхъ внѣшнихъ или внутреннихъ раздражителей), а въ томъ, что внутреннее содержаніе ощущеній и воспріятій воспроизводится, несмотря на отсутствіе прежнихъ раздражителей, въ отличныхъ по характеру переживаніяхъ — представленіяхъ. Мы видимъ, что критикъ не усвоилъ въ данномъ случаѣ и традиціоннаго опредѣленія представленій. Произошло это, впрочемъ, на почвѣ недостаточной удачности послѣдняго.

По поводу второго положенія слѣдуетъ замѣтить, что рѣшеніе, или воля, есть элементарный, не разложимый на составныя части психическій актъ и, слѣдовательно, состоящій только изъ самого себя. Правда, традиціонная психологія изображаетъ волю въ то же время какъ сложный психическій актъ, какъ сумму различныхъ слагаемыхъ, среди которыхъ находятъ мѣсто между прочимъ и рѣшеніе (актъ выбора) и побужденія, но опять-таки рѣшеніе не слагается изъ побужденій, а является лишь выходомъ, итогомъ борьбы разныхъ побужденій и мотивовъ. Такое положеніе дѣла не только не ускользнуло отъ проф. Петражицкаго, но спеціально и подробно имъ критикуется (см. „Введеніе“, стр. 142—146) [2]), при чемъ между прочимъ выясняется, что „если... всмотрѣться въ отношеніе къ волѣ тѣхъ разныхъ явленій иныхъ психологическихъ классовъ, которыя выста-

---

[1]) Объ этомъ опредѣленіи говоритъ и проф. Петражицкій („Введеніе“, стр. 119—120, а по 2-му изд. 141).

[2]) Стр. 170—174 по 2-му изд.

вляются разными психологами какъ элементы воли, то оказывается, что эти явленія находятся къ волѣ въ одномъ изъ трехъ различныхъ отношеній: или предшествованія волѣ, или одновременности, или слѣдованія за нею" (стр. 143) и что „подъ понятіе воли слѣдуетъ подводить волю и только, а сочетаніе воли съ чѣмъ-либо другимъ, напр., съ представленіями, чувствами, такъ и слѣдуетъ опредѣлять какъ сочетаніе воли съ другимъ, а не какъ волю" (142), и что воля существуетъ не только въ связи съ тѣми примѣсями, которыя психологи включаютъ въ ея составъ, но и безъ нихъ, каковыя переживанія и являются надлежащимъ матеріаломъ для изученія и познанія волевыхъ переживаній въ чистомъ ихъ видѣ (стр. 144). Если бы г. Кистяковскій обратилъ должное вниманіе на все это, то его мнѣніе и о традиціонной психологіи, и о теоріи эмоцій, конечно, было бы инымъ.

Въ качествѣ главнаго возраженія противъ теоріи эмоцій г. Кистяковскій выставляетъ положеніе, что ни одинъ изъ элементовъ психической жизни не переживается отдѣльно, и это все-таки не мѣшаетъ психологіи добывать ихъ, а потому то обстоятельство, что двѣ стороны эмоціи не представляютъ двухъ самостоятельныхъ и могущихъ быть переживаемыми отдѣльно другъ отъ друга психическихъ явленій, и что каждая эмоція переживается нами, какъ единое психическое недѣлимое, не налагаетъ на насъ запрета въ цѣляхъ научнаго познанія производить это дѣленіе (стр. 205). Въ виду этого онъ находитъ возможнымъ разложить эмоціи „на болѣе простые и однородные" элементы.

Это возраженіе критика не въ состояніи, однако, поколебать ученія объ эмоціяхъ, какъ пассивно-активныхъ, претерпѣвательно-моторныхъ переживаніяхъ, отличныхъ отъ познавательныхъ, чувственныхъ и волевыхъ элементовъ психики, такъ какъ для существованія эмоцій въ качествѣ особыхъ элементовъ психики въ сущности безразлично, переживаются ли всѣ эти элементарные психическіе акты отдѣльно, изолированно, или же съ примѣсью другихъ элементовъ, въ частности попарно, по три за разъ и т. п.

Въ томъ и другомъ случаѣ при достаточномъ умѣніи можно обнаружить и мысленно отдѣлить одни элементы отъ другихъ, насчитавъ ихъ три категоріи, какъ это дѣлаетъ традиціонная психологія, или четыре, какъ это дѣлаетъ, болѣе согласно съ дѣйствительностью, проф. Петражицкій. Несамостоятельность и нераздѣльность пассивной и активной сторонъ эмоцій имѣютъ у проф. Петражицкаго, какъ сейчасъ увидимъ, особый смыслъ, иной, чѣмъ предполагаетъ критикъ.

Если даже условно принять воззрѣніе о невозможности изолированнаго переживанія элементарныхъ психическихъ актовъ (хотя противъ него можно очень многое возразить), то все же надо имѣть въ виду, что хотя познаніе, чувство и воля предшествуютъ, сопутствуютъ и слѣдуютъ другъ за другомъ, однако, въ разныхъ случаяхъ и стадіяхъ психической жизни связь ихъ различна; иногда же происходитъ разрывъ, отдѣленіе одного отъ другого (переживается, напр., воля что-либо сдѣлать и „неопредѣленная“ воля, хотя бы на короткій моментъ; иногда въ результатѣ созерцанія какого-нибудь предмета различные элементы сознанія выпадаютъ и въ наличности остаются лишь воспріятія созерцаемаго и т. п.). Однимъ словомъ, различные элементы психики сочетаются въ различныхъ комбинаціяхъ, тогда какъ пассивная и активная стороны эмоцій всегда и съ одинаковой силой переживаются вмѣстѣ, нераздѣльно [1]); чѣмъ сильнѣе и явственнѣе, говоритъ Петражицкій, переживаніе эмоціи, тѣмъ сильнѣе и явственнѣе специфическое претерпѣваніе и вмѣстѣ съ тѣмъ специфическій позывъ; такого соотвѣтствія въ силѣ нѣтъ при сочетаніи различныхъ элементовъ психики другъ съ другомъ; къ тому же претерпѣва-

[1]) Неотдѣлимость пассивной и активной сторонъ эмоцій критикъ считаетъ недоказанной (стр. 204), но нѣсколькими страницами ниже при сведеніи эмоцій къ волѣ и чувствованіямъ онъ самъ признаетъ ихъ неотдѣлимость другъ отъ отъ друга; на стр. 207 читаемъ: „съ точки зрѣнія традиціонной психологіи надо признать, что наиболѣе существенную часть «эмоцій» Л. І. Петражицкаго составляютъ волевые импульсы, менѣе же существенную часть, *всегда* (курсивъ мой) однако въ томъ или иномъ видѣ имѣющуюся налицо, составляютъ ощущенія и чувствованія“.

ніе специфично, отлично отъ чувства и отъ познавательныхъ элементовъ психики, какъ отличенъ и отъ воли позывъ, активная сторона эмоціи. Въ послѣднемъ можно убѣдиться самонаблюденіемъ, хотя бы на тѣхъ примѣрахъ, которые даетъ проф. Петражицкій, именно проанализировавъ переживанія, сопровождающіяся выраженіями: „хочу исправиться“, „желаю всегда соблюдать извѣстное правило“, обозначающими обыкновенно соотвѣтственную волю, рѣшимость, и съ другой стороны, переживанія, сопровождающіяся выраженіями: „хочу ѣсть, пить, спать“, „желаю, чтобы случилось то-то“ (особенно что либо независимое отъ нашей воли и поведенія), обозначающими обыкновенно наличность соотвѣтствующихъ эмоцій, моторныхъ возбужденій. Еще лучше можно наблюдать различіе воли и эмоцій, сравнивая, напр., переживаніе рѣшимости (воли) взять въ ротъ гнилое мясо, рѣшимости проглотить муху и т. п., съ репульсивнымъ, отталкивательнымъ, недопускающимъ выполнить эти дѣйствія возбужденіемъ (эмоціей), представляющимъ психическую помѣху, противодѣйствіе указанной волѣ; или сравнивая рѣшимость (волю) не трогать возбуждающаго аппетитъ предмета, напр., воздержаться отъ питья, несмотря на жажду, съ этой послѣдней, съ желаніемъ пить, аппетитивнымъ влеченіемъ (питьевой эмоціей). Прекраснымъ матеріаломъ можетъ служить также ученіе подъ вліяніемъ волевыхъ усилій (несмотря на нежеланіе, отвращеніе въ данный моментъ къ ученію) и ученіе подъ вліяніемъ эмоціональнаго влеченія къ знанію, подъ вліяніемъ эмоцій любопытства, или любознательности [1]).

Характерно, что г. Кистяковскій, какъ и прочіе критики, умалчиваетъ объ этихъ примѣрахъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, сводитъ активность эмоцій къ волѣ, а пассивность— къ чувствованіямъ и ощущеніямъ, тогда какъ безъ спеціальнаго разсмотрѣнія ихъ, въ частности безъ надлежащей интроспективной повѣрки тезисовъ проф. Петражицкаго,

---

[1]) Всѣ эти примѣры взяты изъ сочиненія проф. Петражицкаго, подвергшагося обозрѣваемой въ текстѣ критикѣ.

не можетъ быть поколеблено общее положеніе послѣдняго о томъ, что громадная масса психическихъ переживаній не укладывается въ традиціонныя рубрики познанія, чувства и воли, а составляетъ особый классъ переживаній—эмоціи. И если бы утвержденіе критиковъ, что эмоціи могутъ быть разложены на абстрактныя части, было правильнымъ, то и тогда, при оставленіи неопровергнутымъ положенія о специфическомъ характерѣ пассивной и активной сторонъ эмоцій, традиціонное трехчленное дѣленіе элементовъ психической жизни нельзя было бы сохранить, а пришлось бы замѣнить его уже пятичленнымъ.

Въ виду только что сказаннаго, можетъ возникнуть лишь такой вопросъ: нельзя ли, признавъ специфическій характеръ пассивной и активной стороны эмоцій, считать элементомъ психической жизни не самыя эмоціи, а абстрактныя ихъ части.

Какъ уже было указано мною по поводу аналогичной критики проф. Орженцкаго [1]), вопросъ этотъ рѣшается всецѣло въ зависимости отъ того, что̀ слѣдуетъ научно-резоннымъ образомъ принимать за психическій элементъ: слѣпыя ли абстракціи (неизвѣстно для чего абстрагированныя) или живыя, реальныя, исполняющія опредѣленную біологическую функцію части сознанія. Познаніе, чувство, воля и эмоціи, какъ ихъ понимаетъ проф. Петражицкій, суть именно такія реальныя величины психической жизни, которыя пріурочены къ выполненію опредѣленной жизненной функціи животнаго организма, и съ этой точки зрѣнія изучаются. При чемъ такая точка зрѣнія особо подчеркивается и выдвигается авторомъ эмоціональной психологіи, въ виду чего совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей утвержденіе г. Кистяковскаго, что проф. Петражицкій „совсѣмъ обошелъ вопросъ о томъ, почему мы должны признавать эмоціи при ихъ двойной, активно-пассивной или претерпѣвательно-моторной природѣ первичными элементами, а не разлагать ихъ на болѣе простые и однородные“,

[1]) См. мою брошюру „Новая теорія права и нравственности, ея критики и монистическое пониманіе этики“, 1910, стр. 26.

добываемые, по выраженію критика, „путемъ абстракціи и методологическаго изолированія“. Между прочимъ, по поводу послѣдняго выраженія критика можно его же словами сказать, что „такое абстрагированіе не только не даетъ никакой познавательной цѣнности, но даже приводитъ къ обратнымъ результатамъ“. Тогда какъ указанный выше критерій, примѣняемый въ эмоціональной психологіи, даетъ возможность нарисовать ясную картину психической жизни и объяснить роль психики вообще и отдѣльныхъ ея элементовъ въ приспособленіи организма къ выполненію различныхъ біологическихъ функцій и построить соотвѣтственныя адэкватныя теоріи.

Желая найти своимъ абстракціямъ нѣкоторую опору въ сферѣ другихъ наукъ, критикъ говоритъ: „Объявленная Л. І. Петражицкимъ ненаучной «традиціонная психологія», разлагая реально «недѣлимое», поступаетъ подобно другимъ естественнымъ наукамъ; она дѣйствуетъ такъ, какъ дѣйствуетъ, напримѣръ, химія, которая, разлагая сложныя тѣла, хотя бы воду, уничтожаетъ ихъ реальную «недѣлимость» и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ самихъ, такъ какъ вмѣсто одной жидкости—воды—она получаетъ два газообразныхъ химическихъ элемента—водородъ и кислородъ“ (стр. 206). Критикъ забываетъ при этомъ, что водородъ и кислородъ все-таки не абстракціи, а реально и порознь могущіе существовать и существующіе элементы, не подкрѣпляющіе, а разрушающіе его теорію „абстрактныхъ элементовъ“.

Свою критику эмоціональной психологіи г. Кистяковскій заканчиваетъ такимъ заключеніемъ: „для того, чтобы убѣдиться въ истинной научности «эмоціональной психологіи» Л. І. Петражицкаго, вовсе не достаточно ознакомиться съ тѣмъ богатымъ описательнымъ матеріаломъ, который авторъ ея получаетъ путемъ самонаблюденія или опытовъ... Для этого нужно было бы прежде всего перестроить всю традиціонную теорію познанія... Но этой гносеологической критики основныхъ понятій, которая должна была бы доказать пріемлемость «эмоціональной психологіи» Л. І. Петражицкій не далъ“ (стр. 206, 207).

Указанные упреки и требованія критика не только неосновательны по существу, но и являются странными и непонятными по адресу автора, который выясняетъ въ данномъ случаѣ свою научно-методологическую позицію [1]). Дѣло въ томъ, что § 5 „Введенія“ проф. Петражицкій посвящаетъ выясненію и обоснованію принципа адэкватности знанія. Существо этого принципа состоитъ въ томъ, что все, что высказывается (мыслится), должно быть отнесено не къ слишкомъ узкому и не къ слишкомъ широкому, а какъ разъ къ соотвѣтствующему по объему своему „подлежащему“. Поэтому, напр., утвержденіе: „люди низкаго роста не могутъ жить безъ воздуха“, какъ нарушающее принципъ адэкватности, ибо сказуемое этого утвержденія относится не только къ людямъ низкаго роста и даже не только къ людямъ, а къ несоизмѣримо болѣе широкому классу объектовъ,—не представляетъ научно-годнаго утвержденія. Этотъ принципъ имѣетъ значеніе въ области различныхъ вопросовъ научнаго мышленія: при разграниченіи различныхъ областей знанія, при постановкѣ, обсужденіи, рѣшеніи и критикѣ различныхъ темъ и проблемъ, въ вопросѣ классификаціи объектовъ изученія и т. п. Онъ въ дѣйствительности и выполняется, хотя и безъ надлежащей научной сознательности, представителями различныхъ спеціальныхъ областей знанія. Такъ, физики, химики, ботаники, зоологи и проч., имѣя дѣло съ объектами внѣшней природы, не задаются вопросами о томъ, существуютъ ли эти объекты и не является ли свидѣтельство внѣшнихъ чувствъ иллюзіей (гносеологіей и т. п. не занимаются), а исходятъ изъ того, что̀ даетъ имъ внѣшній опытъ. Точно также и психологи, по общему правилу, исходятъ изъ данныхъ внутренняго опыта, не припутывая въ сферу своего

---

[1]) Упрекъ въ отсутствіи въ трудахъ проф. Петражицкаго гносеологіи и т. п. повторяютъ по различнымъ поводамъ и другіе критики, какъ выступившіе раньше Кистяковскаго, такъ и послѣдующіе, такъ что и выясненіе нерезонности этого упрека должно быть отнесено по адресу не только г. Кистяковскаго, но и другихъ.

вѣдѣнія вопросовъ гносеологіи и тому подобныхъ общефилософскихъ вопросовъ.

Въ силу этого принципа, слѣдовательно, вопросы гносеологіи и вообще философіи не должны быть включаемы въ область спеціальныхъ наукъ, при построеніи которыхъ слѣдуетъ стоять на почвѣ опыта (внѣшняго и внутренняго). И если критикъ для соблюденія научности требуетъ въ опытной наукѣ (куда относится и психологія) выйти за предѣлы подлежащихъ ей темъ, т. е. нарушить одинъ изъ принциповъ и критеріевъ научности—принципъ адэкватности знанія, то онъ по крайней мѣрѣ не долженъ былъ обойти молчаніемъ этотъ принципъ и даже больше того—долженъ былъ выяснить его нерезонность. Онъ этого не сдѣлалъ. Требованіе его основано на научно-нерезонномъ смѣшеніи темъ и проблемъ общей философіи и спеціальныхъ наукъ, и выполненіе этого требованія, какъ, надѣюсь, показываютъ мои отвѣты на его критику эмоціональной психологіи, вовсе не необходимо для того, чтобы убѣдиться въ правильности и научности психологическаго ученія проф. Петражицкаго.

III.

Въ своемъ критическомъ разборѣ психологической теоріи права г. Кистяковскій отмѣчаетъ, что „психологическое ученіе о правѣ представляетъ несомнѣнный интересъ и большое научное значеніе“. Опредѣленіе различія между правовыми и нравственными переживаніями онъ находитъ очень проницательнымъ и мѣткимъ, а выясненіе мотивапіоннаго и воспитательнаго дѣйствія права и нравственности—не только научною новостью, но и изслѣдованіемъ, отличающимся „почти классическимъ совершенствомъ“, достойнымъ занять „почетное мѣсто во всякой хрестоматіи по описательной психологіи и педагогикѣ“ (стр. 209). Очень интереснымъ и помогающимъ уяснить многія явленія правовой жизни находитъ онъ разсмотрѣніе и другихъ характерныхъ свойствъ и тенденцій права и нравственности. Вообще критика Кистяковскаго, въ отличіе отъ критики многихъ

другихъ авторовъ, лишена тенденціи умалить достоинства разсматриваемыхъ ею ученій и не ставитъ себѣ задачей спеціально отрицательнаго отношенія къ нимъ.

„Но выясненіемъ вышеназванныхъ вопросовъ и исчерпываются безспорныя достоинства психологической теоріи Л. І. Петражицкаго“—читаемъ мы нѣсколько ниже. И дальше критикъ начинаетъ сомнѣваться въ безспорности развиваемыхъ этой теоріей положеній.

Прежде всего, онъ находитъ понятіе права, какъ императивно-аттрибутивныхъ переживаній, черезчуръ широкимъ (стр. 210). Это обстоятельство, по мнѣнію критика, сыграло ту роль, что, несмотря даже на особенную послѣдовательность, съ какой проф. Петражицкій проводитъ свою точку зрѣнія, онъ „въ концѣ концовъ все-таки принужденъ быть непослѣдовательнымъ... онъ долженъ вводить новый признакъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое мотиваціонное, а тѣмъ болѣе воспитательное значеніе можетъ имѣть право, если оно будетъ состоять изъ разбойничьихъ нормъ, изъ нормъ продиктованныхъ суевѣріемъ и галлюцинаціями, или хотя бы изъ нормъ, которыя никому неизвѣстны, кромѣ тѣхъ, кто считаетъ ихъ для себя обязательными? Л. І. Петражицкій долженъ признать, что здѣсь главную роль играютъ извѣстные соціально-психическіе процессы“ (стр. 211), которые вызываютъ появленіе и опредѣляютъ развитіе этическихъ эмоціонально-интеллектуальныхъ сочетаній въ направленіи, соотвѣтствующемъ общественному благу. Когда эти процессы будутъ выяснены проф. Петражицкимъ подробнѣе—говоритъ критикъ—„то и его опредѣленіе понятія права по необходимости претерпитъ измѣненіе. Къ нему будетъ прибавленъ новый признакъ, который окажется differentia specifica понятія права въ соціально-психологическомъ смыслѣ, очень близкаго къ понятію права въ юридическомъ смыслѣ“ (стр. 212).

Возможности нѣсколькихъ понятій какого-либо явленія, въ томъ числѣ и права, я коснусь нѣсколько ниже, въ связи съ намѣчаемыми критикомъ въ концѣ его статьи четырьмя понятіями права. Теперь отвѣчу на его утвержде-

ніе объ излишней широтѣ понятія права, какъ императивно-аттрибутивныхъ переживаній. Этимъ понятіемъ, дѣйствительно, охватывается не только право нормальныхъ и хорошихъ людей, но и право преступныхъ организацій, и право, возникшее на почвѣ суевѣрій, галлюцинацій и т. д. (и это вполнѣ понятно, разъ право явленіе психическое), такъ же, какъ понятіемъ радости, горя и т. п. охватываются радость и горе не только нормальныхъ и хорошихъ людей, но и радость и горе преступниковъ, радость, возникшая на почвѣ суевѣрій, галлюцинацій, радость и горе, которыя остаются никому неизвѣстными и т. д. Иное положеніе вещей, т. е. невключеніе въ понятіе права правовыхъ переживаній преступнаго, суевѣрнаго и т. п. типа, было бы нарушеніемъ основного научнаго правила объ объединеніи однороднаго и разъединеніи разнороднаго, вносило бы въ науку личные вкусы и произволъ и лишало бы ее возможности строить научное зданіе согласно принципу адэкватности.

Что же касается мотиваціоннаго и воспитательнаго значенія такого права, какъ право преступныхъ организацій, суевѣрное и т. п. право, то, дѣйствительно, подобная роль ихъ, по сравненію въ этомъ отношеніи съ другими вѣтвями правовой психики, имѣетъ гораздо меньшее значеніе, или даже почти совсѣмъ отсутствуетъ, напр., едва ли можно ожидать воспитательныхъ эффектовъ отъ правовыхъ переживаній, возникающихъ на почвѣ галлюцинацій; воспитательное значеніе права, дѣйствующаго въ преступныхъ организаціяхъ, уже несомнѣнно и даже велико и полезно для существованія этихъ организацій, но съ точки зрѣнія нормальной соціальной жизни имѣетъ отрицательное значеніе. Но это вовсе не можетъ служить поводомъ къ исключенію соотвѣтственныхъ вѣтвей правовой психики изъ области права, такъ же, какъ, напр., негодность и отрицательное значеніе испортившихся фруктовъ не обращаетъ послѣдніе въ не фрукты и т. п. Вѣдь и признанное государственною властью право можетъ имѣть, а подчасъ и имѣетъ отрицательное и даже очень зловредное значеніе, однако изъ-за этого его не исклю-

чаютъ изъ области права. Съ другой стороны, и мотивационное и воспитательное дѣйствіе права не есть что-то такое, что̀ всегда, въ каждомъ конкретномъ случаѣ правового переживанія или ряда переживаній, имѣется налицо и пріобрѣтаетъ то или другое значеніе. Мотивационные и воспитательное дѣйствіе права есть только тенденція, присущая праву, и слѣдовательно, въ отдѣльныхъ случаяхъ соотвѣтственное дѣйствіе можетъ вообще отсутствовать, но и это не обращаетъ такого не имѣвшаго значенія права въ не право, такъ же какъ отсутствіе какого-либо значенія у данныхъ фруктовъ не обращаетъ ихъ въ не фрукты и т. п.

И если на ряду съ этимъ проф. Петражицкій говоритъ о тѣхъ соціально-психическихъ процессахъ, которые вызываютъ появленіе и опредѣляютъ направленіе развитія права такъ, что послѣднее получаетъ, вообще говоря, такое содержаніе, которое соотвѣтствуетъ общественному благу въ мотивационномъ и воспитательномъ отношеніи, то это обстоятельство свидѣтельствуетъ не о непослѣдовательности его и не о необходимости введенія новаго признака для права, какъ совершенно ошибочно думаетъ критикъ, а только именно о существованіи такихъ соціально-психическихъ процессовъ (чего-то посторонняго для самой сущности права, хотя и имѣющаго для него большое значеніе), которые большинство правовыхъ переживаній обращаютъ на пользу и процвѣтаніе человѣчества, на укрѣпленіе и торжество въ немъ любви, добра и т. п. [1]).

Въ заключеніе своихъ разсужденій объ излишней широтѣ понятія права, какъ императивно-аттрибутивныхъ переживаній, критикъ замѣчаетъ, что „это не есть «понятіе права», а «понятіе правовой психики», и изслѣдованіе

[1]) Въ примѣчаніи на стр. 212 г. Кистяковскій говоритъ, что „на отсутствіе соціально-психологическихъ критеріевъ въ опредѣленіи понянія права Л. І. Петражицкаго указалъ уже В. М. Хвостовъ въ своихъ этическихъ этюдахъ“. См. по этому поводу возраженіе Хвостову въ моей брошюрѣ—„Новая теорія права и нравственности, ея критики и монистическое пониманіе этики“, 1910 г., стр. 51—54. Ср. также съ брошюрой П. Е. Михайлова—„Психологическая теорія права передъ судомъ русской юриспруденціи“, 1910 г., вып. II, стр. 31—40.

Л. І. Петражицкаго имѣетъ въ виду главнымъ образомъ правовую психику, а не право“ (стр. 212).

По ученію проф. Петражицкаго, правовая психика и есть право. Это уже не подлежитъ сомнѣнію, и я не буду этого доказывать цитатами. Если же критикъ не согласенъ съ такимъ отожествленіемъ, то, по важности затронутаго имъ вопроса, необходима серіозная и спеціальная критика, а не простое утвержденіе, что „это не есть понятіе права, а понятіе правовой психики“, снабженное ссылкой въ примѣчаніи на то, что такъ дѣло понимаетъ и другой критикъ психологической теоріи, Гинцбергъ. Такое пониманіе въ дѣйствительности равно совершенному непониманію существа дѣла [1]). Любопытно, что ниже (на стр. 235), формулируя въ числѣ своихъ четырехъ понятій права психологическое его понятіе, г. Кистяковскій уже не отдѣляетъ права отъ правовой психики: „съ психологической точки зрѣнія“—по его опредѣленію—„право есть совокупность нормъ, состоящихъ изъ императивно-аттрибутивныхъ психическихъ переживаній“ [2]).

Сейчасъ мы имѣли дѣло съ положеніемъ критика, что понятіе права, какъ императивно-аттрибутивныхъ переживаній, слишкомъ широко. „Но, съ другой стороны“,—читаемъ мы далѣе—„психологическое понятіе права Л. І. Петражицкаго и черезчуръ узко. Оно неспособно обнять, а тѣмъ болѣе опредѣлить истинную природу объективнаго права“ (стр. 212), или на стр. 232: „психологическое понятіе права, имѣя дѣло съ психическими переживаніями, не охваты-

---

[1]) См. по этому поводу ниже, въ обзорѣ критики г. Гинцберга.

[2]) Это опредѣленіе понятія права Кистяковскій даетъ въ согласіи съ опредѣленіемъ проф. Петражицкаго. Напрасно только онъ становится на проекціонную точку зрѣнія, опредѣляя право, какъ нормы. При передачѣ опредѣленія проф. Петражицкаго надо стать на реально-психологическую точку зрѣнія, опредѣлять право, какъ эмоціонально-интеллектуальныя сочетанія императивно-аттрибутивнаго характера, на почвѣ каковыхъ сочетаній возникаютъ проекціи ихъ—императивно-аттрибутивныя нормы. Указанный недостатокъ свойственъ очень многимъ изъ такъ или иначе принимавшихся за изложеніе опредѣленія права проф. Петражицкаго.

ваетъ всей области права и не достаточно для объясненія реальности объективнаго права".

Какъ извѣстно, „объективное" право (или правовыя нормы), по ученію проф. Петражицкаго, имѣетъ проекціонную природу, это фантазмы на почвѣ императивно-аттрибутивныхъ переживаній, ничего реальнаго имъ не соотвѣтствуетъ, насколько объ этомъ можно судить на основаніи опыта. Воззрѣніе традиціонной юриспруденціи на природу правовыхъ нормъ, какъ на что-то объективное и реальное, основано на смѣшеніи нормъ съ величинами, дѣйствительно, объективно и реально существующими, но представляющими нѣчто принципіально отличное отъ нормъ, а именно съ нормативными фактами, точнѣе, съ однимъ изъ видовъ послѣднихъ—законодательными постановленіями. Кромѣ того, это воззрѣніе вообще обусловлено проекціонной точкой зрѣнія на право. Реальность объективнаго права, по ученію психологической теоріи, оказывается мнимой. Отсюда слѣдуетъ, что для доказательства выставленнаго критикомъ тезиса необходимо опровергнуть ученіе о правовыхъ нормахъ, какъ фантазмахъ на почвѣ императивно-аттрибутивныхъ переживаній, и доказать реальное существованіе объективнаго права. До нѣкоторой степени соотвѣтственную попытку и представляютъ разсужденія Кистяковскаго въ подтвержденіе его тезиса объ узости понятія права психологической теоріи. Положеніе проф. Петражицкаго: „понятія нормативныхъ фактовъ въ современной наукѣ права не существуетъ, именно вслѣдствіе смѣшенія ихъ съ нормами", по мнѣнію критика, „не совсѣмъ вѣрно. Л. І. Петражицкій не упоминаетъ въ какомъ отношеніи находится его ученіе о «нормативныхъ фактахъ» къ существующему въ юридической наукѣ ученію объ «источникахъ права». Между тѣмъ источники права, поскольку они являются источниками, никогда не смѣшиваются въ современной наукѣ съ самимъ правомъ. Но источники права выполняютъ, по ученію современной юриспруденціи, единственную задачу—свидѣтельствовать о существованіи объективнаго права. Напротивъ Л. І. Петражицкій, создавая свое понятіе «нормативныхъ фактовъ»,

искусственно исключаетъ цѣлый рядъ явленій изъ области права. Къ праву «нормативные факты», съ точки зрѣнія Л. І. Петражицкаго, конечно, не могутъ относиться, такъ какъ они не составляютъ психическихъ переживаній. Но Л. І. Петражицкій не говоритъ, къ какого рода явленіямъ относятся его «нормативные факты», т. е. законы, правовые обычаи, судебныя рѣшенія... Когда Л. І. Петражицкій попытается дать на этотъ вопросъ отвѣтъ. не окажется ли, что эти факты являются по преимуществу правовыми" (стр. 214).

Эти разсужденія критика такъ же, какъ и всѣ предыдущія, не достигаютъ своей цѣли, отчасти даже покоятся на фактическихъ заблужденіяхъ. Фактически невѣрно утвержденіе, что проф. Петражицкій не упоминаетъ объ отношеніи, въ какомъ находится его ученіе о нормативныхъ фактахъ къ существующему въ юридической наукѣ ученію объ источникахъ права. На стр. 518 по 2-ому изд. [1]) „Теоріи" читаемъ: „теперешнее ученіе объ «источникахъ права» слѣдуетъ переименовать въ ученіе о позитивномъ правѣ и его видахъ и разновидностяхъ", т. е. въ ученіе о томъ правѣ, отличительною особенностью котораго является присутствіе въ интеллектуальномъ его составѣ представленій „нормативныхъ фактовъ". И далѣе, на стр. 519 [2]): „то, что господствующее ученіе принимаетъ за обычное право, законное право и т. д., т. е. велѣнія законодателей и т. д., не есть само позитивное право, а развѣ только «источникъ» его, факты, вызывающіе въ психикѣ знающихъ о нихъ позитивныя правовыя переживанія. Поэтому, между прочимъ, возможно сохраненіе крѣпко укоренившагося и привычнаго юриспруденціи выраженія «источники права», но только съ отнесеніемъ его къ нормативнымъ фактамъ и строгимъ отличеніемъ отъ самого права, обычнаго права, законнаго и т. д.".

Характерна, далѣе, защита критикомъ юриспруденціи отъ упрека въ смѣшеніи правовыхъ нормъ (или объектив-

[1]) Соотвѣтственно 513 стр. 1-го изд.

[2]) Соотвѣтственно 514 стр. 1-го изд.

наго права) съ нормативными фактами. Несмотря на неупоминаніе со стороны проф. Петражицкаго объ отношеніи нормативныхъ фактовъ къ источникамъ права, критикъ самъ догадывается объ ихъ тожествѣ и защищаетъ юриспруденцію отъ упрека въ смѣшеніи права съ *источниками* его. Оказывается, источники права никогда не смѣшиваются въ современной наукѣ съ самимъ правомъ, поскольку они являются источниками. Значитъ, тѣ же источники права (точнѣе: то, что бываетъ источникомъ), поскольку они источниками не являются, смѣшиваются (отожествляются) съ правомъ. За это, признанное самимъ критикомъ отожествленіе, проф. Петражицкій и упрекаетъ традиціонную юриспруденцію. Иного способа защиты, кромѣ предложеннаго Кистяковскимъ, конечно, и быть не можетъ, ибо юриспруденція и для источниковъ права и для самого права указываетъ одно и то же, и только способъ выражаться („источники—права“) внушаетъ мысль, будто дѣло идетъ о двухъ разныхъ вещахъ [1]). Почему-то только не дѣлается указаній, когда то, что̀ называется „источниками“ права, выступаетъ въ качествѣ само́го права (правовыхъ нормъ), и когда въ качествѣ именно „источниковъ“, т. е. когда оно начинаетъ выполнять свою задачу—„свидѣтельствовать о существованіи объективнаго права“.

Дальнѣйшее положеніе критика, гласящее: „Къ праву «нормативные факты», съ точки зрѣнія Л. І. Петражицкаго, конечно, не могутъ относиться, т. к. они не составляютъ психическихъ переживаній“—совершенно правильно, но выведенное отсюда заключеніе, что „Л. І. Петражицкій, создавая свое понятіе «нормативныхъ фактовъ» искусственно исключаетъ цѣлый рядъ явленій изъ области права“, уже опять-таки не выдерживаетъ критики. Во-первыхъ, непо-

---

[1]) Источники права опредѣляются юристами, какъ формы созданія, или выраженія, или объективированія права, или какъ признаки обязательности юридическихъ нормъ и т. п., при этомъ въ качествѣ такихъ источниковъ указываются законы, обычаи и судебная практика, и въ то же время законы, обычаи и судебная практика являются видами права—законнаго, обычнаго и права судебной практики.

нятно, почему это исключеніе является „искусственнымъ“. Во-вторыхъ, создавая свое понятіе нормативныхъ фактовъ, Петражицкій не только не исключаетъ, но привлекаетъ цѣлый рядъ явленій въ область права. Ибо нормативными фактами, играющими роль источниковъ права, т. е. роль фактовъ, вызывающихъ въ психикѣ знающихъ о нихъ позитивныя правовыя переживанія, по ученію проф. Петражицкаго, можетъ быть не только то, что является источникомъ права по воззрѣнію современной юриспруденціи— законы, обычаи, судебная практика, но и многіе другіе факты, какъ-то: судебныя рѣшенія даннаго дѣла, судебныя преюдиціи, факты наличности извѣстныхъ правовыхъ положеній въ сборникахъ правовыхъ изреченій, принятыя въ наукѣ мнѣнія, ученія отдѣльныхъ юристовъ или группъ ихъ, юридическія экспертизы по данному дѣлу и по прежнимъ дѣламъ, изреченія религіозно-этическихъ авторитетовъ, поступки лицъ, имѣющихъ религіозный авторитетъ, договоры (трактаты, конвенціи и т. д.), одностороннія обѣщанія, сообщенія о будущихъ дѣйствіяхъ, признанія другой стороны, прецеденты, юридическія поговорки и пословицы, общераспространенность, установленность, безъ указанія кѣмъ и чѣмъ установлено соотвѣтственное право („Теорія“, §§ 39—43).

Вся масса перечисленныхъ фактовъ можетъ, по ученію Петражицкаго, вызывать въ психикѣ людей правовыя переживанія, быть источникомъ права, нормативными фактами, и совсѣмъ не надо пытаться дать отвѣтъ на вопросъ: „не окажется ли, что эти факты являются по преимуществу правовыми?“ Когда они вызываютъ правовыя переживанія, то въ силу этого они правовыми и оказываются и даже не по преимуществу, а, такъ сказать, абсолютно, но только именно фактами, а не самимъ правомъ. Этого смѣшивать не слѣдуетъ.

Въ противоположность воззрѣнію на объективное право (правовыя нормы), какъ проекціи на почвѣ императивно-аттрибутивныхъ переживаній, Кистяковскій отстаиваетъ реальное существованіе объективнаго права. По его убѣжденію, реальность объективнаго права заключается прежде

всего въ правовыхъ учрежденіяхъ, а затѣмъ и во всякомъ осуществленіи права въ общественной жизни. Государственно-правовыя учрежденія воплощаютъ въ себѣ объективное право благодаря своей организаціи, послѣдняя и придаетъ праву объективное значеніе. Этого-то Л. І. Петражицкій и не принимаетъ во вниманіе, сводя все объективное право къ проекціямъ психическихъ переживаній. „Въ учрежденіяхъ онъ видитъ только конкретныя лица, которыя выполняютъ опредѣленныя функціи права и на которыхъ проицируются извѣстныя правовыя свойства... Такъ, сущность властвованія Л. І. Петражицкій видитъ въ проекціи извѣстныхъ свойствъ на монарховъ, министровъ, народныхъ представителей, судей и т. д.“, но „въ современныхъ культурныхъ государствахъ властвуютъ не лица, а учрежденія, т. е. въ полномъ смыслѣ слова властвуютъ правовыя нормы“ (стр. 216). „Но реальность объективнаго права... заключается не только въ правовыхъ учрежденіяхъ, а и во всякомъ осуществленіи права въ общественной жизни. Психо-правовыя переживанія могутъ быть мотивомъ для осуществленія права, но не самымъ его осуществленіемъ, а если бы право не осуществлялось, не воплощалось въ жизни въ общественныхъ отношеніяхъ и учрежденіяхъ, то оно не было бы правомъ“ (стр. 217).

По поводу этихъ разсужденій критика слѣдуетъ сказать, что они покоятся прежде всего на неправильномъ представленіи о невозможности, съ точки зрѣнія психологической теоріи, объяснить всѣ явленія дѣйствительности, имѣющія то или иное отношеніе къ праву. На самомъ же дѣлѣ самыя разнообразныя явленія правовой жизни находятъ себѣ полное объясненіе. Въ частности, что касается указываемаго критикомъ властвованія въ современныхъ культурныхъ государствахъ самихъ учрежденій, а не отдѣльныхъ лицъ, то этотъ фактъ вполнѣ объясняется воззрѣніемъ на правовыя нормы, какъ на проекціи императивно-аттрибутивныхъ переживаній: права̀ можно проицировать не только на лица, но и на учрежденія. Пользуясь свѣтомъ психологической теоріи, можно объяснить всякое властвованіе: и совре-

менныхъ культурныхъ государствъ, и властвованіе временъ глубокой древности и т. д. Критикъ всего этого не замѣчаетъ, т. к. онъ думаетъ, что проф. Петражицкій видитъ въ учрежденіяхъ только конкретныя лица, дѣйствующія отъ ихъ имени, на которыхъ проицируются извѣстныя правовыя свойства, но это мнѣніе критика неправильно: изъ существа психологической теоріи вытекаетъ возможность и иного положенія вещей, а относительно верховной власти проф. Петражицкій прямо говоритъ: „Въ свѣтскихъ государствахъ она принадлежитъ отдѣльнымъ лицамъ, монархамъ, или коллективнымъ учрежденіямъ, напр., верховнымъ совѣтамъ, парламентамъ“ (стр. 214 „Теоріи“). А въ примѣчаніи на этой же 214 стр. сказано: „Иногда верховная власть приписывается также «государству», какъ особому представляемому субъекту“.

Но помимо указанной неправильности въ представленіи о дѣйствительномъ содержаніи ученія проф. Петражицкаго, разсужденія критика о реальномъ существованіи объективнаго права и сами по себѣ не выдерживаютъ критики. Что разумѣетъ г. Кистяковскій подъ учрежденіями? Если это институты права (т. е. совокупности правовыхъ нормъ, регулирующихъ опредѣленные виды отношеній), то реальность объективнаго права, усматриваемая въ учрежденіяхъ, остается недоказанной: доказательство реальнаго существованія объективнаго права (или нормъ) сводится тогда къ утвержденію о существованіи нормъ права, откуда еще не слѣдуетъ, что онѣ не проекціи на почвѣ императивно-аттрибутивныхъ переживаній, а имѣютъ самостоятельное реальное существованіе. Если же подъ учрежденіями разумѣть извѣстные органы, напр., сенатъ, суды, то это, конечно, не право, хотя и нормируется правомъ; до сихъ поръ никто этого объективнымъ правомъ не считалъ.

Затѣмъ, что касается усматриванія реальности объективнаго права во всякомъ осуществленіи права въ общественной жизни, то оно заключаетъ въ себѣ смѣшеніе разнородныхъ вещей—осуществленія права съ самимъ правомъ, отъ каковой ошибки (какъ и отъ усматриванія права въ

учрежденіяхъ) свободны и старыя школы. Въ частности воззрѣніе Кистяковскаго на правовую реальность приводитъ къ непостижимому выводу о невозможности нарушенія правовыхъ предписаній: если правовая реальность состоитъ въ осуществленіи, исполненіи правовыхъ предписаній, то, пока нѣтъ ихъ исполненія, нѣтъ и права, а пока нѣтъ права, его невозможно и нарушить.

Подводя итогъ и давая общую оцѣнку психологической теоріи права, критикъ указываетъ, что проф. Петражицкій „извлекъ изъ психологическаго ученія о правѣ все, что только можно было изъ него извлечь. Его теорія отличается удивительной цѣльностью и послѣдовательностью... Л. І. Петражицкій выдѣлилъ и подробно разработалъ интеллектуальные элементы въ правовыхъ переживаніяхъ, чѣмъ придалъ большую научность своему изслѣдованію. Но онъ совсѣмъ не остановился на волевыхъ элементахъ въ этихъ переживаніяхъ; если бы онъ это сдѣлалъ, то ему пришлось бы отказаться отъ своей эмоціональной психологіи“ (стр. 218). Кромѣ этого, критикъ указываетъ, что право затрогиваетъ „всѣ стороны человѣческой души—и представленіе, и чувство, и волю“.

Что правовыя переживанія затрогиваютъ всѣ стороны человѣческой души, въ этомъ никто не сомнѣвается и никто этого не оспариваетъ, но чтобы кромѣ эмоцій и представленій въ правовыя переживанія входили въ качествѣ элементовъ и иные элементы психики, въ частности воля, этого ниоткуда не слѣдуетъ, и самъ критикъ этого ничѣмъ не доказываетъ и не могъ бы доказать, и основываетъ свое мнѣніе на этотъ счетъ на отожествленіи воли съ активною, моторною стороною эмоцій, что, какъ мы видѣли выше (стр. 14—18), при разборѣ его критики теоріи эмоцій, является совершенно произвольнымъ и недоказаннымъ отожествленіемъ, произведеннымъ помимо самонаблюденія и безъ обращенія вниманія на такіе случаи психическихъ переживаній, которые ясно обнаруживаютъ рѣзкое различіе между волей и эмоціональной активностью, почему и утвержденіе объ „отказѣ отъ эмоціональной психологіи“ является ни на чемъ не основаннымъ утвержденіемъ.

Признавая психологическое понятіе права узкимъ и по необходимости ограниченнымъ, Б. Кистяковскій этимъ вовсе не отвергаетъ совершенно этого понятія. Наоборотъ, онъ всецѣло его принимаетъ и прибавляетъ къ нему еще три понятія права: 1) узко-юридическое, охватывающее „совокупность нормъ, исполненіе которыхъ вынуждается, защищается или гарантируется государствомъ“ (сюда не входитъ, замѣчаетъ авторъ, обычное право, право, создаваемое судебными рѣшеніями, бо́льшая часть государственнаго права и международное право); 2) соціологическое понятіе права, т. е. „совокупность нормъ, создаваемыхъ соціально-экономическими условіями и закрѣпляющихъ извѣстный общественный строй“ (стр. 235). Здѣсь находятъ пріютъ и обычное, и государственное, и международное право; 3) нормативное понятіе права. Съ этой точки зрѣнія, „право есть совокупность нормъ, заключающихъ въ себѣ идеи о должномъ, которыя опредѣляютъ внѣшнія отношенія людей между собою“ (стр. 236).

„Наряду съ этими чисто теоретическими понятіями права нельзя отрицать существованіе и техническихъ или практическихъ понятій права“—говоритъ далѣе Кистяковскій и предлагаетъ затѣмъ „два техническихъ понятія права, одно—юридико-догматическое, другое—юридико-политическое. Съ точки зрѣнія юридической догматики, право есть совокупность правилъ, указывающихъ, какъ находить въ дѣйствующихъ правовыхъ нормахъ рѣшенія для всѣхъ возникающихъ случаевъ столкновенія интересовъ или столкновенія представленій о правѣ и неправѣ. Съ точки зрѣнія правовой политики, право есть совокупность правилъ, помогающихъ находить рѣшенія или устанавливать нормы для удовлетворенія вновь возникающихъ потребностей или осуществленія новыхъ представленій о правѣ и неправѣ“ (стр. 236).

Самъ авторъ при этомъ замѣчаетъ, что для того, чтобы дать удовлетворительно обоснованный отвѣтъ на вопросъ, сколько понятій права и какія именно должно имѣть правовѣдѣніе, „надо проанализировать юридическую литературу

по крайней мѣрѣ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, хотя бы въ ея главныхъ теченіяхъ". Обѣщая это сдѣлать въ другомъ мѣстѣ, онъ только намѣчаетъ въ общихъ чертахъ „тѣ (вышеуказанныя) понятія права, которыя, дѣйствительно, связаны съ обособленной сферой явленій и пріобрѣли въ современной наукѣ до извѣстной степени право гражданства" (стр. 234).

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ говоритъ, что „на ряду съ множественностью научныхъ понятій права не подлежитъ сомнѣнію, что право, какъ явленіе, едино" (стр. 237) и что „принципъ единства права, какъ явленія, сталъ общепризнаннымъ научнымъ достояніемъ" (стр. 237), хотя и приходится признать, „что нельзя создать единаго научнаго понятія права" (стр. 237); впрочемъ, „не подлежитъ сомнѣнію, что должны существовать и такія синтетическія формы, которыя объединяли бы эти понятія въ новый видъ познавательныхъ единствъ" (стр. 238).

Такая постановка этого вопроса согласна, по мнѣнію критика, съ ученіемъ современной логики объ образованіи понятій и покоится на томъ, что „всякое строго научно построенное понятіе по необходимости ограничено" (стр. 282), а само „ученіе объ образованіи понятій, развиваемое новѣйшей логикой, основано на данныхъ, доставляемыхъ современнымъ естествознаніемъ. Естественныя науки не знаютъ всеобъемлющихъ и единыхъ понятій для сложныхъ конкретныхъ явленій и оперируютъ съ множественностью понятій для каждаго отдѣльнаго явленія. Такъ, напр., нѣтъ одного естественно-научнаго понятія воды, ибо каждая естественная наука вырабатываетъ свое понятіе воды соотвѣтственно своимъ интересамъ, т. е. той спеціальной области явленій, которую она изслѣдуетъ" (стр. 233): физика, химія, географія, климатологія и метеорологія и многія другія науки имѣютъ свое понятіе воды. Кромѣ того, существуютъ свои понятія воды въ техникѣ, гигіенѣ, медицинѣ. Наконецъ, можно образовать особое эстетическое понятіе воды. „Развитіе науки о правѣ привело къ убѣжденію, что право входитъ въ различныя сферы человѣческой жизни и дѣя-

тельности, которыя могутъ составлять предметъ различныхъ отраслей гуманитарныхъ наукъ. Поэтому научно правомѣрны не одно, а нѣсколько понятій права“ (стр. 234). Сообразно съ этимъ авторъ и даетъ вышеуказанныя четыре понятія права. Въ то же время онъ не отрицаетъ того, что вода, право и другія явленія, какъ явленія, едины, т. е. имѣютъ всегда себѣ равную природу.

Несомнѣнно, что если явленія, какъ явленія, едины, а понятіе какого-нибудь явленія есть идея всего того, что обладаетъ извѣстнымъ признакомъ или мыслимо, какъ обладающее этимъ признакомъ, такъ что опредѣленіе даннаго понятія имѣетъ цѣлью указать классовый признакъ, опредѣлить единую природу даннаго класса явленій, то въ случаѣ удачнаго образованія понятія какого-нибудь явленія, удачнаго опредѣленія единой природы послѣдняго, уже по самому существу дѣла не можетъ быть и рѣчи объ образованіи въ дополненіе къ понятію, удачно указывающему единую природу явленія, еще новыхъ понятій и опредѣленій того класса объектовъ, природа которыхъ уже извѣстна изъ перваго опредѣленія, такъ какъ на долю дополнительныхъ понятій и опредѣленій ничего не остается. Послѣ образованія понятія какого-нибудь явленія слѣдуетъ заняться добываніемъ дальнѣйшаго научнаго свѣта, раскрытіемъ причинныхъ связей, адэкватныхъ данному классу явленій, т. е. отыскиваніемъ того, что, не составляя природы, существа этихъ явленій, не является постоянно наличнымъ въ каждомъ конкретномъ образцѣ этого явленія, но причинно связано съ нимъ и потому часто ему сопутствуетъ, т. е. слѣдуетъ заняться формулировкой адэкватныхъ данному классу теорій.

И вотъ воззрѣніе о необходимости и возможности множества понятій даннаго класса явленій покоится на смѣшеніи понятій извѣстнаго класса объектовъ съ теоріями, относящимися къ этому классу, на смѣшеніи формулъ того, что составляетъ природу какого-нибудь явленія и, слѣдовательно, безъ наличности чего нѣтъ и самого явленія, съ формулами того, что причинно связано съ природой

этого явленія и, слѣдовательно, сопровождаетъ его не всегда, а лишь тогда, когда противодѣйствующіе и осложняющіе факторы не окажутся сильнѣе причинно дѣйствующей въ данномъ случаѣ силы.

Съ этой точки зрѣнія, въ естествознаніи, напр., можетъ итти рѣчь не о многихъ понятіяхъ воды, различныхъ для разныхъ наукъ о природѣ, а объ изученіи одного и того же объекта (воды) съ разныхъ сторонъ, объ изученіи характерныхъ свойствъ и тенденцій (причинныхъ рядовъ) въ различныхъ направленіяхъ, особыхъ для разныхъ наукъ. Природа воды, то основное ея свойство, наличность котораго необходима для наличности воды, едина и одна и та же для всѣхъ наукъ. Различныя науки (физика, химія, географія, гигіена, медицина и т. д.) изслѣдуютъ одинъ и тотъ же объектъ (воду) съ разныхъ сторонъ, и то, что принято Кистяковскимъ за различныя понятія воды (физическое, химическое, географическое, медицинское и т. д.), является на самомъ дѣлѣ не понятіемъ, а дальнѣйшимъ изученіемъ воды — въ теоретическихъ наукахъ теоріями, раскрывающими дальнѣйшія характерныя свойства воды, причинно связанныя съ ея единой природой, въ практическихъ—правилами, рецептами поведенія, указующими, въ какихъ направленіяхъ и какъ можно использовать ея свойства, напр., указывающими, что вода можетъ быть средствомъ леченія, и излагающими раціональное пользованіе этимъ средствомъ, или указывающими на возможность использовать воду, какъ механическій двигатель, съ описаніемъ техники сего дѣла и т. д.

То же самое относится и къ праву. Природа права и понятіе его едины, но изученіе права возможно съ различныхъ сторонъ, въ различныхъ направленіяхъ: въ теоретическомъ (подлежащее изученіе будетъ объективнымъ констатированіемъ сущаго или бывающаго, какъ оно есть) и въ практическомъ, сводящемся къ указанію желательнаго или должнаго поведенія. То и другое изученіе возможно опять-таки въ различныхъ видахъ. Въ частности практическое изученіе права подраздѣляется или, точнѣе, должно

подраздѣляться (современная юриспруденція еще не развила одного изъ видовъ этого изученія) на политическое и нормативное. Первое указываетъ раціональныя средства для достиженія желательнаго соціальнаго поведенія посредствомъ права. Второе имѣетъ въ виду систематическое изложеніе и толкованіе системы правовыхъ нормъ; сюда относятся догматическія науки, юриспруденція въ тѣсномъ смыслѣ (см. Петражицкій, „Теорія“, стр. 648).

При правильномъ пониманіи существа и назначенія общихъ понятій и несмѣшеніи понятій съ теоріями можно говорить лишь о единомъ родовомъ понятіи права и нѣсколькихъ видовыхъ понятіяхъ, а никакъ не о нѣсколькихъ родовыхъ понятіяхъ права. Что предложенныя Кистяковскимъ понятія права покоятся на указанномъ смѣшеніи, видно изъ его соціологическаго понятія права, которое обнимаетъ „совокупность нормъ, создаваемыхъ соціально-экономическими условіями и закрѣпляющихъ извѣстный общественный строй“. Эта формула вовсе не указываетъ, какова природа права (что требуется отъ опредѣленія), а указываетъ на условія, его создающія, и общественную функцію права, т. е. на явленія, причинно предшествующія праву и причинно вызываемыя имъ, ни слова не говоря о томъ, въ чемъ сущность этого создаваемаго соціально-экономическими условіями и закрѣпляющаго общественный строй явленія— права. Другую логическую несообразность представляетъ узко-юридическое понятіе права. Имъ не охватываются, по признанію самого автора, многіе виды права (обычное, международное и нѣкоторые другіе). Отсюда слѣдуетъ, что это понятіе въ лучшемъ случаѣ могло бы быть понятіемъ одного изъ видовъ права, а не права вообще. Но оно заключаетъ, какъ выяснилъ проф. Петражицкій въ критикѣ важнѣйшихъ современныхъ теорій права, ошибку всѣхъ такъ называемыхъ государственныхъ теорій, именно idem per idem (см. „Теорія“ § 18).

Нормативное понятіе права авторъ ограничилъ внѣшними отношеніями людей. Это не соотвѣтствуетъ перенятому имъ изъ психологической теоріи психологическому понятію права, которое обнимаетъ и внутреннія отношенія.

По поводу юридико-догматическаго понятія права, предлагаемаго г. Кистяковскимъ, отмѣчу, что его формула, опредѣляющая право, какъ „совокупность правилъ, указывающихъ, какъ находить въ дѣйствующихъ правовыхъ нормахъ рѣшенія для всѣхъ возникающихъ случаевъ столкновенія интересовъ или столкновенія представленій о правѣ и неправѣ",—что эта формула могла бы быть характеристикой какого-либо сборника или руководства для юристовъ практиковъ, стряпчихъ, адвокатовъ и т. п., а никакъ не опредѣленіемъ права.

Подводя итогъ предложенной г. Кистяковскимъ постановкѣ и намѣченному въ общихъ чертахъ разрѣшенію вопроса о существѣ права, основаннымъ на принятіи во вниманіе юридической литературы за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, приходится констатировать, что онъ въ своихъ четырехъ понятіяхъ, дѣйствительно, отразилъ эту литературу въ главныхъ ея теченіяхъ, тутъ, такъ сказать, „всѣмъ сестрамъ досталось по серьгамъ", юристы различныхъ направленій могутъ, хотя бы частично, быть удовлетворенными однимъ изъ формулированныхъ авторомъ понятій права. но это все-же вовсе не отвѣчаетъ задачѣ опредѣлить истинную (единую) природу права и основано, какъ я старался выяснить, на весьма существенныхъ методологическихъ недоразумѣніяхъ.

Критика проф. Г. Ф. Шершеневича.

I.

Во II выпускѣ „Общей теоріи права" проф. Шершеневича имѣется параграфъ — „Критика главныхъ ученій о сущности права", въ которомъ авторъ на ряду съ другими ученіями о существѣ права разсматриваетъ и психологическую теорію проф. Петражицкаго. Въ своей критикѣ проф. Шершеневичъ мало новаго прибавляетъ къ тому, что ужѐ было сказано другими, зачастую повторяетъ возраженія прежнихъ критиковъ, выкидывая за бортъ даже тѣ крупицы аргументовъ, какія были у его предшественниковъ. Тамъ же,

гдѣ онъ по исключенію самостоятеленъ, онъ дѣлаетъ новыя ошибки и только.

Касаясь самой постановки проблемы о существѣ права въ психологической теоріи, проф. Шершеневичъ повторяетъ выставленный еще проф. Хвостовымъ и съ тѣхъ поръ неизмѣнно повторяемый упрекъ въ отсутствіи гносеологіи, при чемъ въ устахъ проф. Шершеневича этотъ упрекъ имѣетъ характеръ голословнаго и наивнаго положенія. Дословно и полностью перепечанный онъ имѣетъ такой видъ:

„Такъ какъ Петражицкій призналъ возможнымъ строить теорію права всецѣло на психологическомъ фундаментѣ, то ему пришлось обратиться къ психологіи. Къ сожалѣнію, состояніе этой науки оказывается столь же печальнымъ, какъ и правовѣдѣнія. Но это не смущаетъ Петражицкаго и онъ принимается за ея передѣлку. Конечно, эта работа весьма отвѣтственная для неспеціалиста, хотя и необходимая, если имѣется въ виду подвести совершенно новый фундаментъ подъ науку права. Но тогда слѣдовало бы отойти еще дальше и начать съ гносеологіи“ (стр. 336).

Изъ того, что въ основу теоріи права положена психологія, хотя бы и реформированная, конечно, еще не слѣдуетъ, что необходимо было начать съ гносеологіи. Исторія различныхъ наукъ знаетъ грандіозныя реформы, которыя однако были произведены безъ припутыванія гносеологіи. Проф. Петражицкій въ своей реформѣ правовѣдѣнія не только придерживается такого фактически сложившагося отношенія къ обсужденію вопросовъ спеціальныхъ наукъ, въ сферѣ которыхъ онъ и вращается, но даже спеціально обосновываетъ эту свою методологическую позицію, устанавливая начало адэкватности знанія и его научное значеніе. Отсутствіе гносеологіи въ его научныхъ построеніяхъ не случайность, какъ это думаетъ критикъ, а вполнѣ продуманное и обоснованное отношеніе къ дѣлу [1]). Поэтому критикъ не долженъ былъ обходить молчаніемъ такое положеніе вещей. Претендуя на научную цѣнность своихъ воз-

[1]) См. выше, стр. 19.

раженій, онъ долженъ былъ опровергнуть принципъ адэкватности. Онъ не дѣлаетъ не только этого, но даже и того, что необходимо было бы, если бы отсутствіе гносеологіи въ построеніяхъ Петражицкаго было простымъ фактомъ, не покоилось бы на спеціально обоснованномъ началѣ адэкватности. Вѣдь и въ этомъ послѣднемъ случаѣ слѣдовало бы выяснить, почему безъ гносеологіи невозможно построить теорію права на новомъ, психологическомъ, фундаментѣ. Другіе критики кое-что въ этомъ направленіи высказывали; можетъ-быть, и проф. Шершеневичъ имѣетъ въ виду то же самое, но ничего объ этомъ не говоритъ и даже не упоминаетъ, что его упрекъ въ отсутствіи гносеологіи старая пѣсня критиковъ психологической теоріи права.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ замѣчаніями по поводу теоріи эмоцій. Здѣсь проф. Шершеневичъ также безъ всякихъ слѣдовъ аргументаціи и безъ указанія на то, что его замѣчаніе не новость, повторяетъ положеніе прежнихъ критиковъ о недопустимости „присоединять къ психическимъ элементамъ сложное психическое переживаніе, разложимое на тѣ же элементы“ (стр. 337).

Выставивъ это положеніе, проф. Шершеневичъ выступаетъ въ защиту своего предшественника по критикѣ проф. Сергѣевича отъ тѣхъ отвѣтовъ, которые послѣдній получилъ отъ автора эмоціональной психологіи. Эта защита можетъ служить характернымъ показателемъ того, насколько новый критикъ оріентированъ въ содержаніи критикуемыхъ имъ ученій и какой, слѣдовательно, научный вѣсъ имѣетъ его отношеніе къ эмоціональной психологіи. Слѣдуетъ упомянуть, что проф. Петражицкій различаетъ два вида эмоцій. „Нѣкоторыя эмоціи имѣютъ тенденцію вызывать опредѣленное, специфическое, къ нимъ спеціально природою пріуроченное поведеніе, вообще опредѣленныя системы физіологическихъ и психическихъ процессовъ“ [1]). Это эмоціи съ опредѣленными акціями, т. наз. спеціальныя эмоціи. Другой видъ составляютъ эмоціи, которыя „могутъ служить побужденіемъ

[1]) Л. І. Петражицкій. Теорія, т. 1, стр. 7.

къ любому поведенію; а именно онѣ побуждаютъ къ тѣмъ дѣйствіямъ, представленія коихъ переживаются въ связи съ ними“ [1]). Это—бланкетныя эмоціи.

Въ своей критикѣ проф. Сергѣевичъ изображаетъ (при помощи искаженія содержанія теоріи эмоцій) дѣло такъ, будто подъ эмоціями разумѣются какія-то претерпѣванія вмѣстѣ съ вызываемыми ими дѣйствіями, тѣлодвиженіями [2]). На самомъ дѣлѣ эмоціи—не смѣсь психическаго съ физическимъ, а двустороннія психическія явленія, своеобразныя претерпѣванія-позывы, а внѣшнія дѣйствія, тѣлодвиженія, вызванныя эмоціями, суть физіологическія акціи эмоцій. Но изобразивъ существо эмоцій въ видѣ смѣси претерпѣваній съ тѣлодвиженіями, проф. Сергѣевичъ находитъ противорѣчіе между этимъ общимъ ихъ опредѣленіемъ и опредѣленіемъ одного изъ видовъ ихъ—бланкетныхъ эмоцій. Поэтому въ своемъ отвѣтѣ на критику проф. Сергѣевича авторъ эмоціональной психологіи, выяснивъ указанное искаженіе, говоритъ: „Разумѣется, открытаго проф. Сергѣевичемъ противорѣчія въ моей теоріи нѣтъ. Опредѣливъ природу эмоцій чисто психологически, т. е. безъ смѣшенія психическаго съ физическимъ, я затѣмъ изучаю физіологическое вліяніе эмоцій, въ частности вліяніе ихъ на тѣлодвиженія и поведеніе вообще, и указываю, что съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ различать два класса эмоцій“ [3]). Этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ проф. Шершеневича: по его мнѣнію, „возраженіе (Петражицкаго) не достигаетъ цѣли потому, что акція есть система физіологическихъ и психическихъ процессовъ“ (стр. 338).

По поводу этого слѣдуетъ сказать, что проф. Петражицкій говоритъ въ своемъ отвѣтѣ только о физіологическомъ вліяніи эмоцій потому, что его критикъ (проф. Сергѣевичъ) смѣшалъ съ эмоціями именно физіологическое ихъ вліяніе.

---

[1]) Л. І. Петражицкій. Теорія, стр. 11.

[2]) В. А. Сергѣевичъ. Новое ученіе о правѣ и нравственности, 1909, стр. 15 и 16.

[3]) Л. І. Петражицкій. Новое ученіе о правѣ и нравственности и критика проф. В. И. Сергѣевича, 1910 г., стр. 19.

Если теперь новый критикъ смѣшиваетъ съ эмоціями психическое ихъ вліяніе, вызванные ими психическіе акты, если онъ не въ состояніи отличить эмоцій отъ ихъ акцій изъ-за того, что среди акцій есть и психическіе процессы, то это не болѣе остроумно, чѣмъ неумѣніе отличить эмоціи отъ ихъ физіологическихъ акцій. Помимо всего этого, вышеуказанное, открытое якобы проф. Сергѣевичемъ, противорѣчіе, состоящее въ томъ, что эмоціи, вызывающія не опредѣленное, а любое поведеніе, не подходятъ подъ общее опредѣленіе эмоцій, какъ факторовъ, вызывающихъ только опредѣленное поведеніе,—уничтожается тѣмъ обстоятельствомъ, что это общее опредѣленіе есть миѳъ, измышленіе критиковъ, и кромѣ того, заключеніе о наличности противорѣчія покоится на нелѣпомъ искаженіи содержанія критикуемаго ими ученія. Это было указано самимъ проф. Петражицкимъ, такъ что выступленіе проф. Шершеневича съ защитой, если даже онъ самостоятельно не могъ справиться съ подлежащимъ вопросомъ, является даже страннымъ.

II.

Посмотримъ теперь, какъ относится критикъ къ самой теоріи права, построенной на почвѣ эмоціональной психологіи. Оказывается, что „теорія права, развиваемая Петражицкимъ, ни въ какой связи съ эмоціями не состоитъ и могла быть построена на традиціонной психологіи“ (стр. 343). Это утвержденіе не только голословно, но и мало понятно: трудно понять, что авторъ хочетъ сказать, утверждая, что эмоціи ни въ какомъ отношеніи не состоятъ съ психологической теоріей права, вѣдь извѣстно, что онѣ являются существеннымъ элементомъ правового явленія; а что касается возможности построенія психологической теоріи права на почвѣ традиціонной психологіи, то это было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы эмоціи, лежащія въ основѣ правовыхъ явленій (правового сознанія), можно было свести на извѣстные традиціонной психологіи элементы психики, но послѣднее какъ разъ невозможно и не доказано критикомъ (см. выше).

По вопросу о сферѣ нахожденія правовыхъ явленій, каковою, по ученію проф. Петражицкаго, въ противоположность традиціоннымъ ученіямъ, является психика индивида, у критика „возникаетъ рядъ недоразумѣній“. Въ отвѣтъ на это онъ заявляетъ: „насколько извѣстно, никто не представлялъ себѣ права въ видѣ чего-то матеріальнаго, никто не рисовалъ въ своемъ воображеніи нормъ права наподобіе канатовъ, протянутыхъ между людьми или надъ людьми“ (стр. 335).

Дѣйствительно, юристы не представляли себѣ права въ видѣ матеріальныхъ предметовъ (канатовъ, камней, воды и т. п.), но искали его внѣ психики индивида: подъ нормами права разумѣли велѣнія и запреты, смѣшивая ихъ съ нормативными фактами (законодательными постановленіями и т. п). По отношенію къ психикѣ это вѣдь внѣшнія величины, а потому недоразумѣніе проф. Шершеневича совершенно неосновательно.

Относительно сферы нахожденія правовыхъ явленій проф. Петражицкій въ своемъ „Введеніи“ на стр. 24 и 25 говоритъ: „Предположимъ, что мы имѣемъ дѣло съ сужденіемъ: «помѣщикъ А. имѣетъ право на полученіе отъ арендатора В. 5000 арендной платы» или «арендаторъ В. обязанъ уплатить помѣщику А. условленную по договору арендную плату 5000 р.»... Въ данномъ случаѣ имѣется на лицо правовое явленіе... Было бы ошибочно думать, что оно находится гдѣ-то въ пространствѣ между А. и В.... правовое явленіе имѣется въ данномъ случаѣ въ психикѣ того третьяго человѣка С., который полагаетъ, что А. имѣетъ право получить 5000 р., В. обязанъ уплатить“.

Этотъ тезисъ критикъ понимаетъ слѣдующимъ образомъ: „Правовое явленіе имѣется въ психикѣ третьяго лица *наблюдающаго двухъ другихъ*“ [1]) (стр. 335), но затѣмъ онъ находитъ въ „Введеніи“ такое положеніе: „за отсутствіемъ у насъ способности видѣть, вообще наблюдать то, что происходитъ въ чужой душѣ (въ сознаніи другихъ),

[1]) Курсивъ мой.

для нашего наблюденія абсолютно недоступны, совсѣмъ закрыты всѣ сферы бытія правовыхъ феноменовъ (какъ и вообще всѣхъ психическихъ феноменовъ), кромѣ одной, кромѣ нашей же собственной психики...“ И вотъ сопоставляя это положеніе съ предыдущимъ, проф. Шершеневичъ спрашиваетъ: „что же можетъ наблюдать третье лицо, кромѣ движенія двухъ тѣлъ, А и В, расположенныхъ въ пространствѣ? Эта точка зрѣнія третьяго лица, устанавливающая основное правовое явленіе, совершенно не согласуется со всей теоріей Петражицкаго, по которой право основывается на обязанности, переживаемой, сознаваемой самимъ носителемъ. Другими словами, съ точки зрѣнія психологической теоріи, правовое явленіе не въ томъ, что̀ наблюдаетъ третье лицо, предполагающее двухъ другихъ связанными правомъ и обязанностью, а въ томъ, что̀б переживаетъ тотъ, кто считаетъ себя обязаннымъ, или тотъ, кто считаетъ себя управомоченнымъ. Только съ этой стороны и можно говорить объ устраненіи оптическаго обмана“ стр. (335—336) [1]).

[1]) По вопросамъ методологіи къ этому проф. Шершеневичъ прибавляетъ еще одно характерное замѣчаніе. По его мнѣнію, проф. Петражицкій неоднократно упираетъ на то, что надлежащимъ и единственно возможнымъ пріемомъ наблюденія правовыхъ явленій слѣдуетъ признать методъ самонаблюденія, интроспективный методъ, „и потому всѣ его замѣчанія, сдѣланныя, въ видѣ защиты, противъ критики, будто онъ признаетъ и другіе методы наблюденія правовыхъ явленій, не согласуются съ этимъ рѣшительнымъ утвержденіемъ“ (стр. 336). Здѣсь опять имѣется въ виду защита противъ критики проф. Сергѣевича и опять-таки утвержденіе проф. Шершеневича не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Положеніе, что кромѣ самонаблюденія авторъ психологической теоріи не признаетъ другихъ методотовъ наблюденія правовыхъ явленій, совершенно правильно, но въ видѣ защиты противъ критики проф. Сергѣевича онъ указывалъ не на то, о чемъ говоритъ проф. Шершеневичъ, а на другое, именно, что у него имѣются и другіе (описанные во „Введеніи“ и примѣняемые въ „Теоріи“) методы изученія (а не наблюденія) правовыхъ явленій, что „изученіе“ понятіе болѣе общее, чѣмъ „наблюденіе“, какъ это и безъ того должно быть извѣстно всѣмъ образованнымъ людямъ и все же неизвѣстно проф. Шершеневичу даже послѣ спеціальныхъ разъясненій. Эти другіе методы и пріемы изученія суть: „наблюденіе дѣйствій людей, въ которыхъ выражаются свойства ихъ психики“, затѣмъ „критика“ письменныхъ и другихъ данныхъ для предположенія психическихъ процессовъ даннаго рода, логи-

Можно только удивляться, что иногда самыя простыя и ясныя истины оказываются самыми трудными и непонятными. Такъ и въ данномъ случаѣ: у критика цѣлая научная драма, а дѣло обстоитъ яснѣе быть не надо. Правовое явленіе, по ученію проф. Петражицкаго, состоитъ въ сознаніи кѣмъ-либо (А) своей обязанности, закрѣпленной за другимъ (В), какъ его добро, его активъ; или — въ сознаніи своего права и обязанности другого лица; или, наконецъ, въ сознаніи кѣмъ-либо (С) права лица В и обязанности лица А по адресу В. Правовое явленіе въ послѣднемъ случаѣ имѣется въ психикѣ того третьяго лица С, которое полагаетъ, что А обязанъ, а В имѣетъ право. Чтобы познать природу права, С долженъ наблюдать собственную психику, а не „лица“ или „тѣла“ А и В, расположенныя въ пространствѣ, какъ думаетъ проф. Шершеневичъ. Тогда-то и устранится оптическій обманъ. Проф. Шершеневичъ вполнѣ правъ, говоря о неустранимости оптическаго обмана въ томъ случаѣ, если „третье лицо“ будетъ наблюдать пространственныя отношенія, движенія и т. п. какихъ-либо лицъ или тѣлъ, но онъ совершенно не правъ (и въ этомъ разгадка всѣхъ его недоразумѣній), когда говоритъ, что, по ученію проф. Петражицкаго, правовое явленіе имѣется въ психикѣ третьяго лица, наблюдающаго двухъ другихъ [1]).

ческіе пріемы выводовъ изъ чужихъ тѣлодвиженій, словъ и проч. относительно психики—умозаключенія по аналогіи и дедуктивныя умозаключенія (см. § 3 „Введенія“). Въ своемъ отвѣтѣ проф. Сергѣевичу авторъ психологической теоріи опровергъ утвержденія этого критика документально, процитировавъ съ указаніемъ страницъ подлежащія мѣста изъ своихъ сочиненій, явно доказывающія неправильность утвержденій критика, и, несмотря на все, проф. Шершеневичъ остался непереубѣжденнымъ! Какая изумительная непоколебимость и твердость научнаго убѣжденія!

[1]) Вообще слѣдуетъ замѣтить, что проф. Шершеневичъ любитель на каждомъ шагу создавать себѣ недоразумѣнія. Такъ, напр.. положеніе: „сама природа права такова, что она сбиваетъ юристовъ на ложный путь, не допускаетъ познанія себя“, въ которомъ говорится только о трудностяхъ постиженія, о недопущеніи, которое при извѣстныхъ условіяхъ можно и преодолѣть, онъ перетолковываетъ въ томъ смыслѣ, будто въ немъ рѣчь идетъ о „непостижимости“ права по самой своей природѣ, и иронически по этому поводу замѣчаетъ: „ни отсутствіе помощи

Тремя страницами ниже проф. Шершеневичъ снова недоумѣваетъ по поводу „третьяго лица“. „Если всякое психическое явленіе происходитъ въ психикѣ одного индивида и только тамъ,“—говоритъ онъ—„и право есть психическое явленіе, какимъ образомъ могутъ быть признаны, съ точки зрѣнія третьяго лица, правоотношеніями „договоръ съ дьяволомъ“ или „отношеніе между богами и животными?“

Это недоумѣніе такъ же легко устранить, какъ и предыдущія. Правоотношеніе, по ученію психологической теоріи, есть долгъ одного (А), закрѣпленный за другимъ (В) въ смыслѣ эмоціональной проекціи на почвѣ переживанія третьимъ лицомъ (С) императивно-аттрибутивныхъ эмоцій и представленій: лица А въ качествѣ субъекта обязанности (долга) и В—въ качествѣ субъекта права; того поведенія, которое является объектомъ долга, и иногда нѣкоторыхъ другихъ представленій. И вотъ, если кто-либо на почвѣ такихъ переживаній представляетъ „отношеніе между богами и животными“ состоящимъ изъ долга однихъ изъ нихъ, закрѣпленнаго за другими, или подобное же отношеніе между дьяволомъ и кѣмъ-либо другимъ, то правоотношеніе налицо; самый же „договоръ съ дьяволомъ“ ни въ коемъ случаѣ не правоотношеніе, а нормативный фактъ.

Затѣмъ критикъ задаетъ вопросъ, въ какомъ отношеніи своеобразное понятіе о правѣ психологической теоріи находится къ положительному праву юристовъ. Переходнымъ мостикомъ, какъ онъ выражается, отъ одного къ другому являются нормативные факты. Но при переходѣ черезъ этотъ мостикъ у критика „остались весьма существенныя сомнѣнія“: „Во-первыхъ, не выяснилось, какъ примирить объективность нормативныхъ (въ текстѣ проф. Шершеневича—„нормальныхъ“!) фактовъ съ субъективнымъ переживаніемъ права? Во-вторыхъ, гдѣ отличительный видовой признакъ того права, который интересенъ уже потому, что онъ „высшаго сорта“, если не довольствоваться ссылкою на ничего не говорящій официальный характеръ?“ (стр. 342).

со стороны традиціонной юриспруденціи, ни непостижимость права по самой своей природѣ не смущаетъ Петражицкаго“ (стр. 334).

Относительно нормативныхъ фактовъ проф. Шершеневичъ пишетъ: „Можетъ, конечно, возникнуть сомнѣніе, какимъ образомъ, если право только въ сознаніи, если повелѣнія и запреты только фантазмы, — способны внѣшніе факты имѣть значеніе для права?“, а между тѣмъ „вліяніе это громадно“. „Черезъ эту форточку вся фантазма способна превратиться въ реальность, а оригинальное ученіе — въ наивно-традиціонное“ (стр. 341).

Это сомнѣніе критика также не имѣетъ подъ собою почвы, какъ и всѣ предыдущія. Кому же не извѣстно, что внѣшніе факты имѣютъ вообще большое значеніе для психики, въ частности нѣкоторые внѣшніе факты могутъ играть въ области права значеніе нормативныхъ; всякій юристъ знаетъ, что правосознаніе мѣняется подъ вліяніемъ, напр., вновь изданныхъ законовъ или отмѣны прежнихъ, но отъ этой перемѣны правовыя фантазмы (нормы, права и обязанности, а не сами повелѣнія и запреты, какъ думаетъ критикъ) не обращаются въ реальность. Что касается отличительнаго признака офиціальнаго права, то онъ для юристовъ обладаетъ въ высшей степени ясными свойствами: это—признаніе со стороны государственной власти; трудно понять, почему проф. Шершеневичъ, юристъ старой школы, считаетъ его ничего не говорящимъ [1]).

---

[1]) При обсужденіи этихъ вопросовъ проф. Шершеневичъ дѣлаетъ еще одну ошибку фактическаго характера, отожествляя понятіе права въ юридическомъ смыслѣ съ понятіемъ офиціальнаго права („Но положительное право Петражицкаго не есть еще положительное право юристовъ. Послѣднее есть только его разновидность, и называется офиціальнымъ правомъ“—стр. 341, 342). Въ дѣйствительности же, право въ юридическомъ смыслѣ охватываетъ сверхъ офиціальнаго права внутренне-государственной жизни еще все позитивное право международной области. Съ другой стороны, офиціальное право включаетъ въ себя не только положительное офиціальное право, но и интуитивное, поскольку оно признается государственною властью (см. „Теорія“ §§ 15 и 44).

Критикъ недоволенъ и самимъ выраженіемъ—„право въ юридическомъ смыслѣ“: „Если принять во вниманіе, что слово «юридическій» равнозначуще со словомъ «правовой» (*Теорія*, т. I, стр. 50 in fine), то выраженіе приметъ видъ: право въ правовомъ смыслѣ“ (стр. 341). Получается нѣкоторая терминологическая несообразность. Однако и тутъ проф. Шершеневичъ не правъ. Подъ правомъ „въ юридическомъ

Неопредѣленнымъ кажется критику и дѣленіе права на интуитивное и позитивное: „отличительный признакъ интуитивнаго права — въ отсутствіи въ составѣ его представленій нормативныхъ фактовъ, другими словами,—это право минусъ положительное право, которое, какъ мы видѣли, тоже величина не очень опредѣленная“ (стр. 342).

Конечно, если критику неясно, въ чемъ сущность позитивнаго права, то онъ не можетъ точно и опредѣленно представить себѣ и смыслъ интуитивнаго, такъ какъ это— лишь два вида общаго рода, образованные на основаніи наличности или отсутствія извѣстнаго признака. На самомъ же дѣлѣ въ отрицательной формулѣ, опредѣляющей интуитивное право, заключенъ вполнѣ точный и опредѣленный смыслъ. Интуитивное право слагается изъ императивно-аттрибутивной эмоціи и представленій: объектныхъ, какъ непремѣннаго члена, и субъектныхъ, а также представленій релевантныхъ фактовъ, какъ дополнительныхъ членовъ состава. Но ни въ коемъ случаѣ въ его составѣ не бываетъ представленій нормативныхъ фактовъ. Наличность послѣднихъ характеризуетъ позитивное (или положительное) право. Для того, кому ясенъ смыслъ перечисленныхъ элементовъ правового сознанія, интуитивное и позитивное право будутъ вполнѣ опредѣленными величинами.

Въ нѣкоторое смущеніе приводитъ проф. Шершеневича и то обстоятельство, что интуитивное право, или иначе,

---

смыслѣ“ проф. Петражицкій разумѣетъ то, что юристы обыкновенно относятъ къ праву, „нормы права въ смыслѣ юридическаго словоупотребленія“ („Теорія“, стр. 241), значитъ, не всѣ нормы права съ его точки зрѣнія. Подъ это понятіе не подойдутъ всѣ нормы интуитивнаго права и нѣсколько видовъ нормъ позитивнаго права, такъ какъ послѣднее не исчерпывается тѣми видами нормъ, которые извѣстны юристамъ (см. „Теорія“, §§ 42 и 43). Найденное критикомъ на 50 стр. in fine понятіе „правовой“, или юридическій въ смыслѣ психологической теоріи, какъ видно, шире понятія „юридическій“ въ традиціонномъ смыслѣ, которое имѣется въ виду выраженіемъ „право въ юридическомъ смыслѣ“. Если бы критикъ при сопоставленіи этихъ выраженій обратилъ вниманіе не только на внѣшній видъ этихъ выраженій, но и на внутреннее содержаніе ихъ, то онъ и не пришелъ бы къ сдѣланному имъ заключенію.

справедливость, можетъ быть менѣе доброкачественнымъ, чѣмъ позитивное право, и даже весьма злокачественнымъ.

Это недоразумѣніе указываетъ на то, что критикъ недостаточно оріентируется относительно постановки и самой сущности психологической теоріи. Послѣдняя разсматриваетъ нравственность, право, въ частности интуитивное право (или справедливость), съ формально-психологической точки зрѣнія, единственно возможной для психологической теоріи этихъ явленій. Для каждаго изъ людей настоящей, прошедшей и будущей эпохъ то поведеніе, которое они считаютъ нравственнымъ, справедливымъ и т. п., представляется хорошимъ, доброкачественнымъ, вообще въ ихъ глазахъ получаетъ положительную оцѣнку. Но, съ другой стороны, общеизвѣстенъ фактъ, что зачастую не только въ глазахъ людей различныхъ историческихъ эпохъ, но и въ глазахъ современниковъ одно и то же поведеніе получаетъ противоположную оцѣнку: что одни признаютъ справедливымъ и нравственнымъ, для другихъ можетъ оказаться безнравственнымъ и въ высшей степени несправедливымъ. Однако, психологическій составъ соотвѣтственныхъ убѣжденій имѣетъ одну и ту же природу, съ психологической т. зр. всѣ эти различныя по содержанію объектныхъ представленій убѣжденія о справедливомъ, нравственномъ и т. п. относятся къ одному и тому же соотвѣтственно типу явленій, къ нравственности, праву; а при этомъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что одни убѣжденія о справедливомъ окажутся въ соціальномъ отношеніи „менѣе доброкачестественными“ и „даже весьма злокачественными“ по сравненію съ другими, а также извѣстное интуитивное право (или справедливость)—менѣе доброкачественнымъ, чѣмъ позитивное право и т. п. И только если смотрѣть на право и нравственность подъ другимъ угломъ зрѣнія, напр., относить къ нимъ, и въ частности къ справедливости, не всѣ однородныя по своему составу переживанія, а только тѣ, которыя съ нашей личной точки зрѣнія заслуживаютъ одобренія, тогда, конечно, придется удивляться тому, что справедливость можетъ иногда оказаться менѣе доброкачествен-

ной, чѣмъ позитивное право, или даже и весьма злокачественной. Съ психологической точки зрѣнія вообще наивно представленіе, что справедливость всегда есть нѣчто высшее и т. п.

Затѣмъ проф. Шершеневичъ высказываетъ еще нѣсколько совершенно голословныхъ критическихъ замѣчаній о психологической теоріи права, уже до него высказанныхъ другими критиками. Такъ, онъ утверждаетъ, что „теорія Петражицкаго не въ состояніи выяснить соціальную природу права". Онъ умалчиваетъ, однако, о содержаніи VI гл. „Теоріи", гдѣ рѣчь идетъ о правѣ, какъ факторѣ и продуктѣ соціально-психической жизни. Изложенныя тамъ ученія о происхожденіи и развитіи права и нравственности имѣютъ именно соціологическій характеръ, предполагаютъ наличность массоваго психическаго взаимозараженія и т. д.[1]). Проф. Шершеневичъ не прочь повторить сзади другихъ и упрекъ въ солипсизмѣ („исходные моменты теоріи Петражицкаго должны бы логически привести его къ солипсизму"), но не будучи, повидимому, увѣренъ, насколько упрекъ этотъ умѣстенъ, дѣлаетъ такой выходъ въ неопредѣленность: „но какъ профессіональный юристъ, онъ (проф. Петражицкій) психологически отклоняетъ отъ себя эти выводы" (стр. 344). Въ результатѣ читатель такъ и не знаетъ, отклонилъ ли, по мнѣнію критика, проф. Петражицкій отъ себя солипсизмъ или нѣтъ. Повидимому, проф. Шершеневичъ неосвѣдомленъ относительно сущности солипсизма. Солипсизмомъ называется такая философская точка зрѣнія, согласно которой несомнѣнна лишь реальность моего индивидуальнаго сознанія, существованіе же помимо моего сознанія внѣшняго міра и другихъ одушевленныхъ существъ, а слѣдовательно, и ихъ переживаній подлежитъ сомнѣнію. Усматривать въ теоріи проф. Петражицкаго солипсизмъ неправильно сразу въ двухъ отношеніяхъ: онъ не только не вноситъ въ свои изслѣдованія, какъ отмѣчено выше (стр. 19), никакихъ обще-философскихъ точекъ зрѣнія, но

[1]) См. также по этому вопросу въ примѣчаніи на стр. 23.

и на каждомъ шагу говоритъ о правовыхъ и другихъ переживаніяхъ различныхъ индивидовъ и массъ, о взаимодѣйствіи ихъ психикъ и т. п.

III.

Не болѣе основательно критикуетъ проф. Шершеневичъ и ученіе психологической теоріи о разграниченіи права и нравственности.

Прежде всего, его критика (какъ и критика этого пункта психологической теоріи со стороны другихъ авторовъ, что уже было отмѣчено въ первой моей брошюрѣ) не строится параллельно развитію обоснованія отвергаемаго ею ученія, не схватываетъ послѣдняго во всей его глубинѣ и научномъ смыслѣ, методологически ему несоразмѣрна, а потому и научно неубѣдительна.

Посмотримъ, какъ въ психологической теоріи обосновано разграниченіе права и нравственности и въ чемъ состоитъ критика проф. Шершеневича.

Авторъ психологической теоріи прежде всего анализируетъ этическое сознаніе въ цѣломъ и здѣсь приходитъ къ слѣдующему результату: въ нѣкоторыхъ случаяхъ этическаго сознанія обязанность одного субъекта представляется намъ закрѣпленною за другимъ, какъ его добро, такъ что онъ можетъ притязать на соотвѣтственное поведеніе по его адресу. Такое, императивно-аттрибутивное, сознаніе проф. Петражицкій называетъ *правомъ* (въ реально-психологическомъ смыслѣ). Въ иныхъ случаяхъ этическаго сознанія обязанность одного субъекта не представляется причитающейся другому. Такое, чисто-императивное, сознаніе онъ называетъ *нравственностью* (въ реально-психологическомъ смыслѣ). Это различіе этическихъ переживаній авторъ объясняетъ различіемъ лежащихъ въ основѣ ихъ эмоцій. Въ случаяхъ императивно-аттрибутивнаго (правового) сознанія эмоціи переживаются какъ *извнѣ* приходящія къ обязанному и на него воздѣйствующія понуканія и могутъ быть охарактеризованы какъ „внѣшнія“ въ условномъ смыслѣ.

Эмоціи же, лежащія въ основѣ чисто-императивнаго (нравственнаго) сознанія, обладаютъ характеромъ „внутреннихъ“ понуканій къ соотвѣтственному поведенію.

Сообразно со своими методологическими требованіями проф. Петражицкій не останавливается на установленіи понятій права и нравственности, а обосновываетъ годность этого дѣленія этики, какъ средства и базиса для добыванія научнаго свѣта, для правильнаго познанія и объясненія этихъ явленій. Съ цѣлью доказательства объективнаго значенія тѣхъ группъ явленій. которыя названы имъ правомъ и нравственностью, онъ указываетъ цѣлые ряды дальнѣйшихъ характерныхъ свойствъ и особенностей права и нравственности, объясняющихся специфическою природою каждаго изъ этихъ видовъ этики и съ нею причинно связанныхъ, другими словами, создаетъ рядъ адэкватныхъ праву и нравственности теорій, изложенію которыхъ посвящено 117 страницъ.

Эти же фазы должна пройти и строго-объективная научная критика даннаго пункта психологической теоріи: критикъ долженъ считаться съ тѣмъ, какъ обосновано критикуемое имъ ученіе. Однако, въ критикѣ проф. Шершеневича мы не находимъ ничего подобнаго. Онъ ни словомъ не обмолвился объ адэкватныхъ теоріяхъ, ни слова не проронилъ по вопросу о различіи эмоцій, лежащихъ въ основѣ правовыхъ и нравственныхъ переживаній, и только по поводу анализа правового и нравственнаго сознанія въ цѣломъ мы находимъ нѣсколько возраженій въ его критикѣ; сверхъ того, имѣется еще нѣсколько возраженій, но всѣ они являются не серіозными, а мало продуманными и основанными на плохомъ знакомствѣ съ психологической теоріей.

Возраженія проф. Шершеневича по вопросу о разграниченіи права и нравственности въ психологической теоріи сводятся къ тремъ главнымъ пунктамъ.

„Прежде всего“—говоритъ проф. Шершеневичъ—„возбуждается вопросъ, всегда ли правовой обязанности соотвѣтствуетъ притязаніе, и всегда ли нравственной обязанности чуждо сознаніе связанности притязаніемъ“ (стр. 323). На

оба пункта этого вопроса онъ отвѣчаетъ отрицательно. Существованіе правовой обязанности безъ соотвѣтствующаго притязанія онъ доказываетъ слѣдующимъ образомъ: „Губернаторъ сознаетъ, что онъ долженъ наложить штрафъ на газету, позволяющую себѣ въ рѣзкой формѣ критиковать дѣйствія администраціи. Гдѣ здѣсь аттрибутивная сторона? Неужели неисполненіе долга вызоветъ въ редакторѣ или издателѣ чувство обиды, лишенія того, на что онъ могъ притязать, какъ на должное? А если въ данномъ случаѣ аттрибутивная сторона не обнаруживается, значитъ ли это, что обязанность губернатора не правовая, а нравственная?“ (стр. 323—324).

Съ точки зрѣнія психологической теоріи, правовое явленіе въ данномъ случаѣ будетъ налицо, если губернаторъ сознаетъ свой долгъ несвободнымъ отъ притязаній извнѣ, т. е. аттрибутивно. Этотъ долгъ можетъ сознаваться закрѣпленнымъ за опредѣленнымъ лицомъ, т. е. опредѣленное лицо будетъ представляться какъ субъектъ притязанія, но во всякомъ случаѣ не редакторъ и не издатель, а власть, стоящая надъ губернаторомъ, напр., генералъ-губернаторъ, министръ, монархъ, правительство вообще, государство въ цѣломъ и т. п. Если критикъ не знаетъ, кто здѣсь субъектъ соотвѣтственнаго права, и ищетъ его въ редакторѣ или издателѣ, то слѣдуетъ сказать, что онъ вообще плохой юристъ, такъ какъ и традиціонная юриспруденція не будетъ искать субъекта подлежащаго права въ редакторѣ или издателѣ. При неисполненіи губернаторомъ своего долга чувство обиды, лишенія того, на что имѣлось притязаніе, будетъ, конечно, не у издателя или редактора, а у только-что перечисленныхъ возможныхъ субъектовъ притязанія и то только въ томъ случаѣ, если они знаютъ о неисполненіи губернаторомъ его обязанности, на исполненіе который они надѣляли себя правомъ (притязаніемъ). Если подъ „обнаруженіемъ аттрибутивной стороны“ критикъ разумѣетъ выраженіе чувства обиды по поводу неисполненія долга, то замѣчу, что для наличности правового явленія этого вовсе не требуется, такъ какъ это выраженіе есть явленіе побочное для самого

права и находится съ нимъ лишь въ причинной связи, а потому обязанность губернатора будетъ правовой даже и въ томъ случаѣ, если никто не будетъ обижаться за неисполненіе ея; достаточно, если кто-либо, признавая губернатора обязаннымъ къ извѣстному поведенію, представляетъ себѣ дѣло такъ, что послѣдній не просто обязанъ исполнить свой долгъ, а на таковое его дѣйствіе могутъ притязать другіе.

Хорошей иллюстраціей пріемовъ критики проф. Шершеневича можетъ служить примѣчаніе (подъ № 20 на стр. 324) къ тому мѣсту выше цитированнаго текста, гдѣ онъ говоритъ о „редакторѣ и издателѣ“. Вотъ это примѣчаніе полностью: „Тамъ, гдѣ на одной сторонѣ имѣется право, на другой нравственная психика выражается въ авторитетномъ побужденіи къ спокойному перенесенію подлежащихъ, хотя бы злостныхъ и неосновательныхъ воздѣйствій къ терпѣнію, какъ таковому (*Теорія*, т. I, стр. 74). Едва ли такая психика существуетъ въ дѣйствительности“.

Заглянувъ на 73—74 стр. „Теоріи“, мы тамъ находимъ совершенно иное. Тамъ говорится, что „въ области тѣхъ нравственныхъ переживаній, гдѣ дѣло идетъ о терпѣніи чего-либо, pati, напр., обидъ со стороны ближнихъ, гоненій за вѣру и т. п., подлежащія импульсіи имѣютъ характеръ внутреннихъ, исходящихъ (въ указанномъ выше стр. 66 смыслѣ) авторитетныхъ побужденій къ спокойному перенесенію подлежащихъ, хотя бы злостныхъ и неосновательныхъ, воздѣйствій, къ терпѣнію, какъ таковому, а не какъ сообразованію своего поведенія съ уполномоченностью, высшею санкціею дѣйствій другой стороны“, что имѣетъ мѣсто въ области права. Здѣсь дѣлается сравнительная характеристика тѣхъ нравственныхъ и правовыхъ переживаній, въ которыхъ объектнымъ представленіемъ является представленіе терпѣнія, перенесенія воздѣйствій обязаннымъ, а не то, о чемъ говоритъ критикъ, именно, что если одна сторона приписываетъ себѣ право на извѣстное поведеніе другой, то эта послѣдняя считаетъ себя нравственно обязанной къ тому же поведенію по адресу первой. Вопреки утвержде-

ніямъ критика и такія переживанія возможны, но здѣсь будетъ не одно этическое явленіе, а два: правовое у одного лица и нравственное у другого.

Существованіе нравственныхъ обязанностей, которымъ не чуждо сознаніе связанности притязаніемъ, проф. Шершеневичъ доказываетъ слѣдующимъ образомъ: „Развѣ въ нравственной обязанности отсутствуетъ аттрибутивная сторона? Я сознаю себя обязаннымъ платить своей горничной мѣсячное ея жалованье, и я сознаю себя обязаннымъ давать денежныя пособія старой нянѣ, воспитывавшей моихъ дѣтей и дошедшей теперь до старости, до тяжелаго матеріальнаго положенія. Я сознаю, что она можетъ притязать на мою помощь“ (стр. 324).

Указанныя здѣсь критикомъ обязанности психологическая теорія относитъ къ правовымъ, а не къ нравственнымъ, такъ какъ имъ соотвѣтствуютъ притязанія. Отнесеніе всѣхъ такихъ обязанностей къ одной группѣ и выдѣленіе всякаго императивно-аттрибутивнаго сознанія въ одну группу (права) дѣлается не на основаніи личнаго вкуса или привычки, а на основаніи однородности такихъ переживаній съ субъективной точки зрѣнія и, кромѣ того, на основаніи объективныхъ данныхъ, развитію и изложенію которыхъ посвящена въ психологической теоріи цѣлая глава („Теорія“, стр. 135—252). Для критика все это какъ будто не существуетъ. Онъ привыкъ относить свою обязанность платить жалованье прислугѣ и давать вспомоществованіе нянѣ къ области нравственности и съ этой личной точки зрѣнія рѣшается опровергнуть научно и объективно обоснованное положеніе психологической теоріи. Задача, конечно, невыполнимая. Предположимъ, что критикъ правъ, но и тогда онъ правъ случайно, наугадъ. „Научность (же) есть сознательная научно-методическая обоснованность, а не случайная удачность, вообще не объективная удачность, какъ таковая“ (Петражицкій, „Введеніе“). Нельзя построить научно цѣнной критики вопроса о дѣленіи этики на право и нравственность въ психологической теоріи, не касаясь изложенныхъ проф. Петражицкимъ адекватныхъ праву и нравственности теорій,

или не опровергнувъ вообще принципа адэкватности научнаго знанія. Если бы даже критикъ доказалъ, что указанныя имъ обязанности всѣми людьми относятся къ нравственнымъ, то и тогда бы его тезисъ не выигралъ въ научномъ отношеніи: его доказательство свидѣтельствовало бы только объ установившихся привычкахъ называнія, а послѣднія не могутъ служить въ наукѣ критеріемъ для классификаціи изслѣдуемыхъ ею явленій. Но съ другой стороны, критикъ, вопреки своему мнѣнію, не встрѣтитъ поддержки и въ общенародной точкѣ зрѣнія, такъ какъ она относитъ обязанности, которымъ соотвѣтствуютъ притязанія (права), не къ нравственности, а къ праву. Непостижимо даже, почему проф. Шершеневичъ, юристъ по профессіи, самъ считаетъ нравственной, а не правовой, обязанность платить жалованье прислугѣ, когда на сторонѣ послѣдней и законъ, и судъ—всѣ правовые аттрибуты съ точки зрѣнія юристовъ.

Какъ видимъ, этотъ первый пунктъ возраженій критика покоится на сумбурныхъ свѣдѣніяхъ о содержаніи психологической теоріи и на произвольномъ отнесеніи однѣхъ обязанностей къ праву, другихъ къ нравственности.

Это не мѣшаетъ критику утверждать (и въ этомъ состоитъ второй пунктъ его критики), что право и нравственность психологической теоріи произвольно избранныя группы явленій. Имъ нужно было дать, по его мнѣнію, „и произвольное наименованіе, а не ходячее, съ которымъ въ жизни не соединяется то значеніе, какое придаетъ ему авторъ“ (стр. 324).

Эти утвержденія критика не соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію вещей, потому что, хотя въ психологической теоріи понятія права и нравственности образованы независимо отъ чьихъ-либо привычекъ называнія, но вслѣдствіе того, что удалось отыскать какъ разъ тѣ психическіе акты, которые лежатъ въ основѣ людскихъ представленій и разговоровъ объ обязанностяхъ, правахъ и т. д., получилось почти полное совпаденіе общенароднаго примѣненія словъ—право, нравственная обязанность — установленнымъ видамъ этическаго сознанія. Публика употребляетъ вообще слово

„право“ въ тѣхъ же случаяхъ, когда и психологическая теорія, но только она видитъ реальность права въ томъ, въ чемъ психологическая теорія видитъ лишь проекціи на почвѣ дѣйствительно правовой реальности, именно—императивно-аттрибутивныхъ переживаній. Слѣдовательно, наименованія группъ императивнаго и императивно-аттрибутивнаго сознанія не произвольны. Съ другой стороны, и сами эти группы не произвольны. Ихъ объективное значеніе обосновывается установленіемъ цѣлаго ряда характерныхъ ихъ свойствъ и причинныхъ тенденцій (см. въ „Теоріи“ проф. Петражицкаго §§ 6—16).

Здѣсь же слѣдуетъ указать на ошибочность утвержденій проф. Шершеневича, высказанныхъ имъ въ другомъ мѣстѣ его критики, но стоящихъ въ связи съ только что обсуждаемыми возраженіями. Утвержденія эти состоятъ въ слѣдующемъ: а) авторъ психологической теоріи не объясняетъ основаній предпочтенія имъ представленія о правѣ широкой публики сравнительно съ представленіемъ профессіональныхъ юристовъ; б) „не подчиняется ему, такъ какъ отбрасываетъ нравственное право“: с) „не изслѣдуетъ и причинъ, по которымъ сложилось профессіональное пониманіе права. Принимая точку зрѣнія широкой публики, Петражицкій рѣшительно съ ней расходится, потому что въ этой публикѣ не признаютъ серьезно правомъ то, что въ своей теоріи онъ выдаетъ за таковое (любовное, преступное право и т. п.)“ (стр. 343).

Всѣ эти три пункта критики не вѣрны: вопреки утвержденіямъ проф. Шершеневича, во „Введеніи“ мы находимъ объясненіе того, почему слѣдуетъ предпочитать представленіе о правѣ широкой публики. Тамъ проф. Петражицкій доказываетъ бо̀льшую годность для оріентировки въ мірѣ явленій руководства народными привычками называнія по сравненію съ профессіональными слѣдующимъ образомъ: „вслѣдствіе приспособленія здѣсь (т. е. въ сферѣ профессіональной) наименованій къ тѣмъ одностороннимъ надобностямъ и удобствамъ, которыя имѣютъ рѣшающее значеніе въ данной спеціально-практической области, они разъеди-

няютъ объективно однородное и соединяютъ объективно разнородное, выдѣляя эклектическія, сборныя группы съ общимъ «условнымъ» значкомъ (именемъ). какъ это удобно съ точки зрѣнія данной спеціальной потребности и ея удовлетворенія. Напротивъ, тѣ словоупотребленія, которыя образуются на почвѣ общенароднаго обмѣна представленій и сужденій по поводу разныхъ предметовъ не какъ результаты односторонняго давленія какой-либо спеціально-практической потребности, а какъ отложенія безчисленныхъ переживаній милліардовъ различнѣйшихъ (по возрасту, классу, занятіямъ, интересамъ, направленіямъ вниманія...) индивидовъ на почвѣ всевозможныхъ соприкосновеній съ этими объектами при различнѣйшихъ обстоятельствахъ и «освѣщеніяхъ»,—именно вслѣдствіе этого должны вообще имѣть иной характеръ: не значковъ для односторонне-субъективныхъ, спеціально-практическихъ сборныхъ группъ, а классовыхъ именъ, отражающихъ объективную однородность и разнородность предметовъ" (стр. 56, 57). „Но и эти, сами по себѣ удачныя, понятія надо для достиженія ихъ полной научности подвергнуть, такъ сказать, повторному акту производства; добывъ ихъ разъ въ видѣ подарковъ безсознательно-мудраго языка, наукѣ надо создать ихъ второй разъ собственнымъ умомъ, научно-методическимъ путемъ" (стр. 89).

Итакъ, первый изъ указанныхъ пунктовъ критики проф. Шершеневича опровергается документально.

Второй пунктъ критики основанъ на недоразумѣніи относительно смысла руководства народными привычками называнія. Эти привычки называнія и сложившіяся представленія о чемъ-либо для установленія научныхъ понятій могутъ имѣть лишь косвенное значеніе показателя, куда направить вниманіе для отысканія сути дѣла, но не могутъ заставить относить къ извѣстному классу явленій все то, что включалось въ него сложившимися представленіями и привычками называнія, и не относить того, что ими было исключено. Съ этой точки зрѣнія, если право и нравственность являются качественно отличными видами общаго рода явленій (какъ учитъ проф. Петражицкій), такъ называемое

„нравственное право“ публики есть смѣшеніе понятій, что вполнѣ послѣдовательно со своей точки зрѣнія и утверждаетъ проф. Петражицкій [1]). Если народное словоупотребленіе обладаетъ, какъ указано выше, извѣстною „мудростью“, то эта „мудрость“ не абсолютна, почему и возможны все же классификаціонныя ошибки.

Третье утвержденіе также не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ на самомъ дѣлѣ причины, по которымъ сложилось профессіональное представленіе о правѣ, авторомъ психологической теоріи указаны: это—зависимость правовѣдѣнія отъ особой общественной профессіи—практической юриспруденціи, или т. н. судебной практики; затѣмъ, наличность особаго отношенія государства къ праву („Введеніе“ стр. 53 и сл., „Теорія“ § 12).

Что касается, далѣе, любовнаго, преступнаго и т. п. права, то отнесеніе ихъ къ праву въ наукѣ должно совершаться по собственному критерію (объединенія всего однороднаго въ одну группу), а не по чьему-либо вкусу и привычкѣ; съ другой стороны, въ своей области эти правовыя переживанія (именно: любовное право среди влюбленныхъ, преступное—среди преступниковъ) являются весьма серьезными величинами. Любовное право, напр., регулируетъ цѣлую и очень важную область человѣческихъ отношеній; на почвѣ его нарушеній возникаютъ жизненныя, подчасъ весьма ужасныя по послѣдствіямъ, драмы и трагедіи. Другія характерныя свойства и тенденціи всякаго права присущи и любовному праву не въ меньшей степени. Въ своей области и преступное право характеризуется тѣмъ же. Правда, бываютъ такіе случаи, когда люди, употребляющіе слово „право“ при императивно-аттрибутивныхъ переживаніяхъ на почвѣ любви, все же при теоретическихъ разсужденіяхъ о правѣ, подъ вліяніемъ

[1]) Иное объясненіе понятію „нравственное право“ дано въ моей брошюрѣ („Новая теорія права и нравственности, ея критики и монистическое пониманіе этики“), при обоснованіи точки зрѣнія количественнаго различія между правомъ и нравственностью. Но это объясненіе, можетъ-быть, болѣе удовлетворяющее проф. Шершеневича, послѣдовательно только съ моей (монистической) точки зрѣнія на соотношеніе права и нравственности.

профессіонально-юридическаго словоупотребленія, любовное право не отнесутъ къ праву, но этотъ фактъ указываетъ лишь на слабость теоретическаго мышленія, на неумѣніе освободиться отъ профессіонально-юридическихъ привычекъ относить къ области права только нѣкоторыя, именно подверженныя государственной регламентаціи, правовыя отношенія.

Третье главное возраженіе проф. Шершеневича состоитъ въ слѣдующемъ: въ психологической теоріи нѣтъ устойчиваго соотвѣтствія между группой явленій (правомъ, нравственностью) и наименованіемъ ея, другими словами, различіе между правомъ и нравственностью оказывается разнымъ у разныхъ лицъ (стр. 325). Напр., къ тому, что одинъ считаетъ для себя нравственно обязаннымъ, другой сознаетъ себя обязаннымъ въ правовомъ смыслѣ, и даже возможно, что одни и тѣ же сужденія переживаются сначала въ качествѣ нравственныхъ, а нѣсколько секундъ спустя — въ качествѣ правовыхъ, или наоборотъ. „Такая неустойчивость“ — замѣчаетъ критикъ — „совершенно не отвѣчаетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ научной классификаціи“ (стр. 325) [1]).

[1]) Интересно отмѣтить, что проф. Шершеневичъ при изложеніи собственныхъ воззрѣній на право и нравственность уже не придерживается тѣхъ принциповъ, съ точки зрѣнія которыхъ онъ критиковалъ психологическую теорію. Классификація проф. Петражицкаго признана имъ неустойчивой изъ-за того, что однѣ и тѣ же (по содержанію объектныхъ опредѣленій) нормы могутъ быть нравственными и правовыми. Однако, нѣсколькими страницами ниже проф. Шершеневичъ самъ признаетъ, что „въ значительной части право и нравственность совпадаютъ въ своемъ содержаніи“, и даже „норма, не переставая быть нравственной, становится въ то же время и правовой“ (стр. 327), что, съ т. зр. психологической теоріи, уже фактически невозможно, если рѣчь идетъ о переживаніяхъ одного и того же лица. Интересно знать, удовлетворяетъ ли требованіямъ научной классификаціи та неустойчивость, которую мы видимъ въ разграниченіи критика. По мнѣнію проф. Шершеневича, „графическое соотношеніе между правомъ и нравственностью могло бы быть изображено въ видѣ двухъ эксцентрическихъ пересѣкающихся круговъ“ (стр. 327). Такая классификація (какъ уже, между прочимъ, указывалъ въ „Теоріи“ и проф. Петражицкій въ полемикѣ съ кн. Е. Трубецкимъ) противорѣчитъ элементарному и основному правилу классификаціи, въ силу котораго члены дѣленія должны исключать другъ друга.

На это должно отвѣтить, что различіе между правомъ и нравственностью въ ученіи проф. Петражицкаго проводится по характеру субъективныхъ переживаній, а не по какимъ-либо другимъ обстоятельствамъ, именно по характеру эмоціональнаго элемента этическихъ переживаній. Нравственность—чисто императивныя переживанія, право — императивно-аттрибутивныя, и это имѣетъ силу для всѣхъ, кто бы ихъ ни переживалъ, такъ что различіе между правомъ и нравственностью, вопреки утвержденіямъ критика, оказывается одинаковымъ у всѣхъ, такъ же, какъ одинаково у всѣхъ различіе между радостью и печалью, кто бы ихъ ни переживалъ. Но подобно тому, какъ одни лица радуются по поводу такихъ объектовъ и обстоятельствъ, по поводу которыхъ другія печалятся, такъ и въ области этики: одни лица переживаютъ императивно-аттрибутивныя (т. е. правовыя) эмоціи по поводу такого поведенія (объектъ права или правовой обязанности), по поводу котораго другія переживаютъ чисто императивныя (нравственныя) эмоціи; и подобно тому, какъ одно лицо сейчасъ радуется тому, о чемъ черезъ секунду, быть можетъ, будетъ горевать, такъ и въ области этики: одно и то же лицо сейчасъ переживаетъ императивно-аттрибутивное сознаніе, а черезъ секунду можетъ подъ вліяніемъ опредѣленныхъ причинъ переживать по поводу того же самаго поведенія чисто императивное сознаніе. Послѣдовательно разсуждая, проф. Шершеневичъ со своей точки зрѣнія долженъ признать неустойчивымъ и различіе между радостью и печалью на томъ основаніи, что одинъ можетъ радоваться тогда, когда другого охватываетъ печаль, а по аналогіи распространить свой взглядъ и на многія другія подобныя переживанія, на что и онъ едва ли рѣшится.

Дальнѣйшей иллюстраціей того, насколько проф. Шершеневичъ усвоилъ психологическую теорію, служатъ слѣдующія его разсужденія: „Правовая обязанность имѣется въ томъ случаѣ, когда я сознаю, что я долженъ, а другой можетъ требовать. Но Петражицкій не счелъ нужнымъ объяснить намъ, что значатъ эти слова «долженъ» и «требо-

вать». Представимъ себѣ, что фабрикантъ сознаетъ, что онъ долженъ выдать денежное обезпеченіе рабочему, испытавшему увѣчье на его фабрикѣ. Почему ему кажется, что рабочій можетъ требовать пособіе? А, можетъ быть, только просить? Не потому ли фабрикантъ сознаетъ, что рабочій можетъ требовать, что за рабочимъ стоитъ законъ и судъ, и нельзя ли допустить, что у фабриканта этого сознанія не было бы, если бы законъ не давалъ рабочему иска? Петражицкій тщательно избѣгаетъ внѣшняго авторитета. Значитъ, сознаніе фабриканта не могло и не должно было складываться подъ вліяніемъ офиціальнаго закона, какъ это способны были бы вообразить люди, не проникшіеся теоріей Петражицкаго" (стр. 325).

Люди, проникшіеся теоріей Петражицкаго, думаютъ какъ разъ наоборотъ: они знаютъ,что этическое сознаніе (и главнымъ образомъ правовое) складывается часто подъ вліяніемъ законовъ, и не только подъ вліяніемъ законовъ, но и другихъ внѣшнихъ авторитетовъ, и если представленіе послѣднихъ входитъ въ составъ этическаго сознанія, то налицо имѣется позитивное право или позитивная нравственность (смотря по характеру эмоцій, лежащихъ въ основѣ переживанія). Они знаютъ также, что, съ точки зрѣнія психологической теоріи, возможны случаи, когда лицо (въ частности и фабрикантъ) сознаетъ свою обязанность и право другого лица подъ вліяніемъ закона (его сознаніе есть въ такомъ случаѣ одинъ изъ видовъ позитивнаго права), но возможно, что люди сознаютъ то же самое, какъ велѣніе своей совѣсти (интуитивное право). То же имѣетъ мѣсто и въ области нравственности. Довольно странно звучитъ недоумѣніе критика по поводу смысла словъ „долженъ" и „требовать". Въ общемъ смыслѣ этихъ словъ понятенъ для всякаго, а для юриста въ особенности. Но помимо этого проф. Петражицкій подробнѣйшимъ образомъ производитъ анализъ правовыхъ и нравственныхъ переживаній, такъ что смыслъ долженствованія и правового требованія, притязанія, можетъ (и долженъ) остаться неяснымъ только для лицъ, никогда не переживавшихъ подобныхъ психическихъ актовъ. Но въ

данномъ случаѣ, конечно, нѣтъ никакой возможности выйти изъ затруднительнаго положенія непониманія.

Въ качествѣ послѣдняго основанія несогласія съ попыткой проф. Петражицкаго найти отличіе права и нравственности („не отрицая остроумія разсмотрѣнной попытки“ критикъ выставляетъ безъ всякаго обоснованія то, что „желаннымъ критеріемъ, съ точки зрѣнія жизненныхъ цѣлей, которыя предъявляются къ наукѣ, она служить не можетъ“ (стр. 326). Въ чемъ состоятъ эти жизненныя цѣли, это остается секретомъ критика. Уже по поводу тожественнаго замѣчанія проф. Паліенко („Ученіе о существѣ права и правовой связанности государства“, стр. 211) мною [1]) было указано, что жизненныя цѣли, какъ и вообще всякія цѣли, къ вопросу о природѣ права и нравственности и ихъ отличіи другъ отъ друга никакого отношенія не имѣютъ. Природа явленій существуетъ сама по себѣ, независимо отъ чьихъ-либо цѣлей и желаній. Природа раковыхъ новообразованій, напр., не зависитъ отъ жизненныхъ цѣлей (напр., исцѣлиться) страдающаго этой болѣзнью и останется неизмѣнной, несмотря на измѣненіе цѣлей больного. То же самое и въ области права.

Критика прив.-доц. Ѳ. Кокошкина.

Нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу психологической теоріи проф. Петражицкаго находимъ въ „Лекціяхъ по общему государственному праву“ прив.-доц. Ѳ. Кокошкина.

По мнѣнію этого критика, „специфическое отличіе права отъ нравственности опредѣлено проф. Петражицкимъ совершенно правильно (стр. 117)... Но, опредѣляя правильно характерную особенность права, теорія Петражицкаго страдаетъ двумя недостатками“ (стр. 118).

„Во-первыхъ, понятіе аттрибутивной функціи права не выяснено въ ней до конца“.

---

[1]) „Новая теорія права и нравственности, ея критики и монистическое пониманіе этики“, стр. 10.

„Когда проф. Петражицкій говоритъ, что юридическая обязанность всегда «закрѣплена» за извѣстнымъ лицомъ, онъ употребляетъ фигуральное выраженіе, но, чтобы уяснить себѣ его точный смыслъ, нужно подвергнуть это понятіе дальнѣйшему анализу. Возьмемъ такой примѣръ. Къ извѣстному лицу приходитъ судебный приставъ и описываетъ за долги его имущество. Поступая такъ, онъ выполняетъ свою юридическую обязанность. Но за кѣмъ «закрѣплена» эта обязанность? Никто не скажетъ, что за должникомъ, хотя дѣйствія пристава непосредственно относятся къ нему. Обязанность пристава въ данномъ случаѣ закрѣплена за третьимъ лицомъ, кредиторомъ, потому что взысканіе долга производится въ его интересахъ и поставлено въ зависимость отъ его воли; если онъ захочетъ, онъ можетъ отказаться отъ взысканія и тѣмъ освободить пристава отъ его обязанности. Именно поэтому мы и приписываемъ ему субъективное право на дѣйствія пристава. Обязанность закрѣплена за извѣстнымъ лицомъ тогда, когда осуществленіе ея 1) служитъ интересу этого лица, 2) поставлено въ зависимость отъ его воли или отъ воли его представителя, говоря короче, отъ воли, осуществляющей его интересъ. Слѣдовательно, императивно-аттрибутивная или юридическая норма есть такая норма, которая связываетъ волю одного лица въ интересахъ другого лица и въ зависимости отъ его воли (или воли его замѣняющей). Выражая ту же мысль съ другой стороны, а именно—съ т. зр. не обязаннаго, а управомоченнаго лица, можно сказать, что юридическая норма всегда обезпечиваетъ опредѣленному лицу возможность удовлетворенія его интереса, подчиняя осуществляющей этотъ интересъ волѣ волю другого лица“ (стр. 118).

Читая процитированныя только что разсужденія, мы видимъ, что г. Кокошкинъ просмотрѣлъ, что требуемый имъ дальнѣйшій „анализъ“ понятія аттрибутивности въ въ теоріи Петражицкаго имѣется налицо. Правда, онъ не похожъ на анализъ критика, но все же имѣется и даже

въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ предлагаетъ критикъ.

Излагая ученія современныхъ юристовъ о природѣ права въ субъективномъ смыслѣ („Теорія“ § 28, стр. 368—371), проф. Петражицкій выясняетъ, что какъ воля, такъ и интересъ суть чуждыя, постороннія для существа права явленія, что обязанность можетъ быть закрѣплена за извѣстнымъ лицомъ (другими словами, это лицо можетъ обладать правомъ) помимо и независимо отъ „воли“ и „интереса“ управомоченнаго (или его представителя) и даже вопреки имъ, въ чемъ не трудно убѣдиться каждому юристу даже съ точки зрѣнія данныхъ и понятій современной юриспруденціи, безъ пользованія положеніями психологической теоріи права. Въ самомъ дѣлѣ, многія права пріобрѣтаются независимо отъ соотвѣтственнаго интереса и воли, даже вопреки имъ. Напр., права возникающія вслѣдствіе дѣйствія силъ природы (права собственника земли на продукты почвы, въ томъ числѣ на неинтересные и нежелательные; права собственника участка на дичь, находящуюся на его участкѣ; права собственности, возникающіе вслѣдствіе avulsio, alluvio, insula nata ect., даже при нежелательности ихъ вслѣдствіе, напр., податныхъ соображеній). Нѣкоторыя права, возникающія вслѣдствіе событій, происшедшихъ въ лицѣ другихъ людей, пріобрѣтаются иногда независимо не только отъ желаній и интересовъ пріобрѣтающаго, но и отъ воли, желанія этихъ другихъ лицъ (напр., наслѣдственныя права, права на обезпеченіе, пенсію, страховую сумму и т. д., возникающія вслѣдствіе смерти другого лица). Прекраснымъ примѣромъ служитъ также институтъ принудительнаго наслѣдованія по древне-римскому праву (sui et necessarii heredes не могли отказаться отъ наслѣдсвенныхъ правъ и обязанностей). Сюда же относится пріобрѣтеніе правъ вслѣдствіе распоряженія другихъ лицъ, не справлявшихся о волѣ и интересѣ управомоченнаго. Напр., въ древности пріобрѣтеніе супружескихъ правъ при бракѣ по волѣ родителей, пріобрѣтеніе правъ при принудительномъ представительствѣ и т. д. и т. д.

Таково же отношеніе воли и интереса къ прекращенію правъ. Обыкновенно съ прекращеніемъ интереса и воли пользоваться правомъ и даже съ появленіемъ интереса и воли прекратить его, само право не прекращается, для этого необходимо совершеніе разныхъ дѣйствій, подчасъ сложныхъ формальностей, иногда необходимы сверхъ того особыя условія (напр., при разводѣ), а многими правами субъектъ ихъ и вообще не можетъ распоряжаться.

Всѣ эти факты изъ области правовой жизни безспорно доказываютъ ошибочность предлагаемаго пр.-доц. Кокошкинымъ „анализа“ понятія аттрибутивности и критики его съ этой точки зрѣнія ученія проф. Петражицкаго.

Сверхъ указаннаго, проф. Петражицкій въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія выясняетъ дѣйствительное отношеніе „воли“ къ аттрибутивности права. Отношеніе это обратно тому, которое находитъ въ данномъ случаѣ г. Кокошкинъ. Мы приписываемъ кому-либо субъективное право на дѣйствіе другого лица не потому, что обязанность этого послѣдняго поставлена въ зависимость отъ воли и желанія перваго (какъ думаетъ г. Кокошкинъ), а какъ разъ наоборотъ: именно потому, что одному лицу приписывается право на дѣйствіе другого, обязанность послѣдняго ставится въ зависимость отъ воли перваго: управомоченный можетъ, по общему правилу, распоряжаться своимъ правомъ. Распоряженіе есть функція аттрибутивности, а не наоборотъ (стр. 141 „Теоріи“). Такое отношеніе и связь между аттрибутивностью и распоряженіемъ чужими обязанностями есть одна изъ характерныхъ тенденцій права. Выясненію ея на ряду съ другими особенностями правовой психики посвящена цѣлая глава (II) сочиненія Петражицкаго. Тѣмъ болѣе удивительно, что г. Кокошкинъ просмотрѣлъ все это. Итакъ, мы видимъ, что первый недостатокъ, найденный г. Кокошкинымъ въ психологической теоріи, есть мнимая величина.

„Второй недостатокъ теоріи Петражицкаго“ — по мнѣнію критика—„заключается въ томъ, что у него право есть явленіе индивидуальнаго, изолированнаго сознанія. Съ его точки зрѣнія, напр., иллюзорное чувство подчиненія во-

ображаемой государственной власти создаетъ дѣйствительное государственно-правовое отношеніе. Съ этимъ, конечно, согласиться нельзя. Право есть, дѣйствительно, явленіе психическое; въ основѣ его лежитъ субъективное сознаніе обязанности. Но, пока это сознаніе существуетъ лишь въ предѣлахъ изолированной психической жизни индивида, оно не создаетъ права, ибо здѣсь нѣтъ *дѣйствительнаго* [1]) закрѣпленія обязанности за другимъ лицомъ, нѣтъ реальнаго *интереса* [1]), которому бы служила обязанность, и реальной *воли* [1]), отъ которой она бы зависѣла. Право возникаетъ только тогда, когда одна и та же императивно-аттрибутивная норма существуетъ одновременно въ сознаніи нѣсколькихъ людей. Оно есть явленіе общественное, т. е. явленіе не чисто-индивидуальной, а к о л л е к т и в н о й психологіи" (стр. 119).

Поскольку критикъ въ этихъ разсужденіяхъ говоритъ то, что онъ сказалъ уже выше, именно „объ интересѣ, которому бы служила обязанность", „о волѣ, отъ которой она бы зависѣла", постольку и здѣсь имѣетъ примѣненіе указанная выше критика проф. Петражицкаго теорій воли и интересовъ. Вопросы коллективной психологіи или, точнѣе, вопросы о психическомъ взаимодѣйствіи людей другъ на друга, какъ уже не разъ приходилось говорить по поводу однородныхъ замѣчаній другихъ критиковъ, относятся къ проблемѣ объ условіяхъ происхожденія и развитія права (а не къ проблемѣ о природѣ права) и въ подлежащихъ мѣстахъ „Теоріи" проф. Петражицкаго затрогиваются и обсуждаются (глава VI: „Право, какъ факторъ и продуктъ соціально-психической жизни"). Право же, разъ оно психическое явленіе, а это признаетъ и самъ критикъ, относится къ индивидуальной психикѣ, или къ психикѣ вообще, ибо никакой другой психики не существуетъ. А если стать на психологическую точку зрѣнія, то правовое явленіе будетъ налицо не только тогда, когда императивно-аттрибутивная норма существуетъ одновременно въ сознаніи

[1]) Курсивъ мой.

нѣсколькихъ людей, но и тогда, когда она существуетъ въ сознаніи только одного лица, такъ же, какъ всѣ прочіе психическіе феномены (напр., радость, горе) существуютъ не только тогда, когда они общи нѣсколькимъ лицамъ, но и тогда, когда они имѣются въ сознаніи одного лица. Правда, такое правовое сознаніе не будетъ имѣть того общественнаго значенія, которое свойственно правовому сознанію массы лицъ, но это все же не мѣняетъ его природы. Вопросъ о природѣ явленія и вопросъ о его значеніи не тождественны. Ихъ не слѣдуетъ смѣшивать, какъ это дѣлаетъ критикъ.

Если теперь принять во вниманіе, что этическія нормы дѣлятся на два класса: нормы юридическія (или право) и нормы нравственныя (или мораль), съ чѣмъ согласенъ и критикъ; что, по его же мнѣнію, специфическое отличіе права и нравственности опредѣлено проф. Петражицкимъ совершенно правильно, и что, съ другой стороны, тѣ императивно-аттрибутивныя нормы, которыя существуютъ въ сознаніи только одного лица, исключены критикомъ изъ области права,—то возникаетъ вопросъ, куда отнести эти послѣднія нормы. Онѣ вѣдь тоже должны найти свое мѣсто въ классификаціи. Относясь, несомнѣнно, къ области этики, онѣ не находятъ себѣ пристанища ни въ одномъ видѣ этическихъ нормъ: ни въ правѣ, ни въ нравственности. Такимъ образомъ, понятіе права, построенное г. Кокошкинымъ, само разрушило его построенія.

Другой признакъ права—общественное признаніе—еще болѣе ухудшаетъ понятіе права, предлагаемое г. Кокошкинымъ. Онъ выкидываетъ за бортъ много императивно-аттрибутивныхъ нормъ, существующихъ въ сознаніи нѣсколькихъ лицъ, тѣ именно изъ этихъ нормъ, которыя не получили общественнаго признанія. Основаній для такой операціи авторъ не указываетъ. Между тѣмъ, съ психологической точки зрѣнія, она еще болѣе непослѣдовательна, чѣмъ предыдущее исключеніе изъ области права императивно-аттрибутивныхъ нормъ, находящихся въ сознаніи только одного лица. Конечно, никто не будетъ спорить съ тѣмъ, что признанныя обществомъ нормы имѣютъ гораздо большее значеніе

по сравненію съ непризнанными, но пользоваться этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, какъ критеріемъ для образованія класса и классоваго понятія права, научно не правильно. Это было бы похоже на то, если бы мы въ области ботаники изъ класса березъ исключили бы березы, имѣющія почему-либо мало значенія или совсѣмъ его не имѣющія. Здѣсь опять то же самое смѣшеніе вопросовъ о природѣ явленія и о его значеніи, цѣнности съ какой-либо точки зрѣнія.

На основаніи всего изложеннаго нами, мы должны признать критику г. Кокошкина не болѣе удовлетворительною, чѣмъ и критика прочихъ авторовъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще, что и Кокошкинъ излагаетъ психологическую теорію права съ проекціонной точки зрѣнія, не говоря ни слова о правѣ въ реально-психологическомъ смыслѣ. Изъ его изложенія мы не узнаемъ, что всякія нормы, въ томъ числѣ и правовыя, суть проекціи, идеологическія величины на почвѣ соотвѣтственныхъ эмоціональныхъ переживаній. Между тѣмъ, одна изъ существенныхъ особенностей теоріи Петражицкаго заключается именно въ ученіи о нормахъ, какъ проекціяхъ на почвѣ эмоціонально-интеллектуальныхъ переживаній, особый видъ которыхъ является правомъ въ реально-психологическомъ смыслѣ.

Критика А. Рождественскаго.

I.

Цѣлую серію недоразумѣній и почти полное непониманіе психологической теоріи права находимъ въ „Основахъ общей теоріи права“ приватъ-доцента А. Рождественскаго.

Авторъ отвергаетъ психологическую теорію права, такъ сказать, съ двухъ позицій: 1) разбирая содержаніе этой теоріи и 2) безъ такого разбора, помимо него, и даже допустивъ, что его разборъ неправиленъ. Однимъ словомъ, свое нападеніе на психологическую теорію права обставляетъ, повидимому, такъ, что вообще не приходится питать надеждъ, что отъ этой теоріи что-либо останется въ цѣлости послѣ его критики.

Хотя авторъ начинаетъ свою критику съ разбора содержанія психологической теоріи и возраженій по существу, но въ виду того, что эти его возраженія покоятся на заблужденіи, породившемъ вторую его критическую позицію, мы коснемся сначала этой послѣдней.

„Существуютъ двѣ научныхъ дисциплины“ — говоритъ авторъ—„психологія права и общая теорія права, которыя ставятъ себѣ совершенно различныя задачи и которыя ни въ какомъ случаѣ смѣшиваемы быть не могутъ.

Первая изучаетъ субъективныя «правовыя» переживанія, вторая изслѣдуетъ правоотношеніе людей, какъ объективный положительный матеріалъ; первая занимается вопросомъ о психическомъ генезисѣ права, вторая изучаетъ составъ юридическихъ отношеній, т. е. такихъ отношеній людей, которыя совершаются на почвѣ и въ предѣлахъ даннаго правового регулированія“ (стр. 27).

Изъ другихъ мѣстъ курса г. Рождественскаго мы узнаемъ, что „общую теорію права“, по его мнѣнію, „можно опредѣлить, какъ науку, изучающую общіе юридическіе принципы и понятія“ (стр. 5), что задача общей теоріи права — добывать общіе выводы, имѣющіе типическое значеніе для всѣхъ изучаемыхъ юриспруденціей правоотношеній (стр. 150), сравнивая между собой отдѣльныя системы юридическихъ нормъ (напр., право Франціи, Германіи, Россіи и другихъ европейскихъ государствъ) и дѣлая отсюда тѣ или другіе выводы (стр. 149), другими словами, это есть обобщенная догматика права.

И вотъ, по мнѣнію критика, проф. Петражицкій смѣшиваетъ эту обобщенную догматику, или общую теорію права, съ психологіей права. Кто знакомъ съ психологической теоріей права проф. Петражицкаго и съ его классификаціей наукъ, въ частности съ классификаціей юридическихъ наукъ, тотъ будетъ болѣе чѣмъ пораженъ этимъ положеніемъ о смѣшеніи авторомъ психологической теоріи психологіи права съ догматикой права. Два тома его „Теоріи“ посвящены исключительно изученію общихъ, родовыхъ свойствъ права, излагаютъ то, что свойственно и харак-

терно всякому праву, праву вообще, касаются вопросовъ сущаго. Никакихъ юридическихъ принциповъ, общихъ для всѣхъ системъ юридическихъ нормъ тамъ не излагается. Общимъ для науки, называемой проф. Петражицкимъ „общей теоріей права", и для того, что̀ его критикъ называетъ этимъ именемъ, является только названіе, и можно поэтому говорить не о смѣшеніи различныхъ областей знанія и различныхъ методовъ изслѣдованія, а только о неправильномъ названіи той науки, которую излагаетъ проф. Петражицкій подъ именемъ общей теоріи права, о томъ, что этимъ именемъ слѣдуетъ назвать другую науку и т. п. Но и такой упрекъ былъ бы неправиленъ: та наука, которую излагаетъ проф. Петражицкій, изучаетъ подобно зоологіи, ботаникѣ, біологіи, соціологіи, физикѣ, химіи и т. д. сущее и потому, какъ и онѣ, называется теоріей, теоретической наукой. Съ другой стороны, она изучаетъ свойственное не какому-либо спеціальному виду права (уголовному, гражданскому, международному и т. д.), а то, что свойственно всякому праву, родовыя, о б щ і я свойства права, и потому называется о б щ е й теоріей права. За неправильное отнесеніе этого названія слѣдуетъ обвинять не проф. Петражицкаго, а именно его критика, такъ какъ послѣдній относитъ названіе „общая теорія права" къ наукѣ, которая является догматикой права, наукой практической, а не теоретической. Но этого мало, его слѣдуетъ обвинять не только въ неправильномъ названіи теоріей того, что таковою не является, а какъ разъ въ томъ, что онъ самъ ставитъ въ вину проф. Петражицкому, именно, въ смѣшеніи различныхъ областей знанія и методовъ изслѣдованія и даже больше—въ непониманіи задачъ и смысла содержанія ни той науки, которую онъ излагаетъ подъ именемъ общей теоріи права, ни задачъ и смысла догматической юриспруденціи. Его книга—„Основы общей теоріи права"—наполнена по преимуществу теоретическимъ матеріаломъ, въ ней излагаются, напр., ученія о природѣ права, ученіе объ объективномъ и субъективномъ правѣ и т. п., и въ то же время существо и смыслъ науки, посвященной этимъ вопросамъ, опредѣляется такъ, что она ока-

зывается обобщенной догматикой права, изучаетъ положительный юридическій матеріалъ, выводитъ общіе юридическіе принципы изъ различныхъ системъ нормъ права и т. п. Здѣсь, дѣйствительно, смѣшеніе различныхъ областей знанія — практической и теоретической юриспруденціи. Какъ видно отсюда и изъ другихъ мѣстъ его книги, авторъ не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что тѣ науки, которыя подвергаютъ научной обработкѣ положительный юридическій матеріалъ, изучаютъ системы нормъ права (напр., уголовное право, гражданское, торговое, церковное и т. д.) одного какого-либо государства или нѣсколькихъ, являются не теоретическими науками, не теоріями, а практическими (именно принципіально практическими) науками, изучаютъ не сущее, а должное, содержаніе правовыхъ предписаній обязательнаго поведенія. Дѣло сводится къ критикѣ, толкованію и научной обработкѣ нормъ права съ цѣлью указанія того, какое поведеніе правомъ данной области предписывается. Такое изученіе и констатированіе, конечно, говоритъ не о томъ, что̀ есть, какъ люди себя ведутъ на самомъ дѣлѣ (люди зачастую не исполняютъ предписаній права), а какъ они должны поступать, что̀ является для нихъ обязательнымъ и что̀ они могутъ требовать другъ отъ друга. Въ этомъ и состоитъ смыслъ догматическаго изученія права. Между прочимъ, въ сферѣ этого изученія по самому существу дѣла невозможно найти что-либо общее всѣмъ нормамъ права, невозможно выдѣлить общаго содержанія правовыхъ предписаній, возможны обобщенія только въ отдѣльныхъ областяхъ правового регулированія и то не въ томъ смыслѣ, что эти положенія являются общимъ содержаніемъ всѣхъ нормъ данной области: общіе юридическіе принципы имѣютъ значеніе при примѣненіи всѣхъ отдѣльныхъ нормъ какой-либо сферы регулированія, но въ этихъ нормахъ не заключаются. Поэтому какой-либо общей догматики права быть не можетъ.

Отчасти на указанномъ смѣшеніи догматики съ теоріей права, отчасти на незнакомствѣ со смысломъ ученія проф.

Петражицкаго и покоятся возраженія критика противъ психологической теоріи права.

Изложивъ кратко основные моменты ученія проф. Петражицкаго о существѣ права и нравственности, г. Рождественскій намѣчаетъ планъ своего критическаго разбора психологической теоріи слѣдующимъ образомъ: „Такъ какъ наши права суть закрѣпленные за нами долги другихъ лицъ, то вопросъ о правовыхъ переживаніяхъ можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: или съ точки зрѣнія пассива, т. е. съ точки зрѣнія переживающаго свою обязанность, или съ точки зрѣнія актива, т. е. съ точки зрѣнія переживающаго свое притязаніе“ (стр. 20).

Разсматривая вопросъ съ первой изъ названныхъ точекъ зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія пассива, онъ прежде всего отмѣчаетъ, что „переживаніе своей обязанности возможно или въ видѣ переживанія опредѣленной, конкретной обязанности по отношенію къ опредѣленному, конкретному лицу, или въ видѣ сознанія своего долга вообще“ (стр. 21). Затѣмъ согласно съ указаннымъ различіемъ онъ разматриваетъ сперва условія, въ которыхъ можетъ находиться переживающій свои конкретныя обязанности. Такихъ условій или положеній оказывается четыре: „1) противная сторона можетъ знать, что данное лицо сознаетъ по отношенію къ ней свой долгъ; 2) она можетъ этого не знать; 3) данное лицо можетъ по ошибкѣ считать себя должнымъ, и это извѣстно противной сторонѣ; 4) сознаніе ошибочнаго долга не извѣстно противной сторонѣ“. „Во всѣхъ этихъ случаяхъ“—продолжаетъ критикъ—„психическія переживанія сторонъ будутъ, очевидно, имѣть совершенно различный характеръ. Въ первомъ случаѣ сознаніе своей обязанности будетъ сопровождаться извѣстнымъ стремленіемъ избавиться отъ своего долга, т. е. на ряду съ пассивнымъ состояніемъ связанности переживающій свой долгъ будетъ испытывать и активное стремленіе освободиться отъ него; но во второмъ случаѣ этого можетъ и не быть: здѣсь все будетъ зависѣть отъ большей или меньшей тонкости психики сознающаго свою обязанность. При чемъ, совершенно

ясно, что въ этомъ, второмъ, случаѣ ни о какихъ притязательныхъ переживаніяхъ противной стороны не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ она и не подозрѣваетъ о существованіи къ ней какого-либо долга. То же самое слѣдуетъ сказать и по поводу двухъ послѣднихъ случаевъ: и здѣсь возможны только пассивныя переживанія, т. е. переживаніе обязанности на одной лишь сторонѣ.

Весь этотъ разборъ различныхъ условій, въ которыхъ можетъ находиться переживающій свои конкретныя обязанности, представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что онъ обнаруживаетъ полное несоотвѣтствіе между настоящимъ правовымъ положеніемъ вещей и тѣмъ «правовымъ» положеніемъ, которое имѣетъ въ виду проф. Петражицкій.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаяхъ юридическое положеніе кредитора остается однимъ и тѣмъ же, безотносительно къ тому, знаетъ ли онъ, что кто-то ему долженъ, или не знаетъ: юридически это совершенно безразлично, разъ долгъ дѣйствительно существуетъ. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія проф. Петражицкаго, во второмъ случаѣ на сторонѣ кредитора ни о какомъ правѣ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ онъ, не зная о долгѣ по отношенію къ нему, конечно, не можетъ испытывать никакихъ притязательныхъ переживаній. Какъ же примирить психологическую точку зрѣнія проф. Петражицкаго съ обычной, юридической? Или, быть можетъ, и въ данномъ случаѣ неправильно господствующее ученіе и лишь ошибочно утверждаетъ, будто у кредитора имѣется какое-то право? Равнымъ образомъ, въ третьемъ и четвертомъ случаяхъ, съ точки зрѣнія проф. Петражицкаго, на сторонѣ обязаннаго, несомнѣнно, существуетъ или, по крайней мѣрѣ, могутъ существовать «правовыя» переживанія, но съ точки зрѣнія юридической у кредитора опять таки не можетъ быть при этомъ никакого права“ (стр. 21, 22).

Какъ упомянуто выше, эти разсужденія критика покоятся отчасти на незнакомствѣ съ содержаніемъ психологической теоріи права, отчасти на смѣшеніи догматики права съ

теоріей права. Вопреки его утвержденіямъ и согласно съ подлиннымъ ученіемъ проф. Петражицкаго, и во второмъ случаѣ, т. е. когда противная сторона не знаетъ, что данное лицо сознаетъ по отношенію къ ней свой долгъ, на сторонѣ кредитора будетъ право въ смыслѣ особой проекціи, на него относимой, т. к. для наличности правового явленія и соотвѣтственныхъ проекцій (правъ, обязанностей и проч.) вовсе не требуется, чтобы самъ управомоченный испытывалъ притязательныя переживанія; достаточно, если его кто-либо надѣляетъ притязаніемъ (правомъ). Вообще для наличности правового явленія (эмоціонально-интеллектуальныхъ сочетаній императивно-аттрибутивнаго типа и соотвѣтственныхъ проекцій: правъ, обязанностей, правоотношеній, нормъ) вовсе не требуется двухъ лицъ, изъ которыхъ одно сознавало бы за собою какую-либо обязанность, другое—право; достаточно одного лица (А), которое бы сознавало или свою обязанность съ надѣленіемъ кого-либо другого притязаніемъ, правомъ, или свое право и обязанность другого; или сознавало бы право и обязанность какихъ-либо третьихъ лицъ (право лица В и обязанность С по адресу В); не важно также, существуютъ ли въ дѣйствительности всѣ эти лица, кромѣ переживающаго подобные психическіе акты, и если существуютъ, то дѣйствительно ли имѣется резонный поводъ къ надѣленію этихъ лицъ правами, обязанностями и т. п. Отсюда же слѣдуетъ, что не важно и то, знаетъ ли противная сторона, что по ея адресу кто-то считаетъ себя или другого обязаннымъ и т. д. Все это совершенно ясно изложено въ „Теоріи“ и само собою слѣдуетъ изъ психологической точки зрѣнія на правовую реальность. Разъ есть сознаніе обязанности (своей или чужой—все равно), представляемой закрѣпленною за кѣмъ-либо, какъ его активъ, добро, притязаніе, право,—есть и правовое явленіе, право въ реально-психологическомъ смыслѣ. Интересно, что, не усматривая, съ точки зрѣнія психологической теоріи, наличности права на сторонѣ кредитора, незнающаго, что кто-то сознаетъ по отношенію къ нему (кредитору) свой долгъ, на томъ основаніи, что такой кредиторъ не можетъ

испытывать притязательныхъ переживаній, критикъ усматриваетъ это право въ томъ случаѣ, когда не только кредитору неизвѣсто подлежащее сознаніе должника, но и послѣднее ошибочно, какъ будто бы въ этомъ случаѣ кредиторъ можетъ испытывать притязательныя переживанія.

Итакъ, во всѣхъ приведенныхъ критикомъ случаяхъ сознанія кѣмъ-либо своей обязанности (закрѣпленной за противной стороной, какъ ея право), съ точки зрѣнія проф. Петражицкаго, будетъ налицо правовое явленіе съ полнымъ признаніемъ права у противной стороны.

Что касается примиренія психологической точки зрѣнія на право съ юридической, то на основаніи предыдущаго слѣдуетъ сказать, что такъ какъ во второмъ случаѣ, т. е. когда противная сторона не подозрѣваетъ о существованіи къ ней какого-либо долга, на сторонѣ кредитора, съ точки зрѣнія психологической теоріи, будетъ право, то въ данномъ случаѣ для убѣжденія критика примирять психологическую точку зрѣнія на право съ обычной, юридической, не приходится. Остаются два послѣдніе случая переживанія своего долга, такіе случаи, когда данное лицо по ошибкѣ считаетъ себя должнымъ, такъ что съ точки зрѣнія юридической у кредитора не можетъ быть никакого права (мнимый кредиторъ), а съ точки зрѣнія Петражицкаго—правовое явленіе налицо. Здѣсь, дѣйствительно, расхожденіе, но и здѣсь не слѣдуетъ примирять психологическую точку зрѣнія съ юридической, а слѣдуетъ сказать, что всякое вообще расхожденіе (а къ числу подобныхъ случаевъ расхожденія относятся и такіе, которыхъ критикъ не предусматриваетъ) психологической точки зрѣнія съ той юридической, которую имѣетъ въ виду критикъ, не вредитъ ни той ни другой: обѣ остаются правильными каждая на своемъ мѣстѣ и именно потому, что ничего общаго другъ съ другомъ онѣ не имѣютъ: одна изъ нихъ, психологическая (т. зр. проф. Петражицкаго), есть теоретическая точка зрѣнія, имѣетъ въ виду то, что̀ есть, бываетъ, сущее (формы, въ какія выливается правое сознаніе въ дѣйствительной жизни), другая же, юридическая, съ которой критикъ ста-

рается обнаружить несостоятельность психологической теоріи права, есть практическая, догматическая точка зрѣнія, точка зрѣнія должнаго, предписываемаго положительнымъ правомъ, она имѣетъ въ виду тѣ формы, въ которыя должно выливаться правовое сознаніе. Если между этими точками зрѣнія обнаруживается несоотвѣтствіе, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго для тѣхъ, кто ихъ различаетъ, а не смѣшиваетъ, какъ г. Рождественскій: офиціальное позитивное право (критикъ имѣетъ, конечно, въ виду это право) можетъ предписывать какъ обязательное одно поведеніе, а люди могутъ представлять себѣ обязательнымъ другое поведеніе [1]).

---

[1]) Аналогичное по существу смѣшеніе теоретической и практической точекъ зрѣнія заключается и въ критическихъ замѣчаніяхъ кн. Е. Трубецкого по поводу психологической теоріи права, изложенныхъ имъ еще въ 1901 г. на страницахъ журнала „Вопросы философіи и психологіи“ въ статьѣ „Философія права профессора Л. І. Петражицкаго“. По его мнѣнію, „если мы станемъ на точку зрѣнія г. Петражицкаго, то намъ придется признать неразрѣшимыми всѣ тѣ правовые споры, гдѣ обѣ стороны одинаково убѣждены въ правотѣ своего дѣла: обѣ спорящія стороны одинаково переживаютъ правовыя нормы, закрѣпляющія за ними ту или другую спорную вещь или обязательство; по теоріи г. Петражицкаго въ этомъ убѣжденіи и заключается право“ (стр. 21), но „факты индивидуальной психологіи не въ состояніи обосновать права. Изъ того, что я въ тѣхъ или другихъ случаяхъ жизни чувствую или не чувствую себя связаннымъ закрѣпленными за ближними обязанностями, вовсе не вытекаетъ наличность или отсутствіе дѣйствительныхъ моихъ обязанностей или дѣйствительныхъ правъ ближняго“ (стр. 32).

Указанныя утвержденія критика о невозможности для психологической теоріи проф. Петражицкаго разрѣшить подлежащій правовой споръ, обосновать чье-либо право и т. п. въ извѣстномъ смыслѣ совершенно правильны: эта теорія можетъ въ данномъ случаѣ только констатировать наличность правовыхъ явленій—соотвѣтственныхъ переживаній—и изучить ихъ со своей точки зрѣнія; но это потому, что она является именно теоріей, а не догматикой права и не дисциплиной, отыскивающей „истинное“ въ правѣ, въ ея задачу вовсе не входитъ разрѣшать правовые споры, давать руководящія правила, отыскивать „дѣйствительныя“ съ какой-либо точки зрѣнія права и обязанности, ни съ точки зрѣнія данной позитивно-правовой системы, ни съ точки зрѣнія данныхъ интуитивно-правовыхъ убѣжденій, ни съ точки зрѣнія какого-либо иного критерія, напр., „объективнаго закона разума“, который, по мнѣнію критика, является объективнымъ критеріемъ истиннаго въ правѣ,—такъ какъ все это вопросы не теоретическаго характера. Теорія изучаетъ сущее,

Покончивъ съ условіями переживанія „своей конкретной обязанности", авторъ ставитъ вопросъ о томъ, „какое значеніе можетъ имѣть второй видъ переживанія обязанности, переживаніе своего долга вообще" (стр. 22).

„И въ этомъ послѣднемъ случаѣ"—говоритъ онъ—„переживаніе обязанности не есть просто переживаніе *своей* обязанности, а переживаніе *своей* обязанности *по отношенію къ кому-либо*. Вѣдь, когда мы говоримъ о нашемъ долгѣ, то, очевидно, имѣемъ въ виду не *изолированнаго* человѣка, а человѣка *соціальнаго*, т. е. живущаго въ общеніи съ себѣ подобными людьми, и потому немыслимаго внѣ связей съ ними" (стр. 22). И далѣе авторъ доказываетъ, что всякой обязанности соотвѣтствуетъ право другого лица, что дѣленіе обязанностей на свободныя и несвободныя недопустимо, „а слѣдовательно, недопустимо и дѣленіе нормъ на просто императивныя и императивно-аттрибутивныя" (стр. 23), другими словами, вторая половина критики психологической теоріи права съ точки зрѣнія „пассива", вылилась у него въ критику ученія о разграниченіи права и нравственности. Это тоже симптомъ того, что авторъ недостаточно знакомъ съ ученіемъ проф. Петражицкаго: на основаніи его критики можно подумать, что, по ученію Петражицкаго, переживаніе своего долга вообще (а не по адресу опредѣленнаго,

---

какъ оно есть, и вовсе не имѣетъ своей задачей научить людей правиламъ истинно должнаго съ той или иной точки зрѣнія, или отыскать истинныя нормы должнаго; она подходитъ къ существовавшимъ и существующимъ нормамъ должнаго и соотвѣтственнымъ убѣжденіямъ, какъ къ психологическому факту, изслѣдуетъ его специфическую природу, составъ, виды, происхожденіе, законы развитія, значеніе въ соціальной жизни, вообще изучаетъ его какъ факторъ и продуктъ соціально-психической жизни. Другое дѣло догматика права или, напр., исканіе правовыхъ идеаловъ и обоснованіе ихъ. Эти принципіально различныя области (сущее и должное) кн. Е. Трубецкой желаетъ совмѣстить воедино и съ этой точки зрѣнія критикуетъ теорію Петражицкаго. Но совмѣстить несовмѣстимое невозможно. Отсутствіе яснаго и точнаго различенія всего этого вредно какъ для теоріи права, такъ и для догматики права и для отысканія объективнаго критерія истиннаго въ правѣ, такъ какъ каждая дисциплина для успѣха въ своей области должна ясно сознавать свою природу и задачи и отличать ихъ отъ природы и задачъ другихъ дисциплинъ.

конкретнаго лица) *всегда* есть только переживаніе своей обязанности, а онъ, критикъ, доказываетъ, что переживаніе своего долга вообще есть въ то же время всегда переживаніе права другого. Въ дѣйствительности же, по ученію проф. Петражицкаго, какъ обязанность по адресу опредѣленнаго лица, такъ и обязанность вообще можетъ быть обязанностью просто и обязанностью закрѣпленною, предоставленною другому (опредѣленному лицу и вообще кому-то), какъ его право, другими словами, то и другое сознаніе своей обязанности можетъ быть и нравственнымъ и правовымъ, и императивнымъ и императивно-аттрибутивнымъ (см. „Теорія“, стр. 81).

Что же касается разсужденій автора о недопустимости дѣленія нормъ на просто императивныя и императивно-аттрибутивныя, то они ровно ничего не доказываютъ и не могутъ служить опроверженіемъ подлежащаго ученія проф. Петражицкаго. Такъ, положеніе, что человѣкъ живетъ въ общеніи съ себѣ подобными, въ связи съ ними, вовсе не доказываетъ того, что всякое сознаніе своего долга будетъ императивно-аттрибутивнымъ: жизнь въ общеніи съ другими никому не мѣшаетъ сознавать себя обязаннымъ по адресу этихъ другихъ безъ надѣленія ихъ соотвѣтственнымъ правомъ, притязаніемъ. Въ пользу своего, противоположнаго этому, мнѣнія г. Рождественскій говоритъ, что поскольку рѣчь идетъ о соціальномъ человѣкѣ, то „разумѣется“ всякой обязанности соотвѣтствуетъ право. Никакихъ болѣе объективныхъ данныхъ, чѣмъ собственное твердое убѣжденіе, онъ въ пользу своего взгляда не приводитъ. Въ психологической же теоріи мы имѣемъ обоснованіе объективнаго значенія указываемаго ею дѣленія этическихъ переживаній на чисто императивныя и императивно-аттрибутивныя. Съ этою цѣлью тамъ выяснены цѣлые ряды дальнѣйшихъ характерныхъ свойствъ и тенденцій, объясняющихся специфическою особенностью каждаго изъ этихъ видовъ этики и съ нею причинно связанныхъ, другими словами, тамъ мы имѣемъ цѣлый рядъ адэкватныхъ праву и нравственности теорій. Такъ, напр., установлено

различіе мотиваціоннаго и воспитательнаго дѣйствія императивной и аттрибутивной психики, различное отношеніе ихъ къ исполненію и неисполненію обязанностей, различное отношеніе къ намѣреніямъ обязанныхъ при исполненіи обязанностей и къ мотивамъ исполненія, различное отношеніе къ исполненію черезъ представителя и т. д. и т. д., вообще различная ихъ роль, какъ факторовъ соціально-психической жизни. Однако, всѣ эти объективныя доказательства существованія не только императивно-аттрибутивной, но и чисто императивной психики, подобно другимъ критикамъ, г. Рождественскій обходитъ, для него они какъ бы не существуютъ, но безъ детальнаго разбора этихъ доказательствъ критика подлежащаго вопроса на научное значеніе претендовать не можетъ: въ лучшемъ случаѣ такая критика годна для собственнаго, домашняго обихода, а не для помѣщенія ея въ печатномъ видѣ въ учебникахъ или т. п.

Интересно отмѣтить еще одинъ аргументъ г. Рождественскаго противъ существованія чисто императивныхъ переживаній, высказываемый имъ по поводу приводимыхъ проф. Петражицкимъ примѣровъ нравственныхъ обязанностей и нормъ, соотвѣтствующихъ евангельскимъ изреченіямъ о непротивленіи злу. По поводу евангельскихъ заповѣдей: „кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую; и кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду“ и т. д., проф. Петражицкій говоритъ: „Въ психикѣ проповѣдывавшихъ и переживавшихъ или переживающихъ такія этическія сужденія подлежащія нормы, конечно, не имѣютъ такого смысла, чтобы онѣ установляли соотвѣтственныя притязанія для обидчиковъ, чтобы онѣ надѣляли ихъ правомъ требовать подставленія для удара другой щеки, чтобы отнявшему рубашку, такъ сказать, въ награду за это, причиталось еще, слѣдовало получить и верхнее платье обиженнаго, и т. п.“ („Теорія“, стр. 57).

Въ отвѣтъ на это у критика читаемъ: „И напрасно проф. Петражицкій ссылается при этомъ, говоря о христіанской этикѣ, на психологію проповѣдовавшихъ заповѣдь непро-

тивленія злу. Дѣло вовсе не въ психикѣ проповѣдниковъ, а въ психикѣ тѣхъ, кто переживаетъ свой долгъ непротивленія злу. А это переживаніе, поскольку рѣчь идетъ о соціальномъ человѣкѣ, повторяемъ еще разъ, можетъ, повидимому, имѣть лишь тотъ характеръ, который установленъ выше" (стр. 22, 23).

Но вѣдь проповѣдники являются какъ разъ наиболѣе способными къ переживанію указанныхъ этическихъ сужденій и убѣжденій, въ частности и въ формѣ сознанія своего долга. Въ то же время они несомнѣнно „соціальные люди". Кромѣ того, тѣ, которымъ они проповѣдуютъ, заражаются отъ нихъ соотвѣтственными убѣжденіями, такъ что и въ ихъ психикѣ чисто императивныя переживанія могутъ найти себѣ мѣсто, если они существуютъ въ психикѣ проповѣдниковъ.

Затѣмъ г. Рождественскій переходитъ къ критикѣ психологической теоріи права съ точки зрѣнія „актива", т. е. разсматриваетъ „психологію лица, активно переживающаго чей-либо долгъ по отношенію къ нему, какъ свое право".

„Здѣсь прежде всего необходимо отмѣтить"—говоритъ онъ—„что проф. Петражицкій совершенно напрасно упрекаетъ господствующую юриспруденцію за отрицаніе возможности правъ животныхъ. Животныя, конечно, не могутъ переживать чьихъ-либо обязанностей къ нимъ, какъ своихъ правъ; а потому, и съ точки зрѣнія самого проф. Петражицкаго, не могутъ считаться способными обладать правами. Въ чемъ же ошибка господствующей юриспруденціи? Но и не только животныя, а также дѣти до опредѣленнаго возраста и сумасшедшіе не могутъ испытывать активныхъ правовыхъ переживаній и должны быть, поэтому, исключены изъ правового общенія. Тутъ теорія проф. Петражицкаго опять идетъ въ разрѣзъ съ требованіями жизни и оказывается не только не шире обычной теоріи, а наоборотъ—уже ея, такъ какъ она рѣшительно непригодна для объясненія правоспособности названныхъ сейчасъ разрядовъ лицъ" (стр. 23).

Въ основѣ этихъ разсужденій также лежитъ непонима-

ніе смысла психологической теоріи права. Животныя, дѣти до извѣстнаго возраста, отчасти и сумасшедшіе, дѣйствительно, не могутъ переживать чьихъ-либо обязанностей къ нимъ, какъ своихъ правъ; но это не значитъ, что они не могутъ считаться способными обладать правами, обладать правоспособностью въ томъ смыслѣ, въ какомъ дѣти и сумасшедшіе обладаютъ ею съ т. зр. традиціонной юриспруденціи. Чтобы быть субъектомъ права (обладать правоспособностью), съ т. зр. психологической теоріи вовсе не надо быть способнымъ къ переживанію правовыхъ актовъ сознанія, въ частности приписывать себѣ права. Субъектомъ права будетъ и тотъ, кого другіе надѣляютъ правомъ, такъ что дѣти, сумасшедшіе, животныя, и даже умершіе, и вообще не существующія и никогда не существовавшія существа, но представляемыя таковыми, могутъ, по ученію проф. Петражицкаго, такъ же легко быть субъектами права, какъ и взрослые нормальные люди, способные къ правовымъ переживаніямъ. Въ своей критикѣ г. Рождественскій смѣшиваетъ два понятія правоспособности, о которыхъ говорится въ психол. теоріи, именно: правоспособность въ техническомъ смыслѣ, т. е. способность быть субъектомъ правоотношенія, въ частности имѣть права (для чего не надо быть способнымъ къ переживанію правовыхъ актовъ сознанія), и психологическую правоспособность, или способность переживать правовые акты сознанія. Это смѣшеніе тѣмъ болѣе непростительно, что противъ него имѣется спеціальное предупрежденіе со стороны автора психологической теоріи (см. „Теорія“, стр. 388, примѣчаніе).

Затѣмъ г. Рождественскій такъ же голословно, какъ и раньше, и безъ обращенія вниманія на аргументы проф. Петражицкаго высказываетъ свое мнѣніе, что и съ точки зрѣнія активно переживающаго правовыя эмоціи не можетъ быть сдѣлано никакой разницы между чисто императивной и императивно-аттрибутивной этикой.

Всѣ вышеразобранныя разсужденія г. Рождественскій велъ, какъ онъ говоритъ, „исходя изъ того взгляда проф. Петражицкаго, что наши права суть закрѣпленные за нами

долги другихъ лицъ". Теперь онъ считаетъ „нужнымъ обратить вниманіе на то, что это положеніе проф. Петражицкаго односторонне и совершенно произвольно... мы съ такимъ же основаніемъ могли бы исходить изъ правовыхъ переживаній, съ какимъ проф. Петражицкій исходитъ изъ переживанія обязанностей, утверждая при этомъ совершенно противное тому, что утверждаетъ проф. Петражицкій, т. е. разсматривая наши обязанности какъ рефлексъ нашего сознанія правъ другихъ лицъ, а не наоборотъ" (стр. 24).

Отвѣтомъ на эти замѣчанія критика могутъ служить собственныя слова проф. Петражицкаго: „Дѣйствительное отношеніе между императивностью и аттрибутивностью правовыхъ явленій состоитъ въ томъ, что императивность ихъ не имѣетъ самостоятельнаго характера, а является только рефлексомъ аттрибутивной природы подлежащихъ импульсій" (стр. 70 „Теоріи"). „Иной, не рефлекторный по отношенію къ аттрибутиву, а самостоятельный характеръ имѣетъ императивность нравственныхъ импульсій" (стр. 71).

Какъ видимъ, истинная позиція проф. Петражицкаго критику неизвѣстна. Она совпадаетъ съ тѣмъ, что̀ критикъ имѣетъ въ виду въ качествѣ другой возможной точки зрѣнія. Вопреки его утвержденіямъ, точка зрѣнія проф. Петражицкаго и не произвольна. На той же 71 стр. и затѣмъ болѣе подробно ниже проф. Петражицкій указываетъ, что рефлекторный характеръ императивности правовыхъ импульсій находитъ себѣ подтвержденіе въ особенностяхъ интеллектуальнаго состава правовыхъ переживаній (болѣе сложный составъ объектныхъ представленій, рѣшающая роль аттрибутивной функціи при исполненіи требованій права и т. д.).

II.

Изложивъ вышеразсмотрѣнную нами критику психологической теоріи, г. Рождественскій принимается за критику эмоціональной психологіи, пытаясь уничтожить психологическую теорію, такъ сказать, въ корнѣ. По его мнѣнію, „правовая теорія проф. Петражицкаго не можетъ найти

опоры и въ его теоріи эмоцій, такъ какъ, въ дѣйствительности, никакихъ эмоцій не существуетъ“ (стр. 27).

Для доказательства несуществованія эмоцій критикъ разсматриваетъ „для примѣра эмоцію голода-аппетита“, упоминая, что по поводу другихъ эмоцій можно сказать mutatis mutandis то же самое, что онъ сказалъ по поводу голода-аппетита.

Относительно ученія объ этой послѣдней эмоціи онъ утверждаетъ, что „въ такого рода теоріи, въ сущности, нѣтъ никакой нужды, и всѣ явленія голода можно объяснить очень просто, опираясь на господствующую психологію и не прибѣгая ни къ какимъ рискованнымъ гипотезамъ“ (стр. 25, 26).

Въ чемъ онъ видитъ рискованность,—для читателя остается загадкой.

Уже изъ того, какъ понимаетъ критикъ существо эмоціи голода-аппетита, видно, что онъ и здѣсь не въ курсѣ дѣла. Передавая своими словами свѣдѣнія о психологическомъ содержаніи этого переживанія, онъ говоритъ: „Здѣсь налицо и лишеніе и побужденіе, и состояніе недостатка и состояніе влеченія, словомъ, *въ одно и то же время и голодъ и аппетитъ* [1]), почему проф. Петражицкій и называетъ эту эмоцію сложнымъ терминомъ «голода-аппетита»“ (стр. 25).

Въ дѣйствительности же въ эмоціональной психологіи „голодъ“ означаетъ не пассивную сторону подлежащей эмоціи, и „апетитъ“—не активную ея сторону, а то и другое (и голодъ и аппетитъ) въ отдѣльности есть и лишеніе [2]) и побужденіе, и претерпѣваніе и позывъ. Но голодъ болѣе

---

[1]) Курсивъ мой.

[2]) Употребляемъ въ данномъ случаѣ слово „лишеніе“ условно, придерживаясь способа выраженія, допущеннаго критикомъ; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что это слово не пригодно для характеристики существа эмоціи голода-аппетита или, точнѣе, ея пассивной стороны, такъ какъ въ психологическомъ смыслѣ „лишеніе“ есть какой-то x, а потому процитированная мною въ текстѣ передача критикомъ опредѣленія природы эмоціи голода-аппетита содержитъ въ себѣ не только ту ошибку, которая отмѣчена мною въ текстѣ, но и указанную здѣсь ссылку на психологическій x.

интенсивное претерпѣвательно-моторное переживаніе этого рода, а аппетитъ то же самое переживаніе болѣе слабой степени, и это на томъ основаніи, что и на языкѣ большой публики голодомъ часто называются болѣе сильныя переживанія желанія поѣсть, а аппетитомъ—менѣе сильныя. Но виду того, что проф. Петражицкій въ области теоретическаго изслѣдованія строго придерживается выставленнаго имъ методологическаго требованія образовывать классовыя понятія и классы по качественному, а не по количественному признаку, объединять въ одинъ классъ всѣ явленія, обладающія извѣстнымъ свойствомъ, независимо отъ степени этого свойства, въ виду этого, а вовсе не потому, что эмоція голода-аппетита состоитъ изъ голода и аппетита, онъ соединяетъ въ одинъ классъ переживаній и интенсивныя эмоціи голода, и неинтенсивныя эмоціи аппетита и называетъ подлежащую эмоцію сложнымъ терминомъ „голода-аппетита“ (см. „Введеніе“, стр. 180).

Затѣмъ г. Рождественскій стремится показать, что „голодъ-аппетитъ вовсе не есть какое-то особое переживаніе, особая «эмоція», а цѣлый рядъ переживаній, цѣлая цѣпь психическихъ процессовъ, связанныхъ между собою причинною связью“ (стр. 26), и непосредственно за этимъ добавляетъ: „Поэтому нельзя говорить о голодѣ-аппетитѣ, какъ объ особой эмоціи, а можно говорить лишь о психическомъ переживаніи голода, сопровождаемомъ другими переживаніями“ (стр. 26).

Въ обоснованіе этихъ положеній критикъ приводитъ слѣдующія разсужденія: „какова бы ни была физіологическая природа голода, она всегда представляетъ изъ себя такое состояніе, которое вызываетъ опредѣленное психическое переживаніе, переживаніе лишенія или недостатка, сопровождаемое затѣмъ стремленіемъ къ удовлетворенію или насыщенію. Въ свою очередь, это стремленіе къ насыщенію, на почвѣ предшествующаго опыта удовлетворенія голода, благодаря ассоціаціи представленій, вызываетъ цѣлый рядъ пріятныхъ (вкусовыхъ, обонятельныхъ и проч.) переживаній, которыя усиливаютъ влеченіе къ на-

сыщенію, или, какъ обыкновенно говорятъ, вызываютъ аппетитъ, болѣе или менѣе сильный, въ зависимости отъ того, насколько представляемые предметы воспринимаются, какъ пригодные для цѣли насыщенія. Таковъ психологическій процессъ голода-аппетита, насколько его можно описать, руководясь обычной психологіей“ (стр. 26). Это описаніе и показываетъ автору, что никакихъ эмоцій не существуетъ.

Эти разсужденія покоятся отчасти тоже на недостаточномъ знакомствѣ съ эмоціональной психологіей, отчасти вообще на неправильномъ представленіи сущности вопроса о природѣ переживаній голода-аппетита. Объ этихъ дефектахъ можно заключить изъ того, что критикъ обходитъ вопросъ, къ какой категоріи психическихъ элементовъ относится „лишеніе, переживаніе недостатка“ и „стремленіе къ удовлетворенію или насыщенію“. Это претерпѣваніе и стремленіе, по ученію Петражицкаго, является переживаніемъ sui generis, не находящимъ себѣ мѣста ни въ одной изъ извѣстныхъ психологіи рубрикъ—познаніе, чувство, воля. Безъ обсужденія этого вопроса, т. е. безъ разсужденій на тему о специфическомъ характерѣ указаннаго стремленія, относимаго Петражицкимъ къ эмоціональнымъ въ отличіе отъ волевыхъ, не можетъ быть, какъ уже не разъ приходилось говорить, не только опроверженія теоріи эмоцій, но даже и правильной постановки критики этого ученія. Кромѣ того, для опроверженія этого ученія необходимо показать, что „переживаніе лишенія или недостатка“ дѣйствительно предшествуетъ „стремленію къ удовлетворенію или насыщенію“ и вызываетъ его, а не является переживаніемъ одновременнымъ и неотдѣлимымъ отъ стремленія (позыва), всегда по интенсивности ему соотвѣтствующимъ, какъ это утверждаетъ и провѣряетъ при описаніи различныхъ эмоцій проф. Петражицкій. Однако, критикъ и здѣсь ограничивается голымъ утвержденіемъ. Его указанія на то, что стремленіе къ насыщенію вызываетъ цѣлый рядъ переживаній, также никоимъ образомъ не опровергаетъ ученія объ эмоціяхъ, ибо и послѣднее утверждаетъ то же самое и

даже подробно и особо отчетливо говоритъ объ этомъ (см. „Введеніе“, § 13). Сюда относится ученіе о психическихъ акціяхъ эмоцій. Эмоціи являются факторами, управляющими не только поведеніемъ, поступками, но и психической жизнью, въ частности вліяютъ на ассоціативное теченіе идей (представленій), вызываютъ волевыя переживанія и т. д. Эмоціи (въ томъ числѣ и эмоція голода-аппетита), по ученію проф. Петражицкаго, даютъ начало цѣпи психическихъ процессовъ въ несоизмѣримо большемъ масштабѣ по сравненію съ „рядомъ пріятныхъ (вкусовыхъ, обонятельныхъ и проч.) переживаній“, о которыхъ говоритъ критикъ. Конечно, то обстоятельство, что позывъ къ ѣдѣ (психологическій голодъ-аппетитъ) сопровождается различными переживаніями, находящимися къ нему въ отношеніи предшествованія, одновременности или слѣдованія за нимъ, не даетъ основаній говорить, что „голодъ-аппетитъ вовсе не есть какое-то особое переживаніе, особая эмоція, а цѣлый рядъ переживаній, цѣлая цѣпь психическихъ процессовъ, связанныхъ между собою причинною связью“; критикъ и не приводитъ никакихъ основаній для выдѣленія подъ именемъ голода-аппетита всей этой цѣпи переживаній; такихъ основаній и не существуетъ, напротивъ, есть основанія для выдѣленія подъ этимъ именемъ одной лишь части изъ этой цѣпи. Основанія эти состоятъ въ слѣдующемъ. Для опредѣленія природы, существа какого-либо явленія необходимо и достаточно указать существенные признаки, всегда наличные и необходимые для наличности даннаго явленія. Поэтому и вопросъ о природѣ психологическаго голода (желанія ѣсть) есть вопросъ о томъ, наличность какихъ психическихъ переживаній необходима для того, чтобы можно было говорить о наличности психологическаго голода. Такимъ переживаніемъ, какъ указываетъ проф. Петражицкій, являются не ощущенія, не чувства и не воля, а специфическое претерпѣвательно-моторное раздраженіе, особая эмоція. Съ другой стороны, для наличности голода-аппетита вовсе не необходимъ цѣлый рядъ психическихъ переживаній, а достаточно именно соотвѣтственной эмоціи. Переживающимъ голодъ-

аппетитъ будетъ не только тотъ, кто, желая ѣсть, представляетъ или воспринимаетъ пригодные для ѣды предметы, въ сопровожденіи „цѣлаго ряда пріятныхъ переживаній“ и т. п., но и тотъ, кто просто хочетъ ѣсть безъ какихъ-либо дополнительныхъ переживаній, представленій, воспріятій и т. д.

Итакъ, г. Рождественскому не удалось ни опровергнуть того, что для голода характерны особыя, неизвѣстныя традиціонной психологіи, пассивно-активныя переживанія— эмоціи, ни доказать того, что психологическій голодъ есть сложное психическое переживаніе („цѣлая цѣпь процессовъ“). Онъ даже самъ разрушаетъ свое положеніе о голодѣ, какъ цѣпи психическихъ процессовъ, непосредственно послѣ этого говоря: „Поэтому, нельзя говорить о голодѣ-аппетитѣ, какъ объ особой эмоціи, а можно говорить лишь о психическомъ переживаніи голода, сопровождаемомъ другими переживаніями“. Умозаключеніе это нелогично, но содержаніе его вывода, за исключеніемъ того, что голодъ не есть эмоція, само по себѣ правильно, и если сюда прибавить, что это психическое переживаніе голода, сопровождаемое другими (слѣдовательно, не одинаковыми съ нимъ и для его природы посторонними) переживаніями, есть особое претерпѣвательно-моторное раздраженіе (эмоція), чего критикъ, какъ мы видѣли выше, не опровергъ, то это и будетъ именно то, о чемъ говоритъ проф. Петражицкій. Въ сущности вся критика г. Рождественскаго сводится къ голословному выраженію несогласія съ положеніемъ объ эмоціональной природѣ голода-аппетита и нисколько не затрогиваетъ аргументаціи проф. Петражицкаго по этому поводу.

Если теперь относительно другихъ эмоцій слѣдуетъ сказать, по признанію самого критика, mutatis mutandis то же самое, что онъ сказалъ по поводу эмоціи голода-аппетита, то для всякаго станетъ ясно, какую побѣду одержалъ г. Рождественскій надъ эмоціональной психологіей: онъ съ нею не согласился, не найдя ни одного аргумента противъ существованія эмоцій и поговоривъ кое о чемъ изъ того, что вполнѣ согласно съ ученіемъ объ эмоціяхъ и въ немъ подробно излагается и обсуждается.

Критика г. В. Я. Гинцберга.

Если критика предыдущихъ авторовъ покоилась на недостаточно внимательномъ знакомствѣ съ психологической теоріей права и ученіями, лежащими въ ея основѣ, то критика слѣдующихъ двухъ авторовъ, г.г. Гинцберга и Поппе, всецѣло покоится на приписываніи автору психологической теоріи того, чего у него нѣтъ; это поразительные образцы критики со сплошнымъ несоотвѣтствіемъ подлинному содержанію критикуемыхъ ученій. Кромѣ того, возраженія перваго изъ этихъ критиковъ содержатъ въ себѣ различныя туманно-словесныя требованія и соображенія въ наихудшемъ неокантіанскомъ стилѣ, которыми онъ достаточно обильно пересыпаетъ и запутываетъ свое и безъ того искажающее смыслъ разбираемыхъ ученій изложеніе. Если бы критика психологической теоріи вообще стояла на болѣе высокомъ уровнѣ, чѣмъ это имѣется въ дѣйствительности, то эти авторы и не доросли бы до ранга критиковъ психологической теоріи права. Къ сожалѣнію, дѣло обстоитъ иначе. Къ тому же критика г. Гинцберга помѣщена въ серіозномъ журналѣ — „Вопросы философіи и психологіи“ (1909 г. кн. 97), что можетъ ввести менѣе самостоятельныхъ читателей въ заблужденіе на счетъ ея дѣйствительной цѣнности.

Исходной точкой своихъ соображеній г. Гинцбергъ объявляетъ согласіе съ той основной мыслью автора психологической теоріи, что право надо искать въ нашей психикѣ. Несмотря на это, онъ подвергаетъ сомнѣнію, „дѣйствительно ли вѣренъ переходъ отъ предпосылки, что право есть явленіе психическое, — къ заключенію, что истинная теорія права должна быть основана на научной психологіи?“ (стр. 6) [1]. Сначала онъ приходитъ къ выводу, что „изученіе права съ точки зрѣнія психологіи, рекомендуемое

[1]) Цитируемъ не по журнальной статьѣ г. Гинцберга, а по его брошюрѣ, вышедшей въ томъ же 1909 г. подъ тѣмъ же заглавіемъ: „Ученіе Л. І. Петражицкаго о правѣ и его предпосылки“.

г. Петражицкимъ, противорѣчитъ тѣмъ методологическимъ принципамъ, требованія которыхъ онъ самъ считаетъ без прекословными“ (стр. 8), затѣмъ мы узнаемъ, что этотъ „выводъ о тезѣ г. Петражицкаго, какъ основанный на недоразумѣніи, отпадаетъ“ (стр. 9). Въ дальнѣйшемъ критикъ отказывается отъ этого своего недоразумѣнія и, возвращаясь къ прежнему своему выводу, стремится доказать „вмѣстѣ съ тѣмъ непріемлемость лозунга психологическаго изученія въ томъ видѣ, какъ его понимаетъ г. Петражицкій“ (стр. 9). А пониманіе это, по мнѣнію критика, „заключается просто въ томъ, что онъ (проф. Петражицкій) выступаетъ въ защиту исключительнаго господства натуралистическаго метода, закрывая себѣ доступъ къ изученію психическихъ явленій нормативнаго характера и, вслѣдствіе этого, косвенно какъ бы отрицая ихъ существованіе“ (стр. 16).

По мнѣнію критика, этого не было бы, если бы проф. Петражицкій не отвергъ постулятнаго метода. Однако, критикъ обходитъ молчаніемъ указаніе проф. Петражицкаго на нелѣпость и нелогичность пользованія „постулятами“ и въ замаскированной туманно-неопредѣленными выраженіями формѣ устанавливаетъ, какъ ему кажется, возможность особаго нормативнаго изученія психическихъ явленій, а по адресу проф. Петражицкаго говоритъ: „Психологія, какъ наука объ общихъ психическихъ элементахъ и процессахъ, нисколько намъ не поможетъ при изученіи тѣхъ своеобразныхъ содержаній нашего сознанія, которыя мы называемъ нравственностью, правомъ, религіей и т. п. Ставить подобную задачу психологіи равносильно было бы желанію получить отъ общей теоріи о матеріи отвѣтъ на вопросъ, почему первичные элементы сочетаются въ физическія и химическія свойства тѣлъ, а не въ какія-либо другія, намъ неизвѣстныя или недоступныя, но тѣмъ не менѣе возможныя“ (стр. 15).

Это утвержденіе является уже приписываніемъ автору критикуемыхъ ученій того, чего у него нѣтъ: проф. Петражицкій вовсе не ставитъ психологіи указанной критикомъ задачи, онъ утверждаетъ только, что „успѣшное изученіе

подлежащихъ особыхъ видовъ психическихъ явленій (подразумѣвается: права и нравственности), имѣющихъ сложную природу, въ частности изученіе ихъ состава и отдѣльныхъ составныхъ элементовъ, ихъ причинныхъ свойствъ и дѣйствій, вліянія на поведеніе въ качествѣ мотивовъ и т. д.— предполагаетъ обладаніе надлежащимъ научнымъ базисомъ въ видѣ системы соотвѣтственныхъ общихъ, родовыхъ знаній, касающихся вообще психическихъ процессовъ, ихъ элементовъ, ихъ причинныхъ зависимостей и свойствъ, въ частности ихъ вліянія на поведеніе и т. д." („Введеніе", стр. 115). Отсюда слѣдуетъ, что вышеуказанныя разсужденія г. Гинцберга покоятся на ложномъ основаніи.

Переходя затѣмъ во II раздѣлѣ къ разбору тѣхъ общихъ методологическихъ предпосылокъ, на которыхъ проф. Петражицкій строитъ свою теорію права и нравственности и которыя лежатъ въ основаніи его пониманія психологическаго метода, г. Гинцбергъ вмѣсто внимательнаго разбора и обсужденія подлежащихъ вопросовъ и дальше сводитъ свою критику къ искаженію критикуемыхъ имъ ученій. Въ самомъ началѣ этого раздѣла г. Гинцбергъ обнаруживаетъ свое крайнее невѣжество: предложенную проф. Петражицкимъ критику традиціоннаго ученія объ образованіи общихъ понятій путемъ обзора однородныхъ предметовъ для констатированія у нихъ общихъ признаковъ онъ принимаетъ за критику теоріи индукціи Милля. Однако, указанная неправильность въ изложеніи критика, объясняющаяся его собственнымъ ошибочнымъ взглядомъ на вопросъ объ общихъ понятіяхъ, покоящимся на смѣшеніи этого вопроса съ ученіемъ объ индукціи, блѣднѣетъ передъ тѣмъ несоотвѣтствіемъ подлинному содержанію обсуждаемыхъ имъ ученій, которое мы находимъ въ его критикѣ по вопросу объ адэкватности теорій.

Этотъ главнѣйшій пунктъ методологическаго ученія проф. Петражицкаго критикъ исказилъ до неузнаваемости и абсурда. По его словамъ, „автору (т. е. проф. Петражицкому), конечно, ясно, что согласно съ этими методологиче-

скими требованіями [1]) можно было бы образовать «научныя» теоріи и о «сигарахъ вѣсомъ въ 10 лотовъ», и о «собакахъ съ длинными хвостами и короткой шеей» (примѣры заимствованы у г. Петражицкаго) и т. п. курьезы, и что въ такихъ «теоріяхъ» мы никакихъ иныхъ «адэкватныхъ» сужденій, кромѣ тѣхъ, которыя содержатся въ самомъ названіи соотвѣтственныхъ «дисциплинъ», высказывать не могли бы. Но противъ этого возраженія, сводящаго его теорію къ имъ самимъ сознаваемому абсурду, онъ выставляетъ требованіе, которое заключено имъ уже въ терминѣ «адэкватный», чтобы въ научныхъ теоріяхъ образующія ихъ сужденія относились къ *обширнымъ* [2]) классамъ явленій.

Однако, однимъ провозглашеніемъ требованія затрудненіе еще не устраняется, т. к. попрежнему остается неизвѣстнымъ, какъ осуществить это требованіе. Г. Петражицкій, къ сожалѣнію, не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, въ которомъ собственно вся трудность и заключается. Между тѣмъ ясно, что понятія и сужденія могутъ быть высказаны относительно обширныхъ классовъ предметовъ только или случайно, а тогда у нихъ не будетъ научной «легитимаціи», или въ результатѣ выводовъ изъ сгруппированныхъ по особымъ принципамъ многочисленныхъ наблюденій, т. е. какъ разъ такимъ путемъ, съ критики и отрицанія котораго авторъ и началъ. Весь его критическій трудъ оказывается, такимъ образомъ, напраснымъ, такъ какъ онъ въ концѣ его очутился на томъ же мѣстѣ, съ котораго началъ“ (стр. 17, 18).

Всѣ эти утвержденія не соотвѣтствуютъ подлинному ученію проф. Петражицкаго. Согласно послѣднему и вопреки утвержденію г. Гинцберга, научныя теоріи не могутъ не быть адэкватными, а потому, разъ о такихъ классахъ объектовъ, какъ „сигары вѣсомъ въ 10 лотовъ“, невозможно образовать адэкватныя теоріи, то о нихъ не можетъ быть и научныхъ теорій. Адэкватность же теорій состоитъ не въ томъ, что образующія ихъ сужденія относятся къ *обширнымъ*

---

[1]) Т. е. требованіями адэкватности теорій.

[2]) Курсивъ принадлежитъ г. Гинцбергу.

классамъ явленій, какъ сообщаетъ критикъ, а въ томъ, что они относятся къ надлежащимъ по объему своему классамъ, къ тѣмъ именно, въ причинной или логической связи съ differentia specifica которыхъ находится то, что въ подлежащихъ теоріяхъ высказывается объ этихъ классахъ. Не вообще обширность классовъ является критеріемъ научной годности теорій и научной годности подлежащихъ классовъ, а соотвѣтствіе обширности класса и высказываемыхъ о немъ сужденій. Суть дѣла не въ томъ, что слѣдуетъ создавать теоріи объ обширныхъ классахъ объектовъ, напр., о матеріальныхъ предметахъ вообще и т. п. обширныхъ классахъ объектовъ (адэкватныя теоріи можно и слѣдуетъ создавать и объ очень узкихъ классахъ), а въ требованіи, чтобы объ опредѣленныхъ (какъ обширныхъ, такъ и необширныхъ) классахъ объектовъ изученія высказывались сказуемыя, относящіяся именно къ данному (а не болѣе обширному или болѣе узкому) классу, чтобы то, что высказывается, было въ дѣйствительности причинно или логически связано съ характеристикой (differentia specifica) именно этого (а не болѣе обширнаго или болѣе узкаго) класса. Только въ такомъ случаѣ теорія и будетъ адэкватной. Обо всемъ этомъ настолько ясно говорится въ §§ 4, 5 и 6 „Введенія“, что дойти до такого непониманія и искаженія подлежащихъ ученій, какое преподноситъ намъ г. Гинцбергъ, можно или на почвѣ совершенной неподготовленности къ воспріятію соотвѣтственныхъ ученій, или на почвѣ неспособности ихъ понять и обсуждать, или на почвѣ спеціальнаго желанія изобразить эти ученія въ превратномъ видѣ съ цѣлью упражненія въ критикѣ.

Итакъ, проф. Петражицкій не выставляетъ требованія, „чтобы въ научныхъ теоріяхъ образующія ихъ сужденія относились къ *обширнымъ* классамъ явленій“. Такое требованіе было бы абсурдно, и сожалѣніе критика о томъ, что проф. Петражицкій не даетъ отвѣта на вопросъ, какъ осуществить это требованіе, совершенно неумѣстно и свидѣтельствуетъ только о его (критика) остроуміи. Если бы г. Гинцбергъ понималъ, въ чемъ дѣло, то ему пришлось бы фор-

мулировать свой упрекъ иначе, именно такимъ образомъ: проф. Петражицкій не даетъ отвѣта на вопросъ о томъ, какъ осуществить, чтобы сказуемыя, высказываемыя относительно извѣстнаго класса объектовъ, были этому классу адэкватны, были отнесены къ надлежащему по объему своему классу. Но и такъ формулированный упрекъ не имѣлъ бы основаній, ибо § 6 „Введенія“ какъ разъ посвященъ отвѣту на указанный вопросъ, что слѣдуетъ уже изъ оглавленія его: „Начала образованія и обоснованія адэкватныхъ теорій“. Тамъ на стр. 100 выставлено слѣдующее положеніе, затѣмъ подробно и обстоятельно обоснованное: „Для того, чтобы образовать и обосновать какую-либо правильную теорію, недостаточно констатировать какое-либо фактическое бываніе, а надо установить наличность необходимой логической или причинной связи (тенденціи) между специфическимъ признакомъ (differentia specifica) какого-либо класса объектовъ (теоретическаго подлежащаго) и чѣмъ-либо другимъ (тѣмъ, что относительно этого класса высказывается, теоретическимъ сказуемымъ)“. Въ дальнѣйшемъ проф. Петражицкій указываетъ, что „основою установленія и доказательства необходимыхъ логическихъ и причинныхъ связей являются дедуктивныя и индуктивныя умозаключенія“ (стр. 108), вноситъ поправки въ ученіе объ индукціи и т. д.

Г. Гинцбергъ не ограничивается выше приведенными утвержденіями, а стремится „раскрыть послѣдній корень того недоразумѣнія, который сказывается во всѣхъ его (проф. Петражицкаго) теоретическихъ построеніяхъ“ (стр. 18). „Этотъ корень“—по его мнѣнію—„нужно искать въ томъ, что г. Петражицкому чуждо представленіе о *синтезѣ*, какъ основномъ принципѣ всякаго познаванія“, въ томъ, что „критическое ученіе о познаніи, какъ о синтезѣ изъ опытныхъ воспріятій и категоріальнаго мышленія, ему совсѣмъ неизвѣстно“ (тамъ же).

Въ подтвержденіе этого своего тезиса критикъ утверждаетъ, что проф. Петражицкій „признаетъ только отрывочные факты опытнаго наблюденія“, сводитъ познаніе „къ

отрывочнымъ и безсвязнымъ воспріятіямъ", „отожествляя познаніе съ логическимъ мышленіемъ, впадаетъ въ граничащій съ номинализмомъ логическій формализмъ", и что „соединеніе этихъ двухъ элементовъ—чистаго эмпиризма и логическаго формализма—у него и проявляется въ исключительномъ признаніи права гражданства за *сужденіемъ аналитическимъ*" (стр. 18), къ чему и сводится его полемика противъ „постулятивнаго" метода (стр. 22). „Всѣ эти выводы можно сдѣлать"—добавляетъ критикъ—„изъ... схемы г. Петражицкаго для образованія понятій", каковая схема („все обладающее свойствомъ *a*") показываетъ, „что любое представленіе и любое переживаніе въ любой моментъ времени и у всякаго человѣка можетъ служить основаніемъ для образованія *научнаго* [1]) понятія. Но очевидно, что при такихъ условіяхъ мы не только не сумѣемъ построить научной теоріи, но обратимъ всю науку и ея объектъ—окружающій насъ міръ—въ хаосъ" (стр. 19).

Затѣмъ критикъ открываетъ у проф. Петражицкаго номиналистическія тенденціи, о чемъ онъ заключаетъ изъ того, что для избѣжанія печальнаго положенія, въ которомъ находятся науки, слѣдующія при установленіи понятій профессіональнымъ привычкамъ называнія, проф. Петражицкій предлагаетъ такое средство, которое „заключается... не въ чемъ иномъ, какъ въ признаніи не отдѣльныхъ, «профессіональныхъ» словъ, а всѣхъ словъ вообще понятіями" (стр. 20). „Но такое отожествленіе"—замѣчаетъ критикъ—„въ связи съ исключительнымъ признаніемъ аналитическихъ сужденій должно неминуемо вести къ смѣшенію логики и грамматики" (стр. 20).

Всѣ эти утвержденія также ничего общаго съ подлинными ученіями проф. Петражицкаго, конечно, не имѣютъ. Въ ученіи проф. Петражицкаго о понятіяхъ характернымъ является строгое и рѣзкое отдѣленіе самихъ понятій отъ именъ, названій для соотвѣтственныхъ классовъ объектовъ. Это слѣдуетъ уже изъ того, что, по утвержденію проф. Пе-

[1]) Курсивъ мой.

тражицкаго, „для громаднаго большинства образуемыхъ нами и могущихъ быть образованными въ обыденной жизни и въ наукѣ классовыхъ понятій и классовъ нѣтъ никакихъ особыхъ названій и нѣтъ разумныхъ основаній таковыя сочинять“ („Введеніе“, стр. 86). Въ дополненіе къ этому на стр. 87 въ примѣчаніи читаемъ: „на ряду съ безчисленнымъ множествомъ безыменныхъ, т. е. не имѣющихъ спеціальныхъ названій, понятій есть немало и такихъ понятій, которыя не только фактически переживаются, мыслятся вообще безъ словъ и безъ представленія какихъ бы то ни было словъ, но и не могутъ быть выражены словами (безсловесныя, невыразимыя понятія). Увидавъ какой-либо предметъ своеобразнаго и не имѣющаго особаго названія цвѣта, я могу тотчасъ же образовать и мыслить соотвѣтственный классъ и классовое понятіе, опредѣленіе соотвѣтствующаго класса по схемѣ «то, что обладаетъ такимъ цвѣтомъ», хотя не имѣю въ распоряженіи ни особаго названія для предметовъ этого класса, ни названія для ихъ своеобразнаго цвѣта, ни вообще словъ для описанія и сообщенія другимъ того, что я имѣю въ виду“.

Затѣмъ требованіе рѣзкаго отдѣленія понятій отъ именъ лежитъ въ основѣ критики со стороны проф. Петражицкаго традиціоннаго ученія объ образованіи понятій и господствующаго въ наукахъ подчиненія привычкамъ называнія и все время въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ ясно проводится и подчеркивается, при чемъ ученіе о называніи классовъ (объ именахъ) даже излагается отдѣльно отъ ученія о самихъ понятіяхъ и классахъ, въ особомъ приложеніи, озаглавленномъ такъ: „О называніи классовъ“. Содержаніе этого приложенія сводится къ тезису: „Наименованіе является добавочнымъ актомъ лингвистическаго свойства и бываетъ, какъ уже указано выше, по большей части излишнимъ, нужнымъ иногда со словесно-технической точки зрѣнія; однако, самаго понятія, самаго опредѣленія и его научной легитимаціи оно не затрогиваетъ“ (стр. 90). Здѣсь же проф. Петражицкій говоритъ: „Ни первый, ни второй тезисъ нашего ученія объ образованіи классовъ (классификаціи) и

классовыхъ понятій не предполагаютъ наличности особыхъ названій для образуемыхъ классовъ и классовыхъ понятій и пользованія такими названіями въ какомъ бы то ни было смыслѣ и направленіи: все наше ученіе объ образованіи классовъ и классовыхъ понятій вполнѣ эманципировано отъ какой бы то ни было зависимости отъ общаго народнаго языка или какихъ либо профессіональныхъ или иныхъ спеціальныхъ привычекъ называнія“ (стр. 86). И несмотря на все это, г. Гинцбергъ все-таки рѣшается утверждать, что проф. Петражицкій отожествляетъ слова съ понятіями!

Также не соотвѣтствуетъ дѣйствительности утвержденіе критика, что, по ученію проф. Петражицкаго, любое представленіе можетъ служить основаніемъ для образованія *научнаго* понятія. Неправильность этого утвержденія видна изъ предыдущаго выясненія смысла ученія объ адэкватности теорій (см. стр. 92). Тамъ выяснено, что любое представленіе можетъ служить основаніемъ для образованія понятія правильнаго только съ формально-логической т. зр., а не *научнаго* (т. е. годнаго для построенія адэкватныхъ теорій) понятія. Не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу упоминаніе объ эмпиризмѣ, раціонализмѣ и т. п., какъ было выяснено въ самомъ началѣ моей брошюры по поводу критики Кистяковскаго и другихъ. Совершенно неосновательно и утвержденіе о сведеніи познанія къ отрывочнымъ и безсвязнымъ воспріятіямъ по адресу ученаго, который главными моментами познанія считаетъ 1) общія понятія, ориентирующія насъ въ разнообразіи окружающаго міра и превращающія этотъ міръ въ обозримую систему расположенныхъ въ опредѣленномъ порядкѣ разрядовъ, родовъ, видовъ, разновидностей... міровыхъ явленій (см. „Введеніе“, стр. 16); 2) адэкватныя теоріи, содержащія въ себѣ формулировку причинныхъ и логическихъ связей, существующихъ между различными объектами, явленіями и т. д. Отсюда же слѣдуетъ, что по адресу проф. Петражицкаго лишены всякаго основанія и упреки въ непризнаніи принципа „синтеза“ и въ исключительномъ признаніи аналитическихъ сужденій. Въ аналитическихъ сужденіяхъ сказуемое лишь разъясняетъ

содержаніе, заключающееся въ подлежащемъ сужденія, аналитическія сужденія суть разъяснительныя сужденія, основанныя исключительно на законѣ тожества, они не расширяютъ нашего знанія. Слѣдовательно, задача установленія причинныхъ и логическихъ связей, которую ставитъ проф. Петражицкій теоретической наукѣ, не можетъ быть рѣшена съ помощью аналитическихъ сужденій. Какъ мы видѣли выше (стр. 93), самъ проф. Петражицкій указываетъ, что основою установленія и доказательства причинныхъ и логическихъ связей являются дедуктивныя и индуктивныя умозаключенія, которыя относятся, конечно, не къ аналитическимъ, и это у него не только методологическое правило: дедукція и индукція лежатъ въ основаніи всѣхъ его построеній и въ области психологіи, и въ области теоріи права.

II.

Разсматривая теорію эмоцій, г. Гинцбергъ опять стремится показать, что проф. Петражицкому чуждъ принципъ синтеза.

По поводу замѣны трехчленнаго дѣленія элементовъ психической жизни (познаніе, чувство, воля) четырехчленнымъ (познаніе, чувство, воля и эмоціи) критикъ замѣчаетъ, что эмоціи „просто новое названіе“ (стр. 32). Къ этому глубокомысленному выводу, доказывающему, по мнѣнію г. Гинцберга, вышеуказанное положеніе объ отсутствіи принципа синтеза, онъ пришелъ путемъ существеннаго измѣненія подлиннаго ученія о природѣ психическихъ переживаній, называемыхъ „эмоціями“. Послѣднія, какъ уже не разъ упоминалось, являются двусторонними, пассивно-активными, претерпѣвательно-моторными переживаніями, пассивная сторона которыхъ отлична по существу отъ чисто-пассивныхъ переживаній (познанія и чувства) и активная сторона отлична отъ воли. По изложенію же г. Гинцберга къ эмоціямъ „нужно... относить всѣ тѣ біологически существенныя проявленія человѣческой психики, въ которыхъ элементъ пассивный (заключающійся въ чистомъ видѣ въ познаніи и чувствованіи) соединяется съ элементомъ

активнымъ (проявляющимся въ чистомъ видѣ въ волѣ), образуя такимъ образомъ спеціальныя *активно-пассивныя* или моторныя переживанія“ (стр. 30).

Въ этой передачѣ критикомъ ученія о природѣ эмоцій имѣется умышленное или неумышленное искаженіе сразу въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, по ученію проф. Петражицкаго, эмоція не составляется изъ какихъ-либо элементовъ, она сама есть элементъ психической жизни, съ двусторонней, активно-пассивной природой, ни въ какомъ случаѣ и смыслѣ не раздѣляющейся на части; во-вторыхъ, активность и пассивность ея имѣютъ особый характеръ, отличный отъ пассивности чувствованій и познавательныхъ элементовъ психики и активности воли, что особенно ясно и наглядно подчеркивается въ эмоціональной психологіи съ приведеніемъ примѣровъ для интроспективной провѣрки и т. д., каковыхъ примѣровъ и этотъ критикъ тщательно избѣгаетъ и долженъ избѣгать, иначе обнаружилось бы несоотвѣтствіе между природой эмоцій, какъ ее изображаетъ проф. Петражицкій, и тѣмъ, что имѣется по этому поводу въ критикѣ г. Гинцберга. Вмѣсто этого онъ ограничивается совершенно неправильнымъ сообщеніемъ, что, по ученію проф. Петражицкаго, „голодъ-аппетитъ... покоится въ нашемъ сознаніи на волевомъ моментѣ, который получаетъ отъ ощущеній и представленій лишь конкретное содержаніе“ (стр. 30), тогда какъ въ дѣйствительности авторъ эмоціональной психологіи, посвятивъ 23 страницы спеціально изученію природы голода-аппетита, доказываетъ, что это послѣднее переживаніе есть не воля (и вообще не относится къ какому-либо извѣстному въ психологіи классу психическихъ переживаній), а особая эмоція, спеціальное и подробное изученіе которой преслѣдуетъ цѣль нагляднаго и опытнаго доказательства на конкретномъ образцѣ существованія въ психикѣ особыхъ, отличныхъ отъ извѣстныхъ психологіи, элементовъ психической жизни. Но, при изображеніи дѣла въ томъ видѣ, что эмоціи и по ученію проф. Петражицкаго не представляютъ ничего особаго по сравненію съ извѣстными уже элементами психики, г. Гинцбергу не трудно,

конечно, утверждать, что эмоціи „есть лишь новое названіе“, и этимъ доказывать, что проф. Петражицкому чуждъ принципъ синтеза.

Характеренъ, между прочимъ, аргументъ критика противъ возможности двусторонніхъ, активно-пассивныхъ переживаній. Послѣднія, по его мнѣнію, невозможны, „такъ какъ въ насъ не могутъ одновременно умѣщаться два исключающихъ другъ друга переживанія, какъ активность и пассивность, ибо наши дѣйствія не могутъ быть одновременно и нашими, и не нашими“ (стр. 30). При чемъ здѣсь *дѣйствія* вообще и противопоставленіе нашихъ дѣйствій не нашимъ, когда рѣчь идетъ не о дѣйствіяхъ, а о переживаніяхъ, критикъ не объясняетъ. Дѣйствія, конечно, не могутъ быть одновременно и нашими и не нашими, какъ все вообще принадлежащее намъ не можетъ не принадлежать намъ, въ частности и наши эмоціи не могутъ быть не нашими эмоціями, но все это не мѣшаетъ и нашимъ и не нашимъ эмоціямъ быть активно-пассивными переживаніями.

Затѣмъ, замѣтивъ, что число различныхъ эмоцій велико, г. Гинцбергъ недоумѣвающе говоритъ: „Если научная психологія должна особо констатировать всѣ эти эмоціи и описывать ихъ, тогда она изъ науки легко обратится въ беллетристику“ (стр. 32). Однако, въ дѣйствительности такой опасности для психологіи не представляется: она относится къ числу классовыхъ теоретическихъ наукъ и, слѣдовательно, не занимается описаніемъ всѣхъ разнообразныхъ конкретныхъ образцовъ объекта своего изученія, а, описывая и изучая нѣкоторыя конкретныя явленія, какъ образцы соотвѣтственныхъ классовъ, изслѣдуетъ классы изучаемыхъ ею явленій съ цѣлью нахожденія характерныхъ для всего подлежащаго класса особенностей, интересуется общими и специфическими свойствами даннаго класса явленій, а не индивидуальными особенностями отдѣльныхъ объектовъ этого класса.

Такое же несоотвѣтствіе тому, что имѣется въ подлинномъ ученіи проф. Петражицкаго, встрѣчаемъ и въ обсужденіи критикомъ ученія о волѣ. По его словамъ, „Петра-

жицкій подчеркиваетъ, что психологія воли можетъ имѣть своимъ предметомъ только лишенную «практическаго» содержанія волю" (стр. 27). Въ дѣйствительности же ничего подобнаго авторъ эмоціональной психологіи не говоритъ. Онъ, дѣйствительно, подчеркиваетъ, но только не то, о чемъ говоритъ критикъ, а другое, именно, что „подъ понятіе воли слѣдуетъ подводить волю и только, а сочетаніе воли съ чѣмъ-либо другимъ, напр., съ представленіями, чувствами, такъ и слѣдуетъ опредѣлять какъ сочетаніе воли съ другимъ, но не какъ волю" (стр. 142 „Введенія"). И если вслѣдъ за утвержденіемъ, что „воля нормально переживается нами не въ отдѣльности, а въ сочетаніи съ... представленіями; мы переживаемъ не волю просто, а волю что-нибудь сдѣлать (или чего-либо не дѣлать), и даже воля просто, безъ дополнительнаго представленія того, на что она направлена, можетъ показаться чѣмъ-то нелѣпымъ, а потому невозможнымъ", если вслѣдъ за этимъ утвержденіемъ проф. Петражицкій продолжаетъ: „но въ дѣйствительности бываетъ и «нелѣпое», не имѣющее разумнаго практическаго смысла, бываетъ и воля просто, безъ представленія того, что надо сдѣлать",—то это вовсе не обозначаетъ, что психологія воли можетъ имѣть своимъ предметомъ только лишенную практическаго содержанія волю, напротивъ, по ученію проф. Петражицкаго, она должна изучать всякую волю, въ томъ числѣ и сопровождаемую представленіями волю, но не должна относить къ волѣ этихъ сопровождающихъ ее, но по своей природѣ отличныхъ отъ нея переживаній.

Съ иной точки зрѣнія, а не съ той, которую предполагаетъ критикъ, протестуетъ проф. Петражицкій противъ отожествленія „мотивовъ поведенія" и „мотивовъ воли", именно, не изъ желанія выдѣлить волевой моментъ въ чистомъ видѣ, а на томъ основаніи, что тѣ психическіе факторы (иные, чѣмъ предполагается въ старой психологіи, именно эмоціи), которые въ дѣйствительности способны вызывать извѣстную волю (и устранять противоположную волю), обыкновенно вызываютъ соотвѣтственныя дѣйствія непосредственно, безъ посредства воли. Неправильно и нело-

гично при этомъ собственное воззрѣніе критика, исходя изъ котораго, онъ присоединяется къ только-что указанному протесту проф. Петражицкаго противъ отожествленія „мотивовъ поведенія“ и „мотивовъ воли“. Это воззрѣніе г. Гинцберга состоитъ въ томъ, что „выраженіе «мотивы воли» въ сущности говоря лишено внутренняго смысла, такъ какъ мотивы могутъ быть только *въ* волѣ, самая же воля не опредѣляется въ свою очередь мотивами; она «свободна» отъ мотивовъ, потому что всякая мысль о нихъ непремѣнно предполагаетъ уже ея существованіе, какъ логическаго prius'а. Воля, слѣдовательно, можетъ имѣть только причину, какъ всякое другое явленіе при натуралистическомъ наблюденіи“ (стр. 28).

Критикъ, должно быть, не замѣчаетъ, что если признана наличность переживаній, причинно опредѣляющихъ волю, то тѣмъ самымъ признана и наличность „мотивовъ воли“, такъ какъ эти опредѣляющія волю переживанія и называются ея мотивами; понятіе же „мотивы въ волѣ“ — логическая несообразность, состоящая во включеніи причины въ послѣдствіе и превращающая волю въ какую-то сумму разныхъ вещей.

Высказавъ затѣмъ нѣсколько темныхъ мыслей, точнѣе, фразъ, изображающихъ мысли, по поводу усилій проф. Петражицкаго вырваться изъ путъ натуралистическихъ предпосылокъ, критикъ находитъ „у него на ряду съ цѣннымъ замѣчаніемъ о необходимости различенія гедонистическихъ теорій мотивацiи отъ гедонистическихъ теорій этики—противорѣчащее этой мысли смѣшеніе цѣнности, какъ мотива, и цѣнности, какъ точки зрѣнія (какъ «постулата»)—на томъ лишь основаніи, что эмпирически цѣнность, какъ точка зрѣнія, доходитъ до нашего сознанія лишь въ мотивахъ нашихъ дѣйствій“. „Очевидно“,—добавляетъ критикъ—„что второе изъ обоихъ приведенныхъ замѣчаній заключаетъ въ себѣ смѣшеніе этики и психологіи, противъ котораго онъ протестуетъ въ первомъ изъ нихъ“ (стр. 29).

Что касается перваго изъ замѣчаній, то оно у проф. Петражицкаго имѣетъ иной смыслъ и основаніе, именно,

онъ говоритъ о необходимости различенія гедонистическихъ теорій мотивацiи отъ гедонистическихъ ученій, выставляющихъ наслажденія, какъ цѣль, къ которой должно стремиться, но послѣднія „ученія, относимыя обыкновенно къ разряду этическихъ (что̀, съ точки зрѣнія ученія проф. Петражицкаго объ этическихъ явленіяхъ, неправильно), представляютъ не теоріи. а практическіе рецепты, указанія относительно желательнаго или должнаго поведенія“ („Введеніе“, стр. 164). Это различеніе теоретическихъ и практическихъ ученій, дѣйствительно, цѣнно, но только критикъ не обнаруживаетъ пониманія, почему оно цѣнно, такъ что его присоединеніе къ подлежащему тезису проф. Петражицкаго уже совсѣмъ лишено цѣнности.

Что же касается „цѣнности, какъ точки зрѣнія (какъ постулата)“, и „цѣнности, какъ мотива“, смѣшеніе которыхъ непостижимымъ для читателя образомъ констатировалъ г. Гинцбергъ въ трудахъ проф. Петражицкаго, то тутъ возникаетъ вопросъ, неужели самъ г. Гинцбергъ вѣритъ въ эти свои „цѣнности“ или, вѣрнѣе, въ смыслъ своихъ фразъ: вѣдь всѣ его разсужденія по поводу этихъ „цѣнностей“ только на наивныхъ людей могутъ произвести впечатлѣніе разсужденій, имѣющихъ смыслъ.

Г. Гинцбергъ не обходитъ молчаніемъ и нѣкоторыхъ пунктовъ той критики, которой подверглась традиціонная психологія со стороны проф. Петражицкаго. Такъ, онъ замѣчаетъ, что „обвинять современную психологію въ ненаучности на томъ основаніи, что, напр., «психологія познанія» не исчерпывается указаніемъ на основные психическіе процессы—ощущенія и представленія, какъ это дѣлаетъ г. Петражицкій, у насъ нѣтъ никакихъ основаній“ (стр. 26), такъ какъ ея „изслѣдованія сопровождаются яснымъ сознаніемъ того, что въ *дѣйствительности* всякое психологическое переживаніе обусловлено самыми разнообразными и сложными психическими процессами, а не исключительно тѣми, которые въ опредѣленныхъ случаяхъ—по смыслу разбираемыхъ переживаній—кажутся намъ рѣшающими“ (стр. 25, 26).

На это слѣдуетъ отвѣтить, что упрекъ проф. Петражиц-

каго состоитъ въ томъ, что въ классъ „познаніе“ вносятся психологами и не-познавательные элементы психики (см. „Введеніе“ § 17), ошибочно принимаемые за познавательные, и если этотъ упрекъ правиленъ съ фактической стороны (а противнаго г. Гинцбергъ не доказываетъ), то указанное обвиненіе вполнѣ резонно, такъ же, какъ былъ бы резоненъ упрекъ въ ошибочности отнесенія къ золоту чего-либо иного, но принимаемаго за золото, даже и въ томъ случаѣ, если бы въ дѣйствительности золото всегда находилось въ смѣси съ разнообразными и сложными составами.

Подобное же привнесеніе постороннихъ элементовъ имѣетъ мѣсто и въ отношеніи двухъ другихъ извѣстныхъ психологіи классовъ—чувства и воли. Поэтому-то проф. Петражицкій и говоритъ, что „всѣ три ея основные классы и рубрики: познаніе, чувство и воля, при теперешнемъ положеніи дѣла, т. е. при отсутствіи надлежащей основной рубрики для помѣщенія и изученія эмоцій въ нашемъ смыслѣ пассивно-активныхъ переживаній, представляютъ въ существѣ дѣла не надлежащіе научные классы, а эклектическія группы, смѣси разныхъ вещей, такъ что и правильныхъ (адэкватныхъ) теорій по отношенію къ этимъ классамъ нѣтъ и быть не можетъ; и что это происходитъ отъ того, что въ эти классы и рубрики попадаютъ, кромѣ того, что туда слѣдовало бы относить, также и тѣ эмоціи, которыя по какимъ-либо причинамъ, вслѣдствіе существованія особаго названія въ обыденномъ языкѣ, или т. п., не остаются неизвѣстными, обращаютъ на себя вниманіе психологовъ...“ („Введеніе“, стр. 245).

По мнѣнію же г. Гинцберга, подобная критика традиціонной психологіи основана на смѣшеніи „статическаго анализа сознанія по общему смыслу его разнообразныхъ содержаній“ (стр. 26) съ задачею естественно-научной психологіи, заключающейся „преимущественно въ изученіи общихъ психическихъ элементовъ, ихъ сочетаній и движенія“ (стр. 25), такъ какъ, по мнѣнію того же критика, установленіе критикуемаго въ эмоціональной психологіи трехчленнаго дѣленія элементовъ психической жизни не относится къ естественно-научной психологіи (стр. 26). Ка-

кая путаница царитъ во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ критика, можно судить по тому, что на той же 26 страницѣ онъ вмѣняетъ естественно-научной психологіи въ обязанность „найти общіе элементы нашей психики“, т. е. то, что по его же признанію является задачей „статическаго анализа сознанія“ и не относится къ сферъ вѣдѣнія естественно-научной психологіи. Конечно, для знакомыхъ съ психологіей ясно, что въ указанной критикѣ проф. Петражицкимъ традиціоннаго трехчленнаго дѣленія элементовъ психической жизни никакого смѣшенія двухъ предполагаемыхъ критикомъ видовъ психологическаго изученія нѣтъ и быть не можетъ, да и сама возможность этихъ видовъ изученія есть плодъ досужей фантазіи г. Гинцберга.

III.

Переходя къ вопросу о природѣ этическихъ явленій по ученію проф. Петражицкаго, г. Гинцбергъ по адресу послѣдняго говоритъ: „Свою попытку онъ основываетъ на различеніи двухъ классовъ «эмоцій», а именно: *спеціальныхъ*, которыя вызываютъ «опредѣленное, специфическое, къ нимъ спеціально природою пріуроченное поведеніе», и *бланкетныхъ*, которыя могутъ служить побужденіемъ къ любому поведенію и побуждаютъ къ тѣмъ дѣйствіямъ, представленія коихъ переживаются въ связи съ ними. Эти послѣднія и составляютъ «существенные элементы нравственныхъ и правовыхъ переживаній и вызываютъ нравственное и правовое поведеніе»“ (стр. 33).

Это изложеніе критика внушаетъ мысль, что всѣ бланкетныя эмоціи будутъ этическими, что этическій характеръ эмоцій состоитъ именно въ бланкетности. Но по подличному ученію проф. Петражицкаго только нѣкоторыя бланкетныя эмоціи будутъ этическими. Это видно уже изъ того мѣста „Теоріи“, изъ котораго г. Гинцбергъ взялъ нѣсколько строкъ для своей цитаты. На стр. 13 „Теоріи“ сказано: „*Такой же характеръ эмоцій* [1]), не имѣющихъ своихъ предопредѣлен-

[1]) Курсивъ мой.

ныхъ, специфическихъ акцій и побуждающихъ къ такимъ дѣйствіямъ, представленія коихъ переживаются въ связи съ эмоціей, имѣютъ, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, и эмоціи, составляющія существенные элементы нравственныхъ и правовыхъ переживаній и вызывающія нравственное и правовое поведеніе". Значитъ, кромѣ нравственныхъ и правовыхъ, еще и другія эмоціи относятся къ разряду бланкетныхъ эмоцій.

Указанное отожествленіе бланкетныхъ эмоцій съ этическими даетъ возможность г. Гинцбергу находить, съ точки зрѣнія психологической теоріи, этическія эмоціи у животныхъ и заявить, что, становясь на точку зрѣнія проф. Петражицкаго, „мы попрежнему остаемся безъ нужнаго намъ критерія для выдѣленія этическихъ эмоцій изъ другихъ моторныхъ раздраженій" (стр. 34). Болѣе внимательный, по словамъ г. Гинцберга, разборъ бланкетныхъ и спеціальныхъ эмоцій убѣждаетъ его въ томъ, что это „различеніе, проводимое авторомъ, безплодно", такъ какъ „спеціальныя эмоціи, какъ результатъ приспособленія къ конкретнымъ обстоятельствамъ, являются лишь проявленіемъ бланкетныхъ, которыя сами по себѣ, внѣ связи съ акціонными представленіями или съ этими конкретными обстоятельствами, совсѣмъ не переживаются, т. е. просто не существуютъ, т. к. онѣ могли бы существовать только въ формѣ «императивовъ»», что недопустимо для «научно - психологической» теоріи" (стр. 34).

Вопреки мнѣнію критика, его утвержденія о безплодности подлежащаго различенія эмоцій не основательны. Не предрѣшая вопроса о происхожденіи спеціальныхъ эмоцій, слѣдуетъ сказать, что если даже эти послѣднія исторически ведутъ свое начало отъ бланкетныхъ эмоцій, то это обстоятельство не только не подрываетъ ихъ самостоятельности, а наоборотъ, разъ уже во многихъ областяхъ психической жизни путемъ приспособленія произошло обращеніе многихъ бланкетныхъ эмоцій въ спеціальныя, то уже имѣется достаточное основаніе дѣлать указанное различеніе, подобно тому, какъ дѣлается различеніе видовъ организмовъ въ зо-

ологіи и ботаникѣ, хотя извѣстно, что одни виды эволюціонно произошли отъ другихъ. Положеніе о несуществованіи бланкетныхъ эмоцій внѣ связи съ акціонными представленіями также не аргументъ противъ признанія ихъ въ качествѣ особаго класса эмоцій на ряду со спеціальными, такъ какъ *совмѣстное* существованіе бланкетныхъ эмоцій и акціонныхъ представленій не обращаетъ, вопреки утвержденію критика, эти эмоціи въ „фикціи" (фикціи не существуютъ даже и совмѣстно съ чѣмъ-либо другимъ) и вовсе не исключаетъ возможности существованія ихъ не въ формѣ императивовъ; бланкетныя эмоціи, вызванныя, напр., просьбами, мольбами, совѣтами не имѣютъ императивнаго характера, и тѣмъ не менѣе существованіе ихъ есть психологическій фактъ, могущій быть провѣреннымъ на опытѣ.

Затѣмъ г. Гинцбергъ утверждаетъ, что проф. Петражицкій благодаря своей постановкѣ вопроса „лишается... возможности установить различія и въ самой сферѣ нормативныхъ явленій между переживаніями, имѣющими различное значеніе по своему содержанію,—по той идеѣ, которой они динамически подчинены" (стр. 35), другими словами, психологическая теорія не даетъ критерія для различенія этическихъ и эстетическихъ нормативныхъ переживаній и въ предѣлахъ этики—для различенія права и нравственности.

И эти утвержденія критика не соотвѣтствуютъ истинѣ. Проф. Петражицкій ясно и опредѣленно указываетъ, что эстетическія нормы предписываютъ извѣстное поведеніе, какъ красивое (или отвергаютъ, какъ некрасивое, безобразное), а этическія—какъ должное, обязательное, при чемъ не содержаніе акціоннаго представленія (представленія поступка, дѣйствія) опредѣляетъ эстетическій или этическій характеръ нормы, а характеръ эмоціональнаго элемента соотвѣтственныхъ переживаній. Поэтому всякія по содержанію акціонныхъ представленій нормы могутъ быть и эстетическими и этическими. Предписаніе, запрещающее кражу, какъ некрасивый, безобразный поступокъ, будетъ эстетической нормой; предписаніе, запрещающее то же поведеніе,

какъ противное долгу, обязанностямъ—будетъ этической нормой (см. „Теорія“ §§ 1—4).

Такъ же ясно и опредѣленно указанъ авторомъ психологической теоріи и критерій для различенія права и нравственности. Нравственныя нормы покоятся на императивныхъ эмоціяхъ, правовыя—на императивно-аттрибутивныхъ. Это отмѣчаетъ и самъ критикъ. Но, по его мнѣнію, въ данномъ случаѣ проф. Петражицкій „не говоритъ о томъ, что такое право, а, предполагая это уже извѣстнымъ, описываетъ только, какъ переживаются правовые мотивы поведенія въ отличіе отъ нравственныхъ. Г. Петражицкій подходитъ, слѣдовательно, къ интересующимъ его явленіямъ уже съ готовымъ критеріемъ, ибо иначе онъ не былъ бы въ состояніи различать ихъ по «качествамъ», т. е. не могъ бы произвести и психологическаго описанія. Но откуда онъ беретъ свой критерій, остается при этомъ неизвѣстнымъ“ (стр. 36).

Однако, если право и нравственность суть психическіе феномены, съ чѣмъ согласенъ и г. Гинцбергъ, то описать, какъ переживаются первые въ отличіе отъ вторыхъ, и значитъ опредѣлить, что̀ такое право и нравственность, если, конечно, въ этомъ описаніи будутъ указаны существенные моменты соотвѣтственныхъ переживаній. Никакого иного опредѣленія быть не можетъ. Никакимъ инымъ образомъ невозможно дать психологическій критерій для различенія права и нравственности. Отсюда же ясно, гдѣ нужно взять искомый критерій и откуда беретъ его проф. Петражицкій, именно, изъ наблюденія надъ собственною и чужою психикой. Самонаблюденіе и соединенный методъ внутренняго и внѣшняго наблюденія указываютъ на существованіе качественно отличныхъ состояній психики, между прочимъ и тѣхъ, которыя лежатъ въ основѣ людскихъ представленій, разговоровъ и т. п. о правѣ и нравственности. Чтобы произвести психологическое описаніе сообразно съ психическою дѣйствительностью, надо наблюдать акты сознанія безъ заранѣе готовыхъ критеріевъ для различенія ихъ по „качествамъ“. Видѣть у проф. Петражицкаго готовые крите-

ріи и предвзятыя точки зрѣнія, это значитъ извращать самое существо его научныхъ пріемовъ. Всѣ его ученія построены не на готовыхъ и неизвѣстно откуда взятыхъ критеріяхъ, а на объективномъ изученіи фактовъ. Отсюда та рѣдкая для юридическихъ теорій послѣдовательность и отсутствіе противорѣчій въ его ученіи, о которыхъ говорятъ и г. Гинцбергъ и другіе критики.

Явнымъ абсурдомъ является утвержденіе г. Гинцберга о томъ, что, пользуясь воззрѣніемъ проф. Петражицкаго, всѣ виды человѣческихъ мотивовъ и поступковъ можно разсматривать какъ правовые или нравственные (стр. 36): никто, находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти, не отнесетъ такихъ мотивовъ, какъ голодъ, жажда, страхъ, гнѣвъ, половыя побужденія, къ императивнымъ или императивно-аттрибутивнымъ переживаніямъ.

Въ своемъ замѣчаніи по поводу дѣленія этики на право и нравственность г. Гинцбергъ искажаетъ ученіе проф. Петражицкаго сразу въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, противополагая нравственныя и правовыя переживанія подъ видомъ автономной и гетерономной императивности, тогда какъ въ ученіи Петражицкаго понятія автономности и гетерономности примѣняются одинаково и къ нравственности и къ праву: и то и другое бываетъ автономнымъ (интуитивное право и интуитивная нравственность) и гетерономнымъ (позитивное право и позитивная нравственность); во-вторыхъ, поучая на тему о томъ, что „свободный долгъ психологически вообще немыслимъ, потому что всякій долгъ уже по самой своей природѣ есть связанность“ (стр. 37), и внушая этимъ мысль, будто бы по ученію проф. Петражицкаго не всякій долгъ есть связанность, тогда какъ, согласно послѣднему, существо долга, обязанности заключается именно въ связанности, несвободѣ, только въ чисто императивныхъ (нравственныхъ) переживаніяхъ связанность эта свободна отъ притязаній другого (долгъ свободный отъ притязаній другого) и самостоятельна, а въ императивно-аттрибутивныхъ (правовыхъ) она есть рефлексъ (представляемыхъ) притязаній другого субъекта (см. „Теорія“, стр. 37, 70 и 71).

Различеніе нравственныхъ и правовыхъ явленій по характеру субъективныхъ переживаній даетъ г. Гинцбергу поводъ обвинять проф. Петражицкаго въ узкомъ субъективизмѣ, съ каковой точки зрѣнія приходится констатировать наличность „суевѣрнаго“ права. Дѣло, однако, не въ субъективизмѣ, тѣмъ болѣе узкомъ, а въ послѣдовательности: разъ право и нравственность—психическія переживанія, то къ нимъ слѣдуетъ относить всевозможныя, въ томъ числѣ и суевѣрныя и иныя, переживанія соотвѣтственнаго типа. Въ дальнѣйшемъ и самъ критикъ указываетъ, что, съ точки зрѣнія проф. Петражицкаго, придется признать правовыми (или нравственными) переживанія съ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ объектныхъ представленій, т. е. представленій обязательнаго поведенія, и удивляется, что подобныхъ выводовъ не дѣлаетъ самъ проф. Петражицкій, а вмѣсто этого „незамѣтнымъ для себя образомъ вводитъ какой-нибудь критерій или называетъ правомъ то, что съ «общенародной» точки зрѣнія считается таковымъ — безъ всякой требуемой имъ научной легитимаціи“ (стр. 40).

Послѣднее утвержденіе объ ограниченіи понятія права общенародной точкой зрѣнія или другими критеріями представляетъ вымыселъ г. Гинцберга, онъ и не указываетъ поэтому, какъ и при всѣхъ своихъ многочисленныхъ вымыслахъ, тѣхъ мѣстъ сочиненій проф. Петражицкаго, на основаніи которыхъ онъ дѣлаетъ подобныя (неправдивыя) сообщенія. Напротивъ, въ опроверженіе этого утвержденія критика и въ доказательство того, что проф. Петражицкій вполнѣ послѣдовательно со своей точки зрѣнія дѣлаетъ вышеуказанный выводъ о включеніи въ понятіе права всевозможныхъ переживаній соотвѣтственнаго типа, можно указать страницы, гдѣ проф. Петражицкій говоритъ, что установленное имъ понятіе права не заключаетъ „въ себѣ вообще никакихъ ограниченій относительно содержанія акціонныхъ представленій“ („Теорія“, стр. 108), и посвящаетъ цѣлый параграфъ (именно 5-й) обзору неотносимыхъ обыкновенно къ праву вѣтвей правовой психики, упоминая тамъ на ряду съ прочими видами правовыхъ областей по-

веденія и о правѣ преступныхъ организацій, на каковое право, какъ на фактъ вытекающій изъ его точки зрѣнія и якобы не предвидѣнный имъ, указываетъ и г. Гинцбергъ.

При выясненіи особенностей эмоцій долга, по словамъ критика, проф. Петражицкій, „оперируя... постоянно словомъ «проекція»... не останавливается дольше на выясненіи его смысла“, считаетъ проецированіе просто фактомъ, тогда какъ проецированіе говоритъ о необходимости признанія „внутренняго раздвоенія нашего я“ и „означаетъ только выдѣленіе изъ нашихъ субъективныхъ переживаній нѣкотораго авторитетнаго начала, которое обращается къ другимъ переживаніямъ съ «велѣніями» и предъявляетъ имъ какъ бы извѣстныя требованія, чѣмъ собственно и опредѣляется специфическій характеръ нормативныхъ переживаній—ихъ императивность“ (38, 39).

Но, вопреки этимъ утвержденіямъ г. Гинцберга, на стр. 38 и слѣд. „Теоріи“ мы находимъ довольно подробное выясненіе того, что̀ такое проекція, и указаніе на различные виды ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ же выясняется, что проецированіе возможно и бываетъ не только въ области этики, но и въ области другихъ нормативныхъ переживаній и вообще на почвѣ самыхъ разнообразныхъ эмоцій, напр., на почвѣ страха, аппетита и т. д. (ср., напр., „страшный звѣрь“, „аппетитное блюдо“ и т. п.). Поэтому, надо полагать, императивность не можетъ быть объяснена фактомъ проецированія и не слагается изъ него. Скорѣе особенности проекцій (но не фактъ проецированія, какъ таковой) нѣкоторыхъ нормативныхъ переживаній объясняются ихъ императивностью. Напрасно г. Гинцбергъ также думаетъ, что его разговоры „о раздвоеніи нашего я“ объясняютъ психологическій фактъ проецированія: они не больше не меньше, какъ особая форма констатированія того же самаго факта.

Затѣмъ г. Гинцбергъ касается ученія о субъектахъ, объектахъ права, ученія о природѣ собственности. Здѣсь онъ снова открываетъ у проф. Петражицкаго „номиналистическія тенденціи“. Но и здѣсь открытіе дается ему путемъ искаженія содержанія критикуемаго имъ ученія. По его

словамъ, „субъектомъ права является у г. Петражицкаго всякое переживаемое нами представленіе, а тѣмъ самымъ и всякое подлежащее любого предложенія“, и „объектъ права существуетъ лишь постольку, поскольку онъ имѣетъ наименованіе, подъ которымъ кроется какое-нибудь переживаемое нами представленіе“ (стр. 41). Въ дѣйствительности же для существованія субъекта и объекта права вовсе не требуется наименованія, и подлежащія предложеній ни въ коемъ случаѣ не бываютъ и не могутъ быть по своей природѣ субъектами права. Это выдумка г. Гинцберга, которую онъ не подтверждаетъ, да и не могъ бы подтвердить, цитатами изъ сочиненій проф. Петражицкаго.

Характерно также „недоумѣніе“ автора вышеуказанныхъ измышленій по вопросу о различіи между обязанностью вообще и объектомъ обязанности. Въ психологической теоріи обязанность есть представляемое переживающимъ этическія эмоціи лицомъ состояніе связанности, несвободны, въ силу коего представляемое въ такомъ положеніи лицо должно совершить опредѣленныя дѣйствія, воздержанія или терпѣніе, а объектомъ обязанности является представляемое при этомъ обязательнымъ поведеніе (подлежащія дѣйствія, воздержанія или терпѣнія). Различіе между обязанностью и ея объектомъ, какъ видимъ, вполнѣ понятно и ни у кого не вызоветъ недоумѣній. Иначе обстоитъ дѣло у г. Гинцберга. Въ его передачѣ объектомъ обязанности, по ученію проф. Петражицкаго, является само „сознаніе правообязаннымъ необходимости совершить какое-нибудь дѣйствіе“ (стр. 45). Онъ отожествляетъ объектъ обязанности съ правовымъ переживаніемъ въ его цѣломъ составѣ и какимъ-то страннымъ образомъ ухитряется еще недоумѣвать о различіи между обязанностями и объектомъ ихъ, объясняя мнимую, имъ же самимъ созданную, непонятность въ ученіи проф. Петражицкаго слѣдующимъ образомъ: „Очевидно, что здѣсь боязнь передъ обусловленнымъ синтезомъ раздвоеніемъ между созидательной идеей и инертнымъ фактомъ внѣшняго міра опять заставила автора устранить послѣдній и вмѣстѣ съ тѣмъ признать самодовлѣющее значеніе за первой“ (стр. 45).

Абсурдный видъ и смыслъ придалъ г. Гинцбергъ и дѣленію обязанностей, нормъ и вообще нравственныхъ и правовыхъ переживаній на главныя и вспомогательныя. Въ ученіи объ объектѣ права проф. Петражицкій игнорируетъ, какъ выражается критикъ, соціальный субстратъ—внѣшній объектъ и внѣшнее дѣйствіе. „Но такъ какъ внѣшній объектъ и внѣшнее дѣйствіе все-таки нельзя выкинуть изъ правоотношенія, а мѣсто ихъ уже занято психическими переживаніями, то за ними приходится признать, по крайней мѣрѣ, вспомогательную роль. Такимъ образомъ, напр., въ обязанности не укрывать краденыхъ вещей главнымъ ея объектомъ, какъ думаетъ г. Петражицкій, будетъ воздержаніе вообще, а второстепеннымъ — воздержаніе отъ укрывательства“ (стр. 45).

Здѣсь все сплошной вымыселъ: правоотношеніе въ психологической теоріи есть нѣчто мыслимое, представляемое, такъ что внѣшній объектъ (физическіе предметы) и внѣшнія дѣйствія (тѣлодвиженія), какъ таковые, оттуда выкинуты совершенно, имъ не отводится даже и второстепенной роли. Съ другой стороны, внѣшній объектъ и внѣшнее дѣйствіе никакого отношенія къ дѣленію обязанностей, ихъ объектовъ, нормъ и т. д. на главныя и второстепенныя не имѣютъ. Вспомогательнымъ объектомъ будетъ такое представляемое, какъ должное, поведеніе, реализація котораго необходима для реализаціи другихъ (главныхъ) объектовъ обязанности. Напр., исполненіе обязанности уплатить другому причитающуюся ему сумму денегъ (главная обязанность и главный объектъ) предполагаетъ добываніе со стороны обязаннаго соотвѣтственной суммы денегъ, если ея нѣтъ у него въ распоряженіи, воздержаніе отъ расходованія ея на собственныя нужды или удовольствія, претерпѣваніе соотвѣтственныхъ лишеній и т. п. [1]). Если переживаніе обязанности будетъ распространено и на эти, вспомогательныя, дѣйствія, то соотвѣтственныя обязанности и объекты ихъ будутъ вспомогательными обязанностями и объектами по отношенію къ

[1]) Примѣръ проф. Петражицкаго.

обязанности уплатить сумму денегъ. Изъ смысла отношенія указанныхъ здѣсь вспомогательныхъ обязанностей и объектовъ ихъ къ главной обязанности и ея объекту ясно, насколько удаченъ для иллюстраціи подлежащаго дѣленія выдуманный г. Гинцбергомъ примѣръ обязанности не укрывать краденыхъ вещей. Съ точки зрѣнія проф. Петражицкаго, воздержаніе вообще, какъ объектъ обязанности, есть nonsens. Въ указанномъ примѣрѣ будетъ только одна обязанность— воздержаться отъ укрывательства краденыхъ вещей, а не двѣ, что необходимо для наличности главной и вспомогательной обязанностей.

Въ различеніи объекта обязанности отъ объекта права г. Гинцбергъ видитъ „разрывъ единаго объекта правоотношенія" и „уничтоженіе единства самаго правоотношенія". Такая постановка вопроса, по его мнѣнію, вытекаетъ изъ того, что „переживанія правообязанности и правомочія существуютъ отдѣльно въ двухъ индивидахъ" (стр. 46), и объясняется непризнаніемъ со стороны проф. Петражицкаго принципа синтеза. Но и тутъ утвержденія критика не вѣрны. Для наличности правового явленія и правоотношенія нѣтъ необходимости въ двухъ индивидахъ; достаточно, если одно лицо переживаетъ императивно-аттрибутивное сознаніе, напр., лицо А переживаетъ сужденіе, что лицо В обязано по адресу С, а это послѣднее имѣетъ право на соотвѣтственное поведеніе лица В.

Не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и замѣчанія г. Гинцберга по поводу опредѣленія проф. Петражицкимъ права собственности. Вопреки его утвержденіямъ, что проф. Петражицкій опредѣляетъ право собственности, какъ переживаніе правомочія, не давая ничего специфически выдѣляющаго изъ общаго опредѣленія права, мы въ опредѣленіи проф. Петражицкаго находимъ ясное указаніе на differentia specifica права собственности. Отличительная особенность этого права коренится въ содержаніи объектныхъ представленій, оно имѣетъ свой специфическій объектъ: „любое воздѣйствіе на вещь" и „свобода отъ посягательствъ на данную вещь" (см. „Теорія", стр. 194). Другое утвержденіе

критика, именно, что въ указанномъ опредѣленіи нѣтъ отвѣта на вопросъ, „что такое собственность какъ культурное благо“, не расходится съ истиной; но дѣло въ томъ, что вопросъ объ оцѣнкѣ собственности съ т. зр. культуры, значеніи ея для культуры, не относится къ опредѣленію самого понятія собственности [1]). Слѣдуетъ также отмѣтить, что опять-таки, вопреки утвержденію г. Гинцберга, проф. Петражицкій вовсе не относитъ политическія свободы къ разряду собственности и нигдѣ не называетъ ихъ „собственностью на идеальныя блага“. Съ его точки зрѣнія, политическія свободы—права sui generis, съ инымъ содержаніемъ объектныхъ представленій, чѣмъ право собственности; поэтому и всѣ связанныя съ этимъ утвержденія критика, будто бы проф. Петражицкій, относя политическія свободы къ собственности, „становится, такимъ образомъ, на точку зрѣнія стараго естественнаго права, для котораго право собственности вытекало изъ права на собственную личность“ и т. п.— покоятся на ложномъ основаніи.

Въ послѣднемъ раздѣлѣ своего „критическаго труда“ г. Гинцбергъ разбираетъ, какъ онъ говоритъ, проблему публично-правовыхъ отношеній. Прежде всего онъ останавливается на унификаціонной тенденціи права. Какъ извѣстно, по ученію проф. Петражицкаго, аттрибутивный (притязательный) характеръ правовой психики при индивидуальномъ и массовомъ несовпаденіи правовыхъ мнѣній и убѣжденій является источникомъ конфликтовъ и разнообразныхъ столкновеній. Съ этимъ на почвѣ соціально-культурнаго приспособленія связана и этимъ объясняется тенденція права къ такому развитію и приспособленію, которое ведетъ къ единству, объединенію мнѣній противостоящихъ сторонъ относительно взаимныхъ правъ и обязанностей. Эта тенденція носитъ названіе унификаціонной, или объединительной.

---

[1]) Культурное значеніе собственности выясняется проф. Петражицкимъ въ отдѣлѣ о частномъ и публичномъ правѣ.

По мнѣнію г. Гинцберга, указанная тенденція права нуждается „для теоріи права еще въ особой легитимаціи". Въ чемъ должна состоять эта „легитимація", онъ однако не объясняетъ. Затѣмъ, въ противовѣсъ возврѣнію проф. Петражицкаго объ унификаціонной тенденціи права, онъ утверждаетъ, что „не правовыя переживанія обусловливаютъ эту тенденцію, а обратно: опредѣленныя переживанія становятся правовыми лишь благодаря этому свойству и предназначенію ихъ содержанія" (стр. 48), другими словами, нѣчто постороннее для природы права, но только причинно связанное съ нею, онъ возводитъ въ сущность права и при этомъ находитъ возможнымъ говорить, что проф. Петражицкій смѣшиваетъ бытіе права съ объективной и всеобщей значимостью права, какъ соціальной нормы, вслѣдствіе чего эта значимость остается необъясненной, „между тѣмъ, искомое объясненіе уже дано въ самомъ фактѣ осуществленія правовой идеи". Въ поясненіе этого г. Гинцбергъ излагаетъ собственное, замысловатое воззрѣніе о томъ, что всякое нормативное переживаніе implicite заключаетъ въ себѣ мысль о подчиненіи чему-то стоящему надъ индивидомъ, при чемъ это подчиненіе, изъ котораго и слагается императивность нормативныхъ переживаній, образно мыслится какъ отношеніе по линіи вертикальной, входитъ въ составъ всякаго субъективнаго этическаго переживанія и есть не что иное, какъ объективное право; при этомъ и правовыя переживанія, касающіяся отношеній стоящихъ другъ возлѣ друга субъектовъ—въ плоскости горизонтальной—въ силу своего императивнаго характера, заключаютъ въ себѣ implicite отношеніе мыслимое въ плоскости вертикальной (стр. 49, 50).

Возвращаясь затѣмъ къ ученіямъ проф. Петражицкаго, „мы можемъ"—говоритъ критикъ—„установить, что отрицая объективное право, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сводитъ всѣ правоотношенія къ отношеніямъ въ плоскости горизонтальной" (стр. 52). Поэтому будто бы проф. Петражицкій „не имѣетъ возможности понять публично-правовую сторону правовыхъ явленій и вмѣстѣ съ тѣмъ оставляетъ необъяс-

ненной юридическую природу разныхъ формъ общежитія“ (стр. 52). Подтвержденіе вышеуказанному своему воззрѣнію г. Гинцбергъ находитъ въ ученіяхъ проф. Петражицкаго. Послѣдній, по его мнѣнію, касается публично-правового элемента и „разрѣшаетъ относящійся сюда вопросъ при разборѣ различныхъ видовъ правоотношеній. Такъ, онъ различаетъ на ряду съ правовыми переживаніями, укладывающимися въ схемы facere-accipere и non facere—non pati (положительныя и отрицательныя стороны отношеній по линіи горизонтальной), еще такія, которыя подходятъ подъ третью схему—pati-facere;—но при этомъ онъ не отдаетъ себѣ отчета въ отличіи первыхъ двухъ формулъ отъ послѣдней. Между тѣмъ разница намъ станетъ ясной, если мы обратимъ вниманіе въ этихъ схемахъ на положеніе субъекта facere, котораго назовемъ ихъ *активнымъ* [1]) членомъ“.

„Уже сама формулировка указываетъ, что въ первыхъ двухъ случаяхъ активный субъектъ переживаетъ «императивныя эмоціи», т. е. чувствуетъ себя обязаннымъ совершать дѣйствія (или воздерживаться) *въ пользу другихъ* [1]), а по третьей схемѣ—его переживанія носятъ характеръ чисто «аттрибутивный», т. е. онъ совершаетъ дѣйствія *въ свою* [1]) пользу. И вотъ, если схему pati-facere не мыслить какъ отношеніе по линіи вертикальной между индивидомъ и стоящей надъ нимъ общественной группой, если слить ее со схемами, мыслимыми по линіи горизонтальной, тогда пассивный членъ отношенія или субъектъ императивной эмоціи «терпѣнія» (pati) долженъ или совпасть въ одномъ лицѣ съ активнымъ субъектомъ,—или «всѣ люди въ мірѣ» должны быть признаны стоящими въ правовомъ отношеніи къ активнымъ субъектамъ“... (стр. 52, 53).

И эта критика съ точки зрѣнія „вертикальныхъ и горизонтальныхъ плоскостей“ проходитъ мимо истиннаго смысла и содержанія ученій проф. Петражицкаго. Здѣсь рѣчь идетъ о правовыхъ переживаніяхъ, но, какъ извѣстно, въ

---

[1]) Во всѣхъ случаяхъ курсивъ г. Гинцберга.

области права, согласно психологической теоріи, нѣтъ мѣ ста императивнымъ эмоціямъ; послѣднія находятся только въ области нравственности, такъ что и субъекты facere въ первыхъ двухъ случаяхъ переживаютъ не императивныя, а аттрибутивныя эмоціи. Во-вторыхъ, понятія „императив-ный“ и „аттрибутивный“ не корреспондируютъ понятіямъ дѣйствія „въ пользу другихъ“ и дѣйствія „въ свою пользу“: какъ переживающій императивныя эмоціи, такъ и пережи-вающій аттрибутивныя эмоціи, если это субъекты обязанности, то при исполненіи своихъ обязанностей они совершаютъ дѣйствія, воздерживаются или терпятъ что-либо въ пользу другихъ, по адресу другого, и только субъекты права и при томъ во всѣхъ видахъ правоотношеній (facere-accipere, non facere-non pati, pati-facere) притязаютъ и соотвѣтственно дѣйствуютъ въ свою пользу, по своему адресу. Непонятно, каковы основанія у г. Гинцберга сопоставлять положеніе субъектовъ facere въ указанныхъ трехъ видахъ правоотно-шеній; въ первыхъ двухъ это субъекты обязанности, въ третьемъ—субъектъ права, общаго у нихъ только то, что ко всѣмъ имъ примѣнимъ глаголъ facere. Смыслъ мо-жетъ имѣть сопоставленіе или только субъектовъ обязан-ности между собою (и тогда всѣ эти субъекты окажутся дѣйствующими, воздерживающимися или терпящими что-либо въ пользу другихъ), или субъектовъ права между собою. Если же подъ лицами, въ пользу которыхъ совер-шается обязательное поведеніе, критикъ подразумѣваетъ дестинатаровъ, то тогда его положеніе еще хуже, такъ такъ дестинатарами въ каждомъ изъ указанныхъ видовъ право-отношеній могутъ быть какъ субъекты права, такъ и субъ-екты обязанности, и даже другія лица, не субъекты право-отношенія, и слѣдовательно, не всегда субъектъ facere въ первыхъ двухъ случаяхъ (facere-accipere, non facere-non pati) будетъ дѣйствовать или воздерживаться въ пользу другихъ, а субъектъ facere въ третьемъ случаѣ (pati-facere)—въ свою пользу.

Невѣрно и то, что проф. Петражицкій разрѣшаетъ во-просъ о публично-правовомъ отношеніи при разборѣ ука-

занныхъ схемъ правоотношеній. Всѣ эти три типа правоотношеній имѣютъ мѣсто какъ въ области публичнаго, такъ и въ области частнаго права.

Въ заключеніе г. Гинцбергъ останавливается на опредѣленіи власти. Онъ и здѣсь находитъ сліяніе вертикальной и горизонтальной линій въ одну и отожествленіе всеобщей значимости нормъ съ ихъ переживаніемъ въ психикѣ многочисленныхъ индивидовъ. Но въ такомъ случаѣ, по его мнѣнію, проф. Петражицкій „принужденъ искать источника возведенія фактическихъ отношеній властованія въ правовыя у того же самаго субъекта, въ рукахъ котораго находится власть;—но вѣдь при такимъ условіяхъ теряется критерій для различенія фактическаго держанія власти отъ властованія въ правовомъ смыслѣ". Поэтому, чтобы спасти свое ученіе отъ пороковъ теоріи силы и теоріи воли держащаго власть, „онъ принужденъ для выясненія публично-правового существа власти ввести въ свое опредѣленіе цѣлевой гедонистическій элементъ и такимъ образомъ различать «служебную» или «соціальную» власть, для которой цѣлью является общее благо, и власть «господскую», для которой цѣль—личное благо" (стр. 55).

Въ дѣйствительности указанный критерій для различенія властей на соціальныя и господскія имѣетъ иное основаніе: указаніе на цѣль властованія введено проф. Петражицкимъ въ опредѣленіе власти не для выясненія публично-правового характера власти, а именно для различенія указанныхъ выше видовъ властей. Выяснять публично-правовой характеръ власти вообще ему нѣтъ надобности, потому что съ его т. зр. не всякая власть имѣетъ этотъ характеръ, а только та, которую онъ называетъ соціальной или служебной; господскія же власти имѣютъ частно-правовой характеръ. На почвѣ ученія проф. Петражицкаго о власти не можетъ быть и указаннаго критикомъ смѣшенія властованія въ правомъ смыслѣ съ фактическимъ держаніемъ власти. Власть и властованіе предполагаютъ соотвѣтственныя императивно-аттрибутивныя переживанія. Гдѣ нѣтъ этого правового основанія, тамъ нѣтъ и власти, а потому

само понятіе фактическаго держанія власти въ собственномъ смыслѣ есть nonsens; это выраженіе можно понимать лишь условно, какъ такое положеніе вещей, когда акты властвованія совершаются, не имѣя подъ собою базиса изъ правовыхъ переживаній.

Въ связи съ указанными разсужденіями и на почвѣ того, что проф. Петражицкій будто бы „говоритъ объ іерархически высшей власти (т. е. государственной), какъ объ обязанной къ заботѣ объ общемъ благѣ *по отношенію къ подвластнымъ*“ (стр. 56), г. Гинцбергъ убѣждается, что проф. Петражицкій приближается къ соціально-философскому атомизму и связанному съ нимъ договорному началу; но указанный выводъ о договорномъ началѣ и т. п., очевидно, изъ приведеннаго критикомъ положенія вовсе не вытекаетъ и вообще никакого отношенія къ договорамъ не имѣетъ. Въ дѣйствительности же проф. Петражицкій къ теоріи общественнаго договора относится отрицательно, что видно уже изъ его критики теорій „общей воли“ (см. „Теорія“ § 20).

Можно было бы привести еще много иллюстрацій того искаженія, которому подверглись ученія проф. Петражицкаго подъ перомъ г. Гинцберга, но представленный нами выше разборъ его критики и такъ достаточно ясно показываетъ, въ сколь поразительной степени эта критика не соотвѣтствуетъ подлинному содержанію критикуемыхъ ученій.

Сверхъ разсмотрѣнныхъ выше критическихъ замѣчаній, покоящихся на несоотвѣтствующемъ подлинному содержанію разбираемыхъ ученій изображеніи ихъ, критика г. Гинцберга включаетъ въ себя еще различныя утвержденія чистословеснаго характера въ наихудшемъ неокантіанскомъ стилѣ безъ какого либо яснаго смысла и содержанія, представляющія собою не больше, какъ словесную эквилибристику, а также утвержденія и замѣчанія, лишенныя этого стиля, но тѣмъ не менѣе тоже лишенныя смысла. Разбираться въ подобныхъ квази-научныхъ положеніяхъ нѣтъ ни охоты, ни нужды; для нашей цѣли достаточно того, что уже было сказано выше.

Критика г. В. Поппе.

Одною изъ наиболѣе новыхъ является критика г. Поппе, изложенная авторомъ въ брошюрѣ—„Критика методологическихъ основъ теорій права и нравственности профессора Л. І. Петражицкаго", 1912 г. Къ сожалѣнію, у автора этого критическаго произведенія, какъ и у предыдущаго критика, г. Гинцберга, мы не находимъ и слѣдовъ серіознаго и научнаго отношенія къ дѣлу. Вся критика его построена, съ одной стороны, на упрекахъ по адресу проф. Петражицкаго, что онъ не примѣшалъ къ своему ученію разныхъ постороннихъ темъ, съ другой стороны, на пріемахъ, не отвѣчающихъ задачамъ науки и научной критики.

Прежде всего, мы находимъ у г. Поппе цѣлую коллекцію упрековъ относительно отсутствія въ ученіи проф. Петражицкаго гносеологіи, опредѣленія и выясненія природы реальности и т. п. философскихъ вопросовъ.

Первый раздѣлъ его критики начинается упрекомъ: „я былъ увѣренъ, что проф. Петражицкій считаетъ теорію познанія основою всякаго разслѣдованія по другимъ отраслямъ знанія и либо дастъ намъ полную переработку теоріи познанія... либо примкнетъ къ какой-нибудь изъ философскихъ системъ и положитъ теорію познанія означенной философской системы въ основу своихъ построеній. Но когда я прочелъ трудъ проф. Петражицкаго до конца, я убѣдился, что авторъ не разрѣшаетъ ни единаго гносеологическаго вопроса и что для него существуетъ только эмпирическое знаніе, а всякое другое, т. е. не только трансцендентное или спекулятивно - метафизическое, но и трансцендентальное или апріорное имъ отрицается и признается ненаучнымъ" (стр. 5, 6).

Затѣмъ идутъ длинныя разсужденія на эту тему, заканчивающіяся на стр. 22 заключеніемъ: „Такое игнорированіе профессоромъ Петражицкимъ апріорнаго или трансцендентальнаго знанія становится губительнымъ для его дальнѣйшихъ гносеологическихъ построеній, и можно только уди-

вляться Максиму Максимовичу Ковалевскому, ставящему въ своей критической статьѣ профессору Петражицкому въ заслугу, что «методы его отличаются той строгой объективностью, которая исключаетъ, разумѣется, всякую мысль объ апріорности»—какъ будто апріорность и объективность другъ друга исключаютъ".

Второй раздѣлъ критики г. Поппе начинается новымъ упрекомъ: „Приступая къ опредѣленію сферы бытія правовыхъ явленій, профессоръ Петражицкій признаетъ таковою сознаніе нашего «я». Однако напрасно мы стали бы доискиваться въ трудѣ профессора Петражицкаго разрѣшенія вопросовъ: что такое «сознаніе» и что разумѣетъ подъ нашимъ «я»? Тождественно ли наше «я» съ сознаніемъ или же «я» и сознаніе нѣчто различное..." (стр. 22).

Затѣмъ идетъ демонстрація эрудиціи автора на эту тему по Teichmüller'у и русскому переводу психологіи Гербарта, изъ которой для образованнаго человѣка видно, что авторъ самъ совсѣмъ не въ курсѣ дѣла и не имѣетъ представленія о трудности и многообразіи подлежащихъ вопросовъ и о состояніи ихъ въ философской литературѣ.

Тутъ же находимъ упрекъ въ отсутствіи опредѣленія понятія реальности (выясненія природы реальности).

Затѣмъ слѣдуетъ упрекъ по поводу замѣчаній проф. Петражицкаго о нерезонности исканія подлежащихъ (субъектовъ) предложеній или сужденій во внѣшнемъ мірѣ, въ прихожей и т. д. (съ сообщеніемъ этого тезиса въ искаженномъ видѣ). Разсужденія на эту тему заканчиваются слѣдующимъ заключеніемъ уже въ злобномъ и презрительномъ стилѣ: „Нѣтъ,—вопросы, подобные вышеупомянутымъ, не могутъ быть разрѣшены приведеніемъ какихъ-то примѣрчиковъ и голословными утвержденіями объ аналогіи между теоріей права и формальной логикой или грамматикой, а требуютъ для своего рѣшенія серьезныхъ спекулятивныхъ изысканій по вопросу о томъ, что такое «бытіе», безъ чего, конечно, не отличить логическаго или идейнаго бытія отъ реальнаго и субстанціальнаго" (стр. 28, 29).

Раздѣлъ III критики начинается тезисомъ: „Не разрѣ-

шивъ проблемы нашего «я», проф. Петражицкій не разрѣшилъ также чрезвычайно важной какъ для соціологіи, такъ и для теоріи права проблемы чужого «я»" (стр. 29). Этому тезису и посвященъ раздѣлъ III до конца, на стр. 41.

По поводу всей этой „философской" критики г. Поппе слѣдуетъ сказать, какъ уже выше (стр. 19) было подробно выяснено, что дѣло заключается не въ отрицаніи со стороны проф. Петражицкаго всякаго иного знанія, кромѣ эмпирическаго, а въ строгомъ и послѣдовательномъ раздѣленіи темъ и проблемъ по принципу адэкватности, въ неприпутываніи къ опытному знанію, въ предѣлахъ коего вращается проф. Петражицкій, постороннихъ вопросовъ гносеологіи, метафизики и т. д.

Въ раздѣлѣ IV своей брошюры г. Поппе послѣ вводныхъ прелюдій переходитъ къ критикѣ опредѣленія проф. Петражицкимъ классоваго понятія. Процитировавъ это опредѣленіе, гласящее, что „подъ общимъ или классовымъ понятіемъ слѣдуетъ разумѣть идею такихъ предметовъ, которые обладаютъ извѣстными признаками, т. е. идею всего того, что мыслимо, какъ обладающее извѣстными признаками,"— критикъ спрашиваетъ: „Но что разумѣть подъ терминомъ «идея»? Вѣдь «идея» синонимъ понятія. Значитъ проф. Петражицкій опредѣляетъ: «понятіе» есть «понятіе». Мы имѣемъ здѣсь на лицо самый грубый видъ circuli in definiendo, извѣстный въ элементарной логикѣ подъ названіемъ idem per idem или «тавтологіи въ опредѣленіи»" (стр. 45, 46).

Въ случаѣ знакомства съ логикою или хотя бы внимательнаго чтенія и уразумѣнія объясненій проф. Петражицкаго по поводу такихъ опредѣленій (x=x+a) критикъ могъ бы указать, что здѣсь имѣется нѣчто значительно худшее, чѣмъ definitio per idem. Но только въ опредѣленіи проф. Петражицкаго ни указываемой авторомъ, ни подлежавшей указанію логическихъ несообразностей, конечно, нѣтъ. Всякому знакомому съ психологіей, съ традиціоннымъ ученіемъ объ ассоціаціи идей и т. д. извѣстно, что терминъ идея обозначаетъ не *понятія*, а *представленія*. Такимъ образомъ и въ томъ случаѣ, если бы у проф. Петражицкаго не

было соотвѣтственныхъ поясненій относительно термина „идеи“, относительно того, что онъ понятія считаетъ однимъ изъ видовъ представленій и т. д. (о чемъ ниже), все-таки для образованныхъ людей ясно, что его опредѣленіе не заключаетъ въ себѣ логической нелѣпости типа x=x+a (понятіе есть понятіе + такіе-то признаки), а, напротивъ, логически вполнѣ корректно: понятія суть представленія (genus proximum), отличающіяся такимъ-то содержаніемъ (differentia specifica).

Можетъ-быть, по правилу предположенія добросовѣстности, пока не доказано противное, дѣло можно и слѣдуетъ объяснять добросовѣстнымъ заблужденіемъ на почвѣ недостатка психологической образованности, подобно разнымъ психологическимъ искаженіямъ въ критикѣ другихъ авторовъ? Хотя г. Поппе и не дѣлаетъ подтверждающаго это и обезоруживающаго сообщенія, что несвѣдущъ въ психологіи, и даже обѣщаетъ доставить („готовится къ печати“) „Критику психологическихъ основъ теорій права и нравственности проф. Л. І. Петражицкаго“, тѣмъ не менѣе его критика подтверждаетъ, въ его пользу, что для него психологія terra incognita, чуждое и непривычное дѣло, и на этой почвѣ онъ вообще не понялъ смысла и содержанія и общаго психологическаго ученія, и психологической теоріи права проф. Петражицкаго. Такъ, онъ смѣшиваетъ аттрибутивность, притязательность—специфическую особенность права, правовой психики, съ претерпѣвательно-моторною, пассивно-активною природою (pati-movere) эмоцій вообще, въ томъ числѣ и не правовыхъ, полагаетъ, что для критики и „перестройки“ ученій психологіи „исходнымъ пунктомъ, само собою разумѣется, для него (проф. Петражицкаго) послужилъ признакъ аттрибутивности, или pati-movere, какъ онъ называетъ его по латыни“ (стр. 66). Такъ какъ „критика“ этого воображаемаго, въ высшей степени нелѣпаго съ психологической точки зрѣнія, при такомъ пониманіи, ученія уже „готовится къ печати“, то предположеніе, что авторъ еще не читалъ книги, которую обѣщаетъ раскритиковать, исключено и остается только вы-

водъ, что читалъ, но не понялъ. Съ этой точки зрѣнія можно было бы предположить, что критическія выступленія г. Поппе по поводу примѣненія проф. Претражицкимъ слова „идея“ покоятся на заблужденіи вслѣдствіе незнакомства съ психологіей, въ частности незнанія смысла термина „идея“ въ психологіи, и можетъ быть почва только для упрека въ легкомысленномъ литературномъ выступленіи безъ достаточныхъ познаній и пониманія того, о чемъ человѣкъ берется писать и судить.

Къ сожалѣнію, дѣло представляется въ значительно худшемъ и болѣе печальномъ видѣ, если принять во вниманіе другія обстоятельства.

Во-первыхъ, то обстоятельство, что въ текстѣ критикуемой г. Поппе книги имѣются для несвѣдущихъ въ психологіи спеціальныя и прямыя поясненія и относительно того, что терминъ „идея“, ассоціаціи „идей“ и т. д. въ психологіи означаетъ „представленія“, ассоціаціи „представленій“ и т. д., и относительно того, что по ученію Петражицкаго о природѣ понятій, послѣднія являются видомъ (не понятій, конечно, не самихъ себя, что было бы нелѣпо, а) представленій, и этимъ устраняется почва для добросовѣстныхъ недоразумѣній и лжетолкованій и со стороны несвѣдущихъ, даже не слышавшихъ раньше слова „идея“ или приписывавшихъ этому слову на почвѣ житейскаго словоупотребленія или т. п. иной смыслъ.

Такъ, въ § 8 критикуемаго г. Поппе „Введенія“, на стр. 123 (3-го изд., стр. 143 1-го изд., которымъ пользуется критикъ) напечатано: „Относительно представленій развилась исторически и играетъ большую роль въ психологіи теорія, называемая ученіемъ объ ассоціаціи идей (представленій) или «законами ассоціаціи»“. Затѣмъ во „Введеніи“ же имѣется изложеніе и критика подлежащаго ученія, естественно и необходимо дальше на каждомъ шагу подкрѣпляющая и закрѣпляющая въ памяти и совершенно незнакомыхъ съ психологіей знаніе, что идеи = представленія, напр., нѣсколькими строками дальше говорится: „процессъ, состоящій въ появленіи разныхъ представленій и ихъ ря-

довъ подъ вліяніемъ предыдущихъ воспріятій и представленій, называется ассоціативнымъ теченіемъ идей. Разные случаи связи и вызыванія однѣхъ идей другими психологи сводятъ къ двумъ видамъ ассоціаціи" и т. д. Независимо отъ этого, спеціально относительно понятій и того психологическаго класса, видомъ котораго они являются, на стр. 125 „Введенія" напечатано: „Понятія, какъ видно изъ изложеннаго выше, играютъ особую и весьма важную практическую роль въ области науки и мышленія вообще и требуютъ поэтому особаго вниманія и изученія въ области логики и методологіи; но съ психологической точки зрѣнія понятія представляютъ не нѣчто отличное отъ представленій, а представленія или сочетанія представленій (представленія классовъ съ такими или иными, представляемыми, свойствами), поэтому ихъ столь же неосновательно возводить въ особую психологическую категорію на ряду съ представленіями, какъ"... и т. д. И въ разныхъ другихъ мѣстахъ и въ другихъ формахъ и относительно „идей" и относительно „понятій" изложеніе проф. Петражицкаго съ полной ясностью и опредѣленностью исключаетъ приписываніе ему того, что приписываетъ г. Поппе съ послѣдующими издѣвательствами и тріумфами на такой почвѣ, но и приведенныхъ текстовъ, очевидно, болѣе чѣмъ достаточно.

Констатировавъ выясненнымъ выше способомъ тавтологію въ опредѣленіи классоваго понятія, г. Поппе заявляетъ:

„Мнѣ могутъ возразить, что для проф. Петражицкаго терминъ «идея» вовсе не есть синонимъ термина «понятіе». Въ такомъ случаѣ я попрошу мнѣ указать, въ какомъ мѣстѣ своего труда проф. Петражицкій объясняетъ, что такое «идея»? Такого объясненія въ трудахъ проф. Петражицкаго нѣтъ и, если адепты его не согласны съ тѣмъ, что «идея» и понятіе синонимы, то я ихъ принудилъ признаться, что проф. Петражицкій грѣшитъ противъ основного правила элементарной логики, по которому въ опредѣленіи должны употребляться только такіе термины, значеніе которыхъ вполнѣ

ясно и опредѣленно или тутъ же опредѣляется, а не слѣдуетъ пользоваться терминами неясными, метафорическими или имѣющими нѣсколько различныхъ значеній.

Не меньшею неясностью и неопредѣленностью страдаетъ выраженіе «обладающее извѣстными признаками». Что разумѣть подъ терминомъ «извѣстными»?" (стр. 46).

И дальше идетъ разсужденіе на тему о смыслѣ слова „извѣстными". Если бы авторъ могъ воспользоваться другимъ опредѣленіемъ со стороны проф. Петражицкаго природы понятій (съ психологической точки зрѣнія), приведеннымъ нѣсколько выше: „представленія классовъ съ такими или иными, представляемыми, свойствами" (что было невозможно, такъ какъ разоблачило бы манипуляцію на почвѣ слова „идея"), то была бы еще болѣе благодарная тема для критики и недоумѣвающихъ вопросовъ. Здѣсь вмѣсто *извѣстными* признаками сказано *такими или иными*, представляемыми, свойствами. И вотъ благодарная тема для философской критики. Гдѣ выясненіе и гносеологическая критика понятія „такой"? Проф. Петражицкій, повидимому, не подозрѣваетъ, что „такой" можетъ означать качество или количество и что качество и количество—гносеологическія категоріи, о которыхъ имѣется цѣлая философская литература. А „или"? Гдѣ гносеологическое опредѣленіе и критика альтернативности? Я берусь доказать, что проф. Петражицкій примѣняетъ „или" еще и во многихъ другихъ мѣстахъ, а опредѣленія напрасно искать... А „иной", категорія различенія и сравненія... А синтезъ этихъ трехъ элементовъ: такой + или + иной! Пусть адепты проф. Петражицкаго покажутъ мнѣ, гдѣ находится выясненіе всего этого! Они, можетъ-быть, думаютъ, что я—такъ себѣ, Поппе и больше ничего. А я, вотъ смотрите, уничтожилъ Петражицкаго и мимоходомъ и Максима Ковалевскаго. И другимъ неповадно будетъ заниматься изслѣдованіями и дѣлать какія-то открытія. Придетъ Поппе, разнесетъ, разругаетъ. Вотъ онъ каковъ! Знай нашихъ!

Такія же явленія, какъ манипуляціи со словомъ „идея", и еще болѣе неприглядныя систематически повторяются и

въ другихъ частяхъ литературнаго произведенія г. Поппе, и этими средствами въ глазахъ читателей, не знающихъ и не подозрѣвающихъ, въ чемъ дѣло, исходящихъ изъ естественной презумпціи добросовѣстности, дискредитируется критикуемое ученіе и личность автора этого ученія и создаются разные кажущіеся критическіе эффекты и тріумфы для г. Поппе.

Между приведенными въ текстѣ главными, начальными и заключительными, тезисами-упреками относительно неразсмотрѣнныхъ у проф. Петражицкаго философскихъ проблемъ, а равно дальше, послѣ этихъ тезисовъ, находятся разсужденія, переполненныя литературными выходками, построенными по тому же шаблону, какъ по поводу слова „идея“, или въ нѣсколько иной формѣ, съ примѣненіемъ иныхъ средствъ дискредитированія.

Такъ, въ связи съ первымъ упрекомъ относительно неразсмотрѣнія гносеологіи, между приведенными выше, на стр. 120, начальною и заключительною формулировками этого упрека, г. Поппе останавливается на положеніи, высказанномъ проф. Петражицкимъ въ связи съ вопросомъ о мотивацiи поведенія и свободѣ воли, о недопустимости примѣняемаго въ этой области и въ другихъ областяхъ Кантомъ и неокантіанцами постулятнаго метода, вывода изъ практическихъ постулятовъ теоретическихъ тезисовъ. Во „Введеніи“ на стр. 153 говорится: „Нелогично, нелѣпо обосновывать наличность чего-либо тѣмъ, что мы въ немъ нуждаемся, хотя для этой формы смѣшенія теоретической и практической точки зрѣнія и имѣется въ распоряженіи громкое слово «постулятъ» и авторитетный образецъ—философія Канта. Что бы мы сказали о такомъ охотникѣ, который бы, заглянувъ на мѣстѣ охоты въ сумку и увидѣвъ, что тамъ нѣтъ зарядовъ, успокоилъ себя разсужденіемъ: я явился на охоту и имѣю въ виду стрѣлять дичь, но для этого необходимо постулировать наличность зарядовъ, независимо отъ того, есть ли они фактически въ сумкѣ или я ихъ забылъ дома; если я желаю охотиться, я долженъ необходимо исходить изъ наличности зарядовъ. Стрѣляніе такими, по-

стулятными, зарядами было бы невиннымъ, въ частности совершенно безопаснымъ для дичи, занятіемъ; но если такимъ дѣломъ занимаются"... и т. д.

Казалось бы тезисъ ясный и простой, столь же мало могущій возбудить недоразумѣнія, какъ тезисъ о неумѣстности исканія логическихъ субъектовъ или грамматическихъ подлежащихъ въ прихожей и т. д. И представители неокантіанской критики ученія проф. Петражицкаго, хотя дѣло идетъ объ очень важномъ для нихъ вопросѣ, о выясненіи несостоятельности ихъ метода съ элементарно-логической точки зрѣнія, до сихъ поръ понимали, въ чемъ дѣло, и или обходили этотъ вопросъ, или, признавая правильность тезисовъ проф. Петражицкаго по существу, пытались доказать, что его упрекъ правиленъ по адресу Зигварта и др., но не относится къ той разновидности неокантіанства, къ которой принадлежатъ они.

Иначе поступаетъ г. Поппе. Онъ приходитъ въ недоумѣніе по поводу содержанія, по поводу смысла самого приведеннаго выше методологическаго тезиса, а именно не знаетъ, что значатъ имѣющіяся въ немъ слова „теоретической и практической точки зрѣнія", устраиваетъ разныя несообразныя гаданія на эту тему, приписываетъ этимъ словамъ произвольно разные нелѣпые и не сходящіеся другъ съ другомъ смыслы и на этой почвѣ объявляетъ: „Въ виду такой путаницы въ пониманіи проф. Петражицкимъ понятій теоретической и практической точекъ зрѣнія, приходится упрекъ въ смѣшеніи этихъ точекъ зрѣнія, дѣлаемый имъ критицизму, признать неосновательнымъ" (стр. 11).

Но, независимо отъ того, что смыслъ упрека проф. Петражицкаго ясенъ самъ по себѣ и безъ подавшихъ поводъ для гаданій и недоумѣній словъ „теоретической и практической точки зрѣнія", что затѣмъ и смыслъ этихъ словъ, противопоставленія теоретической и практической точекъ зрѣнія, всякому мало-мальски образованному долженъ былъ бы быть яснымъ и безъ особыхъ объясненій съ его стороны, почва для добросовѣстнаго недоумѣнія, а тѣмъ

болѣе для произвольнаго приписыванія какихъ-либо неподходящихъ смысловъ, абсолютно исключена тѣмъ, что въ томъ же мѣстѣ изложенія у проф. Петражицкаго по адресу начинающихъ въ области науки, несвѣдущихъ и могшихъ забыть помѣщенныя имъ раньше подробныя объясненія о практической и теоретической точкахъ зрѣнія и ихъ смѣшеніи, имѣется соотвѣтственное краткое, повторное объясненіе, начинающееся словами: „Теоретическіе вопросы, вопросы о томъ, что есть или бываетъ"... и кончающееся словами: „...методологическій промахъ смѣшенія теоретической и практической точки зрѣнія, ср. выше, стр. 53 и сл.)", т. е. указаніемъ на предыдущее, подробное и обстоятельное, выясненіе природы и этихъ точекъ зрѣнія и недопустимости ихъ смѣшенія. Мало того, въ виду большой роли во „Введеніи" и въ „Теоріи" понятія „теорія", „теоріи" (какъ и строгаго проведенія различенія, несмѣшенія практической и теоретической точекъ зрѣнія въ обоихъ книгахъ), еще разъ, въ связи съ опредѣленіемъ понятія „теорія", стр. 66 и прим. на стр. 66 и 67, дано опредѣленіе различія теоретической и практической точекъ зрѣнія, а въ „Теоріи права" § 46 предлагается классификація наукъ, исходящая изъ формулированнаго explicite еще разъ различія теоретической и практической точекъ зрѣнія. Можно добросовѣстно упрекать развѣ за излишнее повтореніе, а не за отсутствіе подлежащихъ объясненій. И сильнѣйшая презумпція добросовѣстности такимъ поведеніемъ г. Поппе явно опровергается.

Въ связи съ дальнѣйшимъ главнымъ упрекомъ, что у проф. Петражицкаго нѣтъ опредѣленія понятія реальности, хотя онъ говоритъ по поводу исканія подлежащаго въ прихожей о наивности и т. д., критикъ занимается такими же гаданіями на тему, не считаетъ ли проф. Петражицкій реальнымъ только психику, приписываетъ послѣднему и говоритъ отъ своего имени разныя несообразности и т. д., хотя для этого абсолютно нѣтъ никакой благовидной почвы, хотя методологическое изложеніе (§ 3) проф. Петражицкаго начинается тезисомъ: „Основной методъ изученія явленій

какъ физическаго, такъ и духовнаго міра состоитъ, какъ уже упомянуто выше, въ наблюденіи", и вездѣ, на каждомъ шагу, ясно и отчетливо проводится опытная точка зрѣнія, точка зрѣнія научнаго реализма, исключающая метафизическія точки зрѣнія признанія за реальное только психики или только матеріи, стоящая на почвѣ именно опыта и признанія и изученія, какъ реальнаго, того, о наличности чего свидѣтельствуетъ опытъ, стало-быть, одинаково какъ психическихъ явленій (данныхъ внутреннимъ опытомъ), такъ и физическихъ (данныхъ внѣшнимъ опытомъ). И къ тому же уже по поводу упрека проф. Хвостова объ отсутствіи опредѣленія природы реальности мною (въ брошюрѣ – „Новая теорія права и нравственности, ея критики и монистическое пониманіе этики", 1910) было выяснено, что поводовъ для подобныхъ недоумѣній нѣтъ, съ указаніемъ на мѣста книгъ проф. Петражицкаго, устраняющія такія недоумѣнія. Но г. Поппе заявляетъ по этому поводу, что проф. Хвостовъ, а съ нимъ и каждый читатель требуетъ и имѣетъ право требовать не краткихъ указаній, а подробной разработки понятія реальнаго (стр. 23, 24), и дальше, какъ ни въ чемъ не бывало, занимается своими несообразными съ умственной и неприглядными съ этической точки зрѣнія манипуляціями.

По поводу опредѣленія проф. Петражицкимъ классовыхъ понятій, въ отдѣлѣ критики, посвященномъ этому опредѣленію, кромѣ манипуляціи относительно слова „идея", заключающейся въ подстановкѣ вмѣсто одного понятія другого (именно вмѣсто „представленіе"—„понятіе"), и дальнѣйшихъ замѣчаній, перепечатанныхъ выше, имѣются еще разныя полемическія манипуляціи на тему о томъ, что такое классъ и какое отношеніе имѣется по ученію проф. Петражицкаго между понятіемъ класса и классомъ.

Во „Введеніи" слѣдующія строчки за перепечатаннымъ выше, стр. 122, опредѣленіемъ классоваго понятія, какъ идеи такихъ предметовъ, которые обладаютъ извѣстными признаками и т. д., гласятъ: „Подъ классомъ (разрядомъ, родомъ, видомъ и т. д.) слѣдуетъ разумѣть объекты идей

такого рода, т. е. всѣ тѣ предметы (вещи, явленія и т. д.), которые обладаютъ или мыслимы какъ обладающіе соотвѣтственными свойствами. Напр., идея всѣхъ такихъ предметовъ, которые имѣютъ бѣлый цвѣтъ, есть классовое понятіе, а именно, понятіе класса бѣлыхъ предметовъ. Составляютъ этотъ классъ всѣ предметы, которые обладаютъ этимъ цвѣтомъ или мыслимы, какъ обладающіе такимъ цвѣтомъ

Отнюдь не слѣдуетъ думать, будто классовыя понятія обнимаютъ только реально существующіе предметы, такъ что классы составляютъ болѣе или менѣе многочисленные реальные предметы" и т. д.—продолжаются объясненія.

Казалось бы, ясно, что разумѣетъ проф. Петражицкій подъ классомъ и каково отношеніе между классовымъ понятіемъ (или опредѣленіемъ) и его объектомъ, самимъ классомъ. Но г. Поппе считаетъ возможнымъ утверждать, что будто бы „проф. Петражицкій называетъ классомъ то, что континентальными логиками называется объемомъ понятія" (стр. 47), и заявляетъ дальше, что проф. Петражицкій, „давъ намъ опредѣленіе класса, какъ о б ъ е м а понятія... заявляетъ на стр. 98 своего труда, что понятіе есть опредѣленіе класса, т. е. понятіе есть опредѣленіе своего объема. Получается нѣчто непостижимое"... (стр. 49) и, продолжая еще подлежащія манипуляціи, позволяетъ себѣ въ концѣ раздѣла говорить на такой почвѣ о „смѣшеніи понятій" съ его стороны, о „сумбурныхъ свѣдѣніяхъ" и т. п. (стр. 51). Какъ явствуетъ изъ даннаго проф. Петражицкимъ опредѣленія класса и дальнѣйшихъ поясненій, подъ классомъ онъ разумѣетъ не какія бы то ни было свойства понятія, его объемъ или т. п., а самые опредѣляемые объекты, такъ что всѣ сюда относящіяся полемическія манипуляціи г. Поппе столь же мало соотвѣтствуютъ дѣйствительности, какъ и предыдущія.

Но еще непригляднѣе то, что слѣдуетъ за этими, достаточно некрасивыми, манипуляціями.

Дальше г. Поппе занимается съ помощью передержекъ и подстановокъ понятій перетолковываніемъ ученія проф. Петражицкаго объ образованіи понятій, принципіально от-

личнаго отъ традиціоннаго ученія объ обозрѣніи предметовъ даннаго класса, нахожденіи сходствъ, абстракціи и т. д., въ направленіи созданія внѣшняго вида совпаденія съ этимъ, критикуемымъ проф. Петражицкимъ, какъ несообразное и фактически непримѣнимое, ученіемъ (ср. въ особенности весьма прозрачныя манипуляціи съ понятіемъ „абстракціи“ и т. д. на стр. 60 и 61 съ содержаніемъ изложенія проф. Петражицкаго въ §§ 4—6 „Введенія“) [1]; а затѣмъ онъ заимствуетъ изъ „Логики, какъ части теоріи познанія,“ проф. Введенскаго понятіе „интуитивнаго“ мышленія, состоящее въ томъ, что „интуитивное мышленіе совершается такъ, что выводъ его признается обязательнымъ только тѣмъ самымъ лицомъ, которое добыло этотъ выводъ путемъ интуитивнымъ (да и то не всегда, а часто лишь нѣкоторое время, а потомъ мы перестаемъ чувствовать его силу)—и при этомъ мы еще не понимаемъ, что этотъ выводъ долженъ быть такимъ, а не другимъ, и не въ состояніи доказать его обязательность другимъ лицамъ. Мы только чувствуемъ, но еще не понимаемъ, что онъ долженъ быть такимъ, а не инымъ“ (стр. 62). Пользуясь этимъ понятіемъ, онъ выставляетъ утвержденіе, что въ отличіе отъ представителей современной логики „проф. Петражицкій занялся исключительно интуитивнымъ мышленіемъ, хотя тоже не упоминаетъ объ указанномъ здѣсь различіи (интуитивнаго мышленія отъ иного, «дискурсивнаго»), и его методологія представляетъ собою попытку дать намъ методы интуитивнаго мышленія“ (стр. 63). Затѣмъ онъ произвольно приписываетъ проф.

[1]) Все это не мѣшаетъ г. Поппе утверждать, что вообще по способу проф. Петражицкаго образованіе понятій невозможно (стр. 58) и что ничто не мѣшаетъ по его схемѣ образовать и понятія „треугольнаго счастья“ и „четыреугольной любви“. По поводу этихъ изобрѣтеній г. Поппе слѣдуетъ сказать, что понятія съ комбинаціей противорѣчій, несовмѣстимыхъ признаковъ и съ точки зрѣнія проф. Петражицкаго логически неправильны. Само собою разумѣется, что не слѣдуетъ вводить какихъ-либо логическихъ погрѣшностей, противорѣчій и т. п. Предлагая свою схему для образованія понятій, проф. Петражицкій не выбрасываетъ за бортъ законовъ логическаго мышленія. Созданіе по его схемѣ понятій „треугольнаго счастья“ и „четыреугольной любви“ должно быть отнесено на счетъ остроумія критика.

Петражицкому и даже подробно описываетъ особый порядокъ появленія его идей, проводимыхъ во „Введеніи“ и въ „Теоріи“. Дѣло началось, по сообщеніямъ Поппе, съ открытія на почвѣ изученія гражданскаго права аттрибутивной природы юридическихъ нормъ, а затѣмъ на этой почвѣ проф. Петражицкій построилъ, пользуясь „признакомъ аттрибутивности, или pati-movere“, теорію эмоцій, какъ двусторонникъ психическихъ актовъ и т. д., т. е. авторъ позволяетъ себѣ разсказывать о процессѣ хода идей въ чужой душѣ, какъ если бы онъ тамъ былъ, не понявъ еще этихъ идей, ихъ связи и т. д. и сочиняя на почвѣ этихъ недоразумѣній. Но само основное, иллюстрируемое этимъ нелѣпымъ разсказомъ, утвержденіе, что будто проф. Петражицкій занимается „исключительно интуитивнымъ мышленіемъ“, пытается „дать намъ методы интуитивнаго мышленія“, совершенно произвольно и противорѣчитъ предыдущему собственному утвержденію критика о совпаденіи методологіи Петражицкаго съ господствующею, и по существу несообразно. въ виду содержанія самого понятія „интуитивнаго мышленія“, исключающаго вообще какіе бы то ни было „методы“ (какъ видно изъ другихъ замѣчаній, онъ смѣшиваетъ приведенное имъ понятіе „интуитивнаго мышленія“, мышленія безъ правилъ, и соотвѣтственныя, исключаемыя самимъ понятіемъ, правила съ понятіемъ научныхъ открытій и руководствомъ къ производству таковыхъ). Затѣмъ г. Поппе съ помощью примѣняемой имъ и раньше передержки, состоящей въ изображеніи дѣла такъ, будто, по ученію проф. Петражицкаго, подстановка въ схему „все, что обладаетъ признакомъ *a*,“ вмѣсто *a* любыхъ признаковъ уже даетъ въ результатѣ научныя понятія (стр. 69, ср. тамъ же, стр. 54), доказываетъ (опять-таки вопреки прежнему утвержденію о совпаденіи ученія проф. Петражицкаго съ прежними), что это ученіе даетъ только почву для случайно удачныхъ догадокъ и въ этомъ отношеніи не лучше стараго ученія („не все ли равно, какъ возникнутъ удачныя догадки, важно **не какъ** онѣ возникаютъ, а важно, **что бы** онѣ возникали“, стр. 69).

Далѣе г. Поппе позволяетъ себѣ утверждать, будто проф. Петражицкій приписываетъ традиціонному ученію не тотъ смыслъ, который оно въ дѣйствительности имѣетъ, будто онъ утверждаетъ, „что новые логики излагаютъ ученіе объ образованіи понятій, преслѣдуя ту цѣль, которую преслѣдуетъ проф. Петражицкій, т. е. чтобы дать методы интуитивнаго мышленія или логики открытій“ (стр. 72). Это представляетъ сразу двѣ совершенно безпочвенныя выдумки, ибо и проф. Петражицкій преслѣдуетъ не такую цѣль, а главное, нигдѣ ничего подобнаго не приписываетъ другимъ; г. Поппе и не цитируетъ какого-либо мѣста труда проф. Петражицкаго для подтвержденія этой своей выдумки, а старается лишь доказать, что Милль и Зигвартъ не имѣютъ въ виду этой, мнимо имъ приписанной, цѣли. Затѣмъ г. Поппе переходитъ къ критикѣ имѣющихся во „Введеніи“ въ примѣчаніи на стр. 105 (3-го изд., стр. 122 1-го изд., г. Поппе называетъ стр. 121, вѣроятно, по ошибкѣ) положеній, гласящихъ:

„Прежніе логики придавали большое значеніе правилу опредѣленія, которое гласитъ, что definitio fit per genus et differentiam specificam: опредѣлять слѣдуетъ путемъ названія ближайшаго высшаго рода и указанія специфическаго отличія даннаго класса (вида)...

Новые логики относятся къ этому правилу скептически. Главная основа критики состоитъ въ существующемъ въ современной логикѣ представленіи, что понятіе чего-либо это полное и совершенное знаніе этого предмета, знаніе всѣхъ его свойствъ. «Для того, чтобы имѣть ясныя идеи, необходимо знать всѣ общія свойства вещей, относимыхъ нами къ одному классу. Это должно сдѣлать наше понятіе о классѣ не только яснымъ, но и полнымъ» (Милль, Система логики, кн. IV, гл. II § 5; ср. Sigwart, Logik II § 77 и др.). Съ этой точки зрѣнія, разумѣется, указаніе рода и специфическаго отличія не даетъ еще «полнаго» понятія. Съ этой же точки зрѣнія вообще надлежащія понятія— нѣчто такое, о достиженіи чего едва ли когда-либо можетъ быть рѣчь (для этого нужна была бы увѣренность во всезнаніи). Это—идеалы, къ которымъ знаніе человѣческое мо-

жетъ лишь, по мѣрѣ своего обогащенія и усовершенствованія, приближаться.

Но въ основѣ этого ученія лежитъ смѣшеніе разнородныхъ вещей, а именно смѣшеніе классовыхъ понятій съ полными, до совершенства развитыми, теоріями этихъ классовъ...

Замѣчательно, что представленіе о понятіяхъ, какъ о какихъ-то всезнаніяхъ о соотвѣтственныхъ классахъ, уживается въ современныхъ логикахъ съ другимъ, тоже неправильнымъ, но несравненно болѣе скромнымъ ученіемъ о понятіяхъ и опредѣленіяхъ, по которому дѣло сводится къ словамъ, ихъ значенію и толкованію этого значенія (ср., напр., приведенное только что положеніе Милля о полныхъ понятіяхъ съ положеніями, упомянутыми выше стр. 92 прим.); между прочимъ у Милля находимъ также возраженіе противъ правила о genus и differentia и съ точки зрѣнія опредѣленія, какъ «анализа имени», т. е. толкованія смысла слова; для толкованія смысла слова вовсе нѣтъ надобности непремѣнно указывать родъ и видовое отличіе, а достаточно «замѣнить одно слово (опредѣляемое), соозначающее заразъ цѣлый рядъ признаковъ, двумя или болѣе словами, соозначающими тѣ же признаки, только взятые по одиночкѣ или меньшими группами» (Система, кн. I гл. VIII §§ 1—3)".

Теперь посмотримъ, въ чемъ заключается критика г. Поппе перепечатанныхъ выше изъ „Введенія" положеній объ отношеніи новѣйшихъ логиковъ къ правилу объ опредѣленіи. Я нарочно процитировалъ почти полностью примѣчаніе со стр. 105 „Введенія", въ которомъ находятся указанныя положенія, чтобы представить, такъ сказать, документальныя доказательства того, до какой смѣлости дошелъ г. Поппе, говоря по поводу этихъ положеній, что „проф. Петражицкій совершенно исказилъ положенія Милля и Зигварта" (стр. 75). „Дѣло въ томъ," —продолжаетъ г. Поппе—„что ни тотъ, ни другой изъ нихъ и не думаютъ возражать въ цитированныхъ проф. Петражицкимъ мѣстахъ противъ правила definitio fit per genus proximum et differentiam speci-

ficam. Милль говоритъ объ этомъ правилѣ въ совершенно другомъ мѣстѣ, а именно въ главѣ VIII книги I, и приводитъ тамъ противъ него не совсѣмъ то возраженіе, которое приписывается ему проф. Петражицкимъ".

Сличеніе этихъ утвержденій съ текстомъ проф. Петражицкаго обнаруживаетъ, что г. Поппе говоритъ неправду: проф. Петражицкій указываетъ именно на VIII главу I книги и даже подробнѣе, чѣмъ г. Поппе, именно отмѣчая §§ 1—3, въ которыхъ Милль возражаетъ противъ правила о definitio per genus et differentiam. Предшествующей же ссылкой на кн. IV, гл. II, § 5 проф. Петражицкій указываетъ только на то, откуда онъ беретъ цитируемое имъ положеніе Милля о „полныхъ" понятіяхъ, лежащее въ основѣ отрицательнаго отношенія новыхъ логиковъ къ правилу о definitio per genus et differentiam.

Невѣрно и утвержденіе г. Поппе, что Милль приводитъ противъ указаннаго правила не совсѣмъ то возраженіе, которое ему приписывается проф. Петражицкимъ. По словамъ г. Поппе, дѣйствительныя возраженія Милля состоятъ въ слѣдующемъ: „1) полное опредѣленіе, по Миллю, должно бы совершаться скорѣе per genus et differentias, чѣмъ differentiam, такъ какъ оно должно содержать въ себѣ не просто тотъ или другой признакъ, отличающій опредѣляемый видъ отъ всѣхъ другихъ видовъ того же самаго рода, но *всѣ* признаки, подразумѣваемые въ имени вида, но не входящіе въ соозначеніе высшаго рода; и 2) такимъ путемъ, по Миллю, нельзя опредѣлять summum genus, такъ какъ нѣтъ класса, который былъ бы въ отношеніи къ нему родомъ" (стр. 75, 76).

Указанныя здѣсь г. Поппе положенія, дѣйствительно, принадлежатъ Миллю. Проф. Петражицкій ихъ не цитируетъ, но, какъ видно изъ перепечатаннаго мною выше его примѣчанія изъ „Введенія", содержаніе ихъ передаетъ: приведя изъ „Системы" Милля положеніе о „полныхъ" понятіяхъ, онъ добавляетъ: „Съ этой точки зрѣнія, разумѣется, указаніе рода и специфическаго отличія не даетъ еще «полнаго» понятія". А затѣмъ уже ниже на той же стр.

онъ сообщаетъ и другое возраженіе Милля—возраженіе съ точки зрѣнія опредѣленія, какъ анализа имени. Объ этомъ возраженіи г. Поппе въ цѣляхъ успѣшности своей критики умалчиваетъ, однако, Милль непосредственно за возраженіемъ съ точки зрѣнія „полноты“ понятія на стр. 105 своей „Системы логики“ говоритъ: „Утвержденіе, что опредѣленіе должно небходимо состоять въ указаніи рода и видовыхъ отличій, не выдерживаетъ критики. Логики давно замѣтили, что во всякой классификаціи такимъ путемъ нельзя опредѣлятьsummum genus (высшій родъ), такъ какъ нѣтъ класса, который былъ бы въ отношеніи къ нему «родомъ». Между тѣмъ, мы видѣли, что всѣ имена, исключая названія нашихъ элементарныхъ духовныхъ состояній, подлежатъ опредѣленію въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, т. е. посредствомъ указанія тѣхъ составныхъ частей факта или явленія, изъ которыхъ въ конечномъ анализѣ состоитъ соозначеніе всякаго даннаго слова“, а „дѣлать анализъ“—говоритъ Милль на 102 стр.—„значитъ разлагать сложное цѣлое на тѣ элементы, изъ которыхъ оно состоитъ; это именно мы и дѣлаемъ, замѣняя одно слово, соозначающее заразъ цѣлый рядъ признаковъ, двумя или болѣе словами, соозначающими тѣ же признаки, только взятые по одиночкѣ или меньшими группами“.

Не правда ли, что это же самое мы читаемъ и въ цитированномъ выше примѣчаніи изъ „Введенія“.

Сверхъ указаннаго, по поводу цитаты изъ логики Милля о „полныхъ“ понятіяхъ г. Поппе замѣчаетъ, что „Милль и не думаетъ высказывать то требованіе по отношенію къ понятіямъ, которое ему приписываетъ проф. Петражицкій“, такъ какъ „здѣсь Милль, говоря о классѣ, имѣетъ въ виду не *логическій* объемъ понятія, а классъ, какъ членъ классификаціи въ узкомъ смыслѣ“, которая „относится лишь къ дѣйствительнымъ, а не ко всѣмъ вообразимымъ предметамъ“ (стр. 77), почему „требованіе Милля о знаніи всѣхъ общихъ свойствъ вещей, относимыхъ къ классу, какъ къ члену классификаціи въ узкомъ смыслѣ, вовсе не неисполнимо и

не требуетъ вовсе «всезнанія», какъ утверждаетъ проф. Петражицкій" (стр. 78).

По поводу того, что Миль имѣетъ въ виду классъ дѣйствительныхъ, а не всѣхъ вообразимыхъ предметовъ, слѣдуетъ сказать, что это обстоятельство не мѣняетъ сути дѣла, ибо знаніе всѣхъ общихъ свойствъ даже такихъ классовъ объектовъ также можетъ быть только идеаломъ, къ которому должна стремиться наука, и никто не можетъ имѣть резонной увѣренности въ томъ, что онъ знаетъ всѣ общія свойства даже такого класса объектовъ.

Такъ же неправъ г. Поппе и относительно Зигварта. И здѣсь его поправка („говоритъ же Зигвартъ объ этомъ не во второмъ томѣ въ § 77, къ которому насъ отсылаетъ проф. Петражицкій, а въ § 44 перваго тома") не имѣетъ основаній, такъ какъ ссылкой на §§ 77 и др. проф. Петражицкій указываетъ, какъ видно изъ перепечатаннаго выше его примѣчанія, не на то, гдѣ Зигвартъ возражаетъ противъ правила о definitio per genus et differentiam, а на то, гдѣ послѣдній говоритъ о „полныхъ" понятіяхъ.

Затѣмъ, излагая содержаніе § 77 „Логики" Зигварта, г. Поппе констатируетъ согласіе мнѣній этого послѣдняго и проф. Петражицкаго относительно понятій и иронически радуется этому „трогательному согласію" (стр. 80). Это, конечно, не вѣрно. Для Петражицкаго „классовыя понятія суть только элементы сужденій, звенья для составленія теорій; они вовсе не утверждаютъ, что «когда есть на лицо то-то, то есть и другое» или «всему, что обладаетъ такими-то признаками, присущи и такія-то свойства», а тѣмъ болѣе не заключаютъ въ себѣ всѣхъ возможныхъ истинныхъ утвержденій такого рода; они образуютъ только начала такихъ сужденій: «всякій разъ, когда есть налицо то-то», «все, чему свойственно то-то»" (Введеніе, стр. 105, прим.). Зигвартъ же въ ученіе о понятіяхъ привлекаетъ даже индукцію. Правда, онъ сознаетъ, что „задача установить исчерпывающія понятія низшихъ видовъ кажется невыполнимой. И если бы даже она была выполнима, то такое понятіе, съ другой стороны, утратило бы пригодность благодаря своему

богатству опредѣленіями" („Логика", т. II, § 77, стр. 207, переводъ Давыдова, 1908 г.). Поэтому онъ совѣтуетъ „сокращеніе формулъ понятій" (стр. 207). Это и даетъ поводъ для г. Поппе отожествлять ученія о понятіяхъ Зигварта и Петражицкаго. Однако, онъ закрываетъ глаза на то, что эта сокращенная формула, по мнѣнію Зигварта, должна установить *„тѣ характеристическіе* признаки, которыми разсмотрѣнная группа *отличается* отъ всѣхъ другихъ. Но ясно, что для этого требуется *обозрѣніе большихъ областей* и изслѣдованіе того, какіе признаки мы должны принять, какъ наблюдающіеся всегда совмѣстно, такъ какъ ихъ связываетъ другъ съ другомъ естественная необходимость. Это изслѣдованіе предполагаетъ методы полученія общихъ положеній изъ единичныхъ воспріятій, т. е. *методы индукціи*. И та же самая зависимость отъ индукціи дана также тѣмъ, что для установленія признаковъ понятій всегда должны употребляться *причинныя отношенія*, которыя могутъ быть получены только путемъ индукцій" (тамъ же, стр. 208). Ничего подобнаго для образованія понятій (опредѣленій) по ученію проф. Петражицкаго не требуется. Не ясно ли послѣ этого, что рѣшеніе подлежащаго вопроса Зигвартомъ принципіально отлично отъ такового со стороны Петражицкаго, что согласіе между ними, констатированное г. Поппе, есть выдумка послѣдняго, что ученіе Зигварта покоится на смѣшеніи классовыхъ понятій, какъ ихъ понимаетъ проф. Петражицкій, съ добываемыми индуктивно теоріями этихъ классовъ, и что поэтому попытки г. Поппе сблизить ученіе Петражицкаго съ ученіемъ новѣйшихъ логиковъ тщетны.

Критика прив.-доц. А. Ященко.

Критикой психологической теоріи права занялся и г. Ященко въ своей книгѣ „Теорія федерализма. Опытъ синтетической теоріи права и государства", 1912 г., стр. 160—180. Изложивъ сущность психологической теоріи и указавъ, что въ ея основаніе положено новое психологическое ученіе, г. Ященко присоединяется къ мнѣнію большинства крити-

ковъ относительно разложимости эмоцій на чувство и волю. Въ пользу этого мнѣнія онъ не приводитъ новыхъ аргументовъ, не видя „надобности углубляться въ разсмотрѣніе этого вопроса объ эмоціяхъ, такъ какъ судьба психологической теоріи нисколько не связана съ судьбою эмоціональной психологіи“ (стр. 166).

Критикъ пишетъ недостаточно ясно. Несомнѣнно, психологическая теорія проф. Петражицкаго, усматривающая сущность права въ интеллектуально-эмоціональныхъ переживаніяхъ особаго типа, всецѣло связана съ его „эмоціональной психологіей“. Едва ли кто-нибудь станетъ это отрицать, такъ что и подлежащія утвержденія критика слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что онъ намѣренъ въ дальнѣйшемъ обсуждать психологическое воззрѣніе на право независимо отъ того, правильна эмоціональная психологія или нѣтъ, такъ какъ вообще мыслимо и иное психологическое воззрѣніе на право, именно такое, согласно которому въ составѣ правовыхъ переживаній нѣтъ мѣста эмоціямъ. Такая позиція, конечно, возможна. Но въ виду того, что г. Ященко, присоединяя свой голосъ къ мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ о разложимости эмоцій на абстрактные элементы психической жизни, не считается съ тѣмъ обстоятельствомъ, что указанное мнѣніе критиковъ получило уже свою оцѣнку [1]), при чемъ было выяснено, что теорія абстрактныхъ элементовъ, въ особенности въ стилѣ Вундта, сама не выдерживаетъ критики, и что сведеніе эмоцій на чувство и волю произведено критиками голословно и въ обходъ тѣхъ аргументовъ, которые имѣются въ эмоціональной психологіи,— въ виду этого нелишне будетъ напомнить, что теперь простое присоединеніе своего голоса, вообще малоцѣнное въ наукѣ, еще менѣе цѣнно, такъ какъ этотъ научный нуль, присоединяясь къ другому научному нулю, и въ суммѣ даетъ не больше. Но все же, повторяю, возможно обсу-

[1]) См. брошюру П. Е. Михайлова — „Психологическая теорія права передъ судомъ русской юриспруденціи“, 1910, в. II, стр. 1 – 14, и мою— „Новое ученіе о правѣ и нравственности, ея критики и монистическое пониманіе этики“, 1910, стр. 22—32.

ждать психологическое ученіе о правѣ, не поднимая вопроса о томъ, какіе элементарно-психическіе процессы входятъ въ составъ права и дѣйствительно ли эмоціи въ смыслѣ проф. Петражицкаго являются особыми элементами психики.

Дѣйствительно важнымъ и имѣющимъ жизненное значеніе для всей теоріи Петражицкаго г. Ященко считаетъ логическія и методологическія ея предпосылки и съ увѣренностью обнаруживаетъ „основной и роковой порокъ“ всей системы Петражицкаго въ его „логической доктринѣ созданія адэкватныхъ теорій“. Обнаруженіе это сводится къ повторенію со словъ г. Гинцберга извѣстныхъ уже намъ утвержденій послѣдняго, будто бы по ученію Петражицкаго „научныя теоріи отличаются отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что онѣ относятся къ обширнымъ классамъ явленій“ (стр. 167), но что способовъ найти и образовать такіе обширные классы „Петражицкій, отвергнувши и идеалистическую и индуктивную логики, и не даетъ“, и что причина такого положенія заключается въ томъ, что „ему чуждо пониманіе познанія, какъ синтеза изъ опытныхъ воспріятій и формъ нашего мышленія; любое представленіе, любой признакъ даетъ ему основаніе для образованія научнаго понятія, и все въ сущности разсыпается въ хаосъ“ (стр. 167).

Выше, при разборѣ критики г. Гинцберга, уже было выяснено, что въ этихъ, приписываемыхъ проф. Петражицкому, положеніяхъ нѣтъ и тѣни того, что̀ представляютъ подлинныя ученія послѣдняго, что требованіе „обширности классовъ“ есть абсурдъ, авторское право на который принадлежитъ критикамъ; проф. же Петражицкій выставляетъ совсѣмъ другое требованіе, именно требованіе соотвѣтствія между теоретическимъ сказуемымъ и объемомъ теоретическаго подлежащаго. Критеріемъ научной годности классовъ и классовыхъ понятій является у него именно это соотвѣтствіе, адэкватность теорій; для образованія же адэкватныхъ теорій необходимо отыскать и доказать причинную или логическую связь между differentia specifica даннаго класса и тѣмъ, что о немъ утверждается, каковыя связи обнаруживаются пріемами индукціи и дедукціи. Любое предста-

вленіе, по ученію проф. Петражицкаго, даетъ основаніе для правильнаго только съ формально-логической точки зрѣнія понятія, а не научнаго понятія. Хаосъ и путаница, царящая въ представленіяхъ критика о подлежащихъ ученіяхъ, обнаруживается и изъ того, что онъ говоритъ объ адэкватности „опредѣленій", а не теорій, хотя намѣревался доказать неудачность „логической доктрины созданія адэкватныхъ теорій".

Во всеоружіи вышеуказаннаго пониманія основныхъ моментовъ методологіи Петражицкаго г. Ященко приступаетъ къ критикѣ психологической теоріи и образуемаго ею понятія права, предварительно указывая, что мнѣніе Петражицкаго о негодности понятія права въ юридическомъ смыслѣ въ качествѣ базиса для построенія научной теоріи права „объясняется именно его неправильной теоріей построенія общихъ понятій" (стр. 167). Предыдущее изложеніе уже показало, на какихъ плохихъ основахъ покоится это „объясненіе" критика и его реабилитація понятія права въ юридическомъ смыслѣ.

Первое возраженіе г. Ященко противъ самой психологической теоріи права состоитъ въ указаніи, что психологическое изученіе общественныхъ явленій ею сводится „къ изученію самой психологіи, между тѣмъ какъ оно должно было бы только изучать объективныя, во внѣшнемъ мірѣ существующія реальныя явленія, какъ продукты психической дѣятельности" (стр. 167, 168). Г. Ященко не противъ психологическаго пониманія права, онъ даже прямо заявляетъ, что право, какъ почти всѣ явленія общественной жизни, не имѣетъ „реальнаго, предметнаго существованія внѣ человѣческихъ переживаній" (168), и, опредѣляя право, какъ особаго рода нормы поведенія (183), указываетъ, что „нормъ юридическихъ, правовыхъ абстракцій реально не существуетъ и существовать не можетъ" (169), но онъ противъ попытки проф. Петражицкаго понять природу права „не черезъ изученіе права, какъ объективированнаго явленія, а черезъ чисто психологическое изученіе тѣхъ психическихъ переживаній, которыя соединяются у человѣка въ

связи съ правовыми явленіями" (стр. 168). По мнѣнію г. Ященко, „это произвольный и ненаучный методъ. ...Ставъ въ изученіи природы права исключительно на точку зрѣнія эмпирической психологіи, можно отъ изученія этическихъ эмоцій и нравственныхъ моторныхъ импульсовъ притти къ физіологическому изученію тѣхъ частей мозга, гдѣ могутъ, по предположенію, сосредоточиваться эти эмоціи и импульсы, и создать „физіологическую теорію права" (стр. 168).

Интересно, отчего критикъ не ставитъ вопроса шире: вѣдь, изучая самыя разнообразныя психическія переживанія, напр., радость, горе, любовь, ненависть и т. д., можно притти къ изученію физіологіи соотвѣтственныхъ участковъ мозга и т. п., вообще, съ его точки зрѣнія, психологамъ грозитъ опасность стать физіологами и создать физіологическія теоріи радости, горя, любви и т. д. На это слѣдуетъ отвѣтить, что занятіе физіологіей, конечно, весьма почтенное дѣло, и физіологамъ слѣдуетъ притти и они приходятъ къ изученію физіологическихъ процессовъ нервной системы, соотвѣтствующихъ опредѣленнымъ психическимъ состояніямъ, но такое изученіе не можетъ замѣнить психологическаго изученія психическихъ явленій и вытѣснить послѣднее: психологія сама по себѣ, физіологія сама по себѣ. До сихъ поръ ихъ вообще не смѣшиваютъ. Если бы въ будущемъ произошло такое смѣшеніе (что едва ли возможно), то это было бы плохой научной рекомендаціей представителей этого направленія.

Критикуя психологическое изученіе права проф. Петражицкаго, г. Ященко не ограничивается указаніемъ на роковую возможность „физіологической теоріи права", но фактами стремится доказать неправильность позиціи проф. Петражицкаго. „Не вѣрно"—говоритъ онъ—„будто во внѣшнемъ мірѣ реально не существуетъ юридическихъ явленій, нѣтъ собственности, власти, договора, государства и т. д." (стр. 169), и въ дополненіе апеллируетъ также къ существованію конкретныхъ правовыхъ отношеній; людей, распоряжающихся своимъ имуществомъ; письменныхъ и устныхъ обѣщаній; лицъ, приказывающихъ другимъ, и лицъ, повинующихся

этимъ приказаніямъ; къ существованію дѣйствій людей для поддержанія порядка и т. п.

Получается впечатлѣніе, будто проф. Петражицкій отрицаетъ внѣшне-реальное существованіе людей, ихъ поступковъ и т. п. Это, конечно, не вѣрно, и опасенія критика за такое исчезновеніе внѣшняго міра не имѣетъ почвы. Не только люди, ихъ дѣйствія и т. п., но даже государство, договоры и т. п., съ точки зрѣнія проф. Петражицкаго, существуютъ въ качествѣ реальностей внѣшняго міра, и только само право, нормы, правовыя отношенія, власть, какъ особый видъ права, не существуютъ внѣ психики людей, во внѣшнемъ мірѣ.

Попытка критика опровергнуть положеніе о чисто психической природѣ права черезъ апеллированіе къ внѣшне-реальному существованію договоровъ и т. п. явленій, имѣющихъ то или другое юридическое значеніе, не только не достигаетъ цѣли, но даже обнаруживаетъ, что онъ смѣшиваетъ элементарныя понятія, именно понятіе юридическихъ фактовъ, т. е. фактовъ, съ которыми связываются тѣ или другія права, съ понятіемъ самого права, каковое смѣшеніе является непростительною ошибкою и съ точки зрѣнія традиціонной теоріи, такъ какъ послѣдняя вполнѣ ясно отличаетъ эти понятія, усматривая въ договорахъ и т. п. юридическіе факты, а не само право.

Неправильно и общее утвержденіе критика, будто проф. Петражицкій сводитъ психологическое изученіе общественныхъ явленій къ изученію только самой психики (или „психологіи", какъ выражается критикъ). Напротивъ, проф. Петражицкій въ широкомъ размѣрѣ рекомендуетъ изученіе различныхъ проявленій и выраженій соціально-психической жизни, въ частности изученіе юридическихъ памятниковъ и т. п., но онъ противъ того, чтобы изучать только во внѣшнемъ мірѣ существующіе продукты психической дѣятельности (какъ это совѣтуетъ г. Ященко), въ особенности тогда, когда слѣдуетъ познать природу такихъ явленій, какъ право, нравственность и т. п., которыя во внѣшнемъ мірѣ не существуютъ.

Возражая противъ понятія права, какъ чисто психическаго явленія, г. Ященко самъ себя опровергаетъ, утверждая, что право не имѣетъ реальнаго существованія внѣ человѣческихъ переживаній. Поэтому же тѣмъ болѣе непонятно его положеніе о необходимости изученія только во внѣшнемъ мірѣ существующихъ продуктовъ психической дѣятельности. Это положеніе означаетъ призывъ понять природу права, наблюдая его не тамъ, гдѣ оно дѣйствительно находится, не въ психикѣ людей, а тамъ, гдѣ его завѣдомо (и съ точки зрѣнія самого критика) нѣтъ, во внѣшнемъ мірѣ. Вообще противорѣчіями пестрятъ всѣ разсужденія г. Ященко. Въ одномъ мѣстѣ онъ упрекаетъ проф. Петражицкаго за то, что послѣдній всталъ „исключительно на точку зрѣнія эмпирической психологіи“ (стр. 168), въ другомъ онъ по адресу того же автора говоритъ: „нельзя построить міра, даже и юридическаго, спекулятивнымъ («психологическомъ») методомъ“ (стр. 170). Исключительный эмпиризмъ и спекулятивность! При этомъ спекулятивность отожествляется съ психологическимъ воззрѣніемъ на существо права. Въ такомъ случаѣ вся психологія спекулятивна!

Чтобы, такъ сказать, окончательно выяснить невозможность понять природу права посредствомъ чисто психологическаго изученія психическихъ переживаній, г. Ященко ссылается на другія науки: „и математика, и физика, и біологія, и прикладныя науки изучаютъ общія отношенія явленій, ихъ законы. Изъ этого неправильно дѣлать выводъ, будто надо всѣ эти науки пересоздать и заняться изученіемъ не внѣ насъ лежащихъ, объективныхъ реальностей, а лишь нашего внутренняго міра, нашихъ психическихъ переживаній. Вѣдь и въ физикѣ изучаются з а к о н ы тяготѣнія, свѣта, электричества и т. д. Въ дѣйствительности имѣются отдѣльные предметы, падающіе на землю, но никто еще не видѣлъ и не касался закона тяготѣнія...“ (стр. 169).

Этими разсужденіями г. Ященко окончательно проваливаетъ свое возрѣніе, такъ какъ, во-первыхъ, въ вопросѣ о психологическомъ пониманіи природы права рѣчь идетъ не о законахъ явленій, а о природѣ явленія, объекта изученія;

во-вторыхъ, объекты, изучаемые физикой, біологіей и т. п., существуютъ какъ реальности внѣшняго (физическаго) міра (никто и не намѣренъ поэтому пересоздавать эти науки въ указанномъ критикомъ направленіи), а право существуетъ только, какъ особаго типа переживаніе, оно, и по признанію самого критика, „не имѣетъ предметнаго существованія внѣ человѣческихъ переживаній".

Отмѣтивъ затѣмъ тонкость конкретнаго психологическаго анализа со стороны проф. Петражицкаго отдѣльныхъ видовъ и элементовъ права, государства, власти, г. Ященко находитъ неправильнымъ предлагаемое психологической теоріей „расширеніе объема права": „Если въ правѣ слѣдуетъ видѣть императивно-аттрибутивныя психологическія переживанія, то и изъ этого не слѣдуетъ заключать, что всякія такія переживанія суть право. Изъ того правильнаго положенія, что живопись есть искусство, нельзя, вѣдь, дѣлать заключенія, что всякое искусство есть живопись. Это благодаря неправильной теоріи Петражицкаго объ образованіи понятій" (стр. 171).

Дѣйствительно, такого заключенія, какое г. Ященко иллюстрируетъ на понятіяхъ живописи и искусства, дѣлать нельзя, потому что кромѣ живописи есть и другіе виды искусства, но это, само по себѣ вѣрное, разсужденіе совершенно неумѣстно въ приложеніи къ императивно-аттрибутивнымъ переживаніямъ, такъ какъ между правомъ и императивно-аттрибутивными переживаніями нѣтъ завѣдомо такого отношенія (отношенія вида къ роду), какое существуетъ между живописью и искусствомъ. И если г. Ященко далѣе утверждаетъ, что „императивно-аттрибутивный характеръ переживаній лишь одна сторона права и ея недостаточно для полной его обрисовки", то это лишь его мнѣніе, которое подлежитъ еще обоснованію. Ниже мы увидимъ, что дополнительные признаки права, предлагаемые имъ въ качествѣ differentia specifica права, должны быть отвергнуты. У проф. Петражицкаго вмѣсто того неправильнаго заключенія, которое ему хочетъ приписать критикъ, имѣется совершенно иное основаніе полагать, что всякія императивно-

аттрибутивныя переживанія суть право. Онъ обосновываетъ годность класса императивно-аттрибутивныхъ переживаній для научно-объективной оріентировки въ мірѣ явленій черезъ выясненіе и доказательство дальнѣйшихъ характерныхъ свойствъ и причинныхъ тенденцій, связанныхъ съ основнымъ признакомъ этихъ переживаній и имъ объясняющихся (это обнаруживаетъ, между прочимъ, неправильность упрековъ въ субъективности его понятія права), и называетъ этотъ классъ именемъ *права* на томъ основаніи, что все это изученіе императивно-аттрибутивныхъ переживаній убѣждаетъ его въ томъ, что въ основѣ нашихъ представленій, разговоровъ о правѣ и т. п. въ различныхъ сферахъ жизни, какъ офиціально-судебной, такъ и другихъ областяхъ, лежатъ именно эти императивно-аттрибутивныя переживанія, такъ что и названіе этого класса явленій правомъ не является произвольнымъ и субъективнымъ. Общность природы и причинно-объективнаго проявленія этихъ переживаній въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ жизни доказываютъ неправильность ограниченія понятія и класса права какой-нибудь группой этихъ переживаній, напр., имѣющихъ офиціальное признаніе. Все это для критика какъ бы не существуетъ.

Затѣмъ г. Ященко утверждаетъ, что „Петражицкій своею психологическою теоріей не даетъ никакого отвѣта на вопросъ о соціальномъ характерѣ права и объ его общественно-принудительной нормативности“ (стр. 177). Причина этого кроется, по мнѣнію критика, въ томъ, что, изучая право, проф. Петражицкій обращается къ психикѣ изолированнаго человѣка, между тѣмъ какъ право есть явленіе коллективно-психическое.

Утвержденіе это не ново. Его повторяютъ съ легкой руки проф. Хвостова почти всѣ критики психологической теоріи. Но оно уже получило свою оцѣнку въ отвѣтахъ критикамъ со стороны г. Михайлова и моей, при чемъ было разъяснено, что разговоръ о коллективной психикѣ, какъ отличной отъ индивидуальной психики, вообще недоразумѣніе, неясность мысли, что научно-серіозный разговоръ можетъ итти лишь

объ индивидуальной психикѣ и о взаимодѣйствіи и общности содержанія и проявленій индивидуальныхъ психикъ, что право и нравственность, по ученію Петражицкаго, явленія индивидуальной психики, но соціальны по происхожденію; природа ихъ раскрывается анализомъ психики индивида, изученіе происхожденія и законовъ развитія и дѣйствія ихъ требуетъ изученія соціальныхъ условій ихъ существованія. Проф. Петражицкій въ своихъ трудахъ на каждомъ шагу говоритъ о роли безсознательно-удачнаго соціально-психическаго приспособленія и, въ концѣ концовъ, въ заключительной главѣ своей „Теоріи", озаглавленной— „Право, какъ факторъ и продуктъ соціально-психической жизни", говоритъ о происхожденіи и развитіи права на почвѣ соціально-психическихъ процессовъ взаимосообщеній и зараженій, чѣмъ уже окончательно отрицается возможность развитія права у изолированнаго человѣка. Однако, легенда отрицанія соціально-психическихъ процессовъ со стороны проф. Петражицкаго, пущенная въ оборотъ проф. Хвостовымъ, сдѣлалась своего рода edictum tralaticium въ сочиненіяхъ, еще разъ разрушающихъ психологическую теорію права съ соціологической точки зрѣнія, такъ что получается впечатлѣніе, какъ если бы эти критики исходили изъ текста не проф. Петражицкаго, а проф. Хвостова, какъ дѣлали такъ наз. комментаторы, постглоссаторы, исходившіе не изъ подлиннаго текста, а изъ правильныхъ или неправильныхъ глоссъ своихъ предшественниковъ. Легенда эта не исчезла и послѣ того, какъ со стороны было указано на такой ея характеръ. Напротивъ, какъ видимъ, она находитъ новыхъ сторонниковъ, которые настолько ею ослѣплены, что даже указанія на стр. съ приведеніемъ подлинныхъ мѣстъ изъ сочиненій проф. Петражицкаго, явно опровергающихъ эту легенду, не могутъ сокрушить ихъ пламенной вѣры.

Со своей коллективно-психологической точки зрѣнія г. Ященко указываетъ, что для психологическаго состава права необходимо совпаденіе „императивно-аттрибутивныхъ переживаній самихъ лицъ, связанныхъ извѣстнымъ право-

отношеніемъ", затѣмъ—„совпаденіе коррелятивныхъ психическихъ процессовъ, съ одной стороны, переживаній участниковъ правоотношенія, съ другой стороны, переживаній лицъ, принуждающихъ къ выполненію нормъ права... Право возникаетъ въ обществѣ тогда, когда появляется судъ, и тамъ, гдѣ, на ряду съ переживаніемъ отдѣльными участниками житейскихъ отношеній своихъ обязанностей и требованій, появляются третьи лица, переживающія необходимость содѣйствовать торжеству опредѣленныхъ нормъ, съ цѣлями охраны и содѣйствія общественному порядку или для удовлетворенія чувства справедливости, и сознающія себя власть имѣющими принудительно дѣйствовать въ данномъ направленіи. Поэтому право существуетъ только тамъ, гдѣ есть общество и гдѣ существуетъ общественная власть (хотя и не организованная еще); гдѣ же, на ряду съ переживаніемъ обязанностей и требованій, нѣтъ переживанія третьими лицами стремленія принудительно содѣйствовать выполненію нормъ, тамъ нѣтъ и права, а есть лишь нравы или мораль" (стр. 176, 177). Сообразно съ этимъ г. Ященко даетъ такую формулу опредѣленія права: „Право есть совокупность дѣйствующихъ въ обществѣ, вслѣдствіе коллективно-психическаго переживанія членами общества и принудительнаго осуществленія органами власти, нормъ поведенія, устанавливающихъ равновѣсіе между интересами личной свободы и общественнаго блага" (стр. 183).

По поводу этихъ разсужденій критика слѣдуетъ сказать, что для наличности права, съ психологической точки зрѣнія на его природу, вовсе не требуется совпаденія императивно-аттрибутивныхъ переживаній различныхъ лицъ; напротивъ, съ этой точки зрѣнія къ праву слѣдуетъ относить всѣ императивно-аттрибутивныя переживанія, какъ совпадающія, такъ и несовпадающія, точно такъ же, какъ къ радости, горю и другимъ различнымъ переживаніямъ слѣдуетъ относить соотвѣтственно всякую радость, горе и т. д., несмотря на то, будетъ ли радость или горе даннаго лица по поводу какого-либо обстоятельства совпадать съ радостью или горемъ другого лица по поводу этого же обстоятель-

ства, или не будетъ. Выкидываніе изъ классовъ права, радости, горя и т. д. такихъ однородныхъ съ ними переживаній, которыя почему-либо не находятъ себѣ „сочувствія“ въ другихъ лицахъ,—произвольная и лишенная смысла операція. Съ точки зрѣнія критика, выходитъ, что нельзя говорить о коллизіи правовыхъ убѣжденій, т. к. для наличности права требуется совпаденіе ихъ. Къ чему же тогда судъ? Исторія и современная дѣйствительность, напротивъ, знаютъ коллизію, несовпаденіе правовыхъ убѣжденій (несовпадающія правовыя убѣжденія). Именно этимъ несовпаденіемъ, коллизіей, по мнѣнію проф. Петражицкаго, вызывается и объясняется необходимость суда и т. п. Благодаря притязательной природѣ права и необходимости разрѣшенія несовпадающихъ правовыхъ убѣжденій возникло въ обществѣ явленіе суда и т. п. Не право возникаетъ въ обществѣ тогда, когда появляется судъ, а судъ появляется тогда, когда возникаетъ право, право порождаетъ судъ. Принужденіе въ области права, безъ представленій о которомъ по мнѣнію г. Ященко, нѣтъ и самого права, также есть явленіе, причинно связанное съ аттрибутивной природой права и ею объясняющееся, но не необходимое для его наличности: къ чему принужденіе и даже мысль о немъ въ тѣхъ случаяхъ, когда некого принуждать, когда и безъ того правовыя обязанности аккуратно исполняются и предписанія права никѣмъ не нарушаются. А вѣдь въ этомъ случаѣ право больше всего торжествуетъ, больше всего дѣйствуетъ. Значеніе этихъ явленій и цѣлой массы другихъ и ихъ отношеніе къ праву подробно и обстоятельно выяснено проф. Петражицкимъ, но г. Ященко ни съ чѣмъ не считается и смѣло выступаетъ со своей мало продуманной критикой.

Также произвольно и нелогично вводитъ въ опредѣленіе права и понятіе власти, т. к. послѣдняя сама есть особый видъ права, правовое явленіе, отчего опредѣленіе критика содержитъ ошибку—definitio per idem.

Неправильную постановку имѣетъ и критика со стороны г. Ященко проводимаго психологической теоріей разграниченія права и нравственности. Приписывая и нравственности

императивно-аттрибутивный характеръ права, г. Ященко доказываетъ вѣрность своего положенія такимъ способомъ, на несостоятельность котораго въ качествѣ предупрежденія указывалъ уже проф. Петражицкій въ своей „Теоріи". Взявъ для примѣра нѣсколько нормъ: „не лги, будь милостивъ, не развращай другихъ, почитай родителей, будь благодаренъ благодѣтелямъ", которыя, по его мнѣнію, относятся несомнѣнно къ нравственнымъ нормамъ, критикъ утверждаетъ, что эти нормы переживаются не только какъ повелительныя, но и какъ предоставительныя, т. е. аттрибутивно.

На это, съ точки зрѣнія проф. Петражицкаго, достаточно отвѣтить, что аттрибутивность этихъ нормъ есть признакъ того, что онѣ относятся къ категоріи правовыхъ, а не нравственныхъ нормъ, что критикъ, относя эти нормы, сообразно съ установившимися у него привычками называнія, къ нравственнымъ, разбиваетъ однородныя по своей природѣ переживанія на разные классы, что примѣры взяты неудачно. Правда, у критика проглядываетъ и такая точка зрѣнія, что совсѣмъ нѣтъ чисто императивныхъ переживаній. Но и на это придется отвѣтить, что отсутствіе чисто императивныхъ переживаній въ лучшемъ случаѣ, т. е. если критикъ умѣло воспользовался самонаблюденіемъ, есть индивидуальная особенность его психики, тогда какъ выдѣленіе со стороны проф. Петражицкаго чисто императивныхъ переживаній подъ именемъ нравственности и императивно-аттрибутивныхъ подъ именемъ права имѣетъ за себя не только субъективно-психологическія, но и объективныя основанія. Выясненію этихъ основаній съ цѣлью доказать объективное и всеобщее значеніе права, какъ императивно-аттрибутивныхъ переживаній, и нравственности, какъ чисто императивныхъ, проф. Петражицкій посвящаетъ, какъ не разъ указывалось выше, цѣлую главу подъ заглавіемъ: „Характерныя свойства и тенденціи права и нравственности" [1]). Но г. Ященко не об-

[1]) Характерно, что нѣкоторые критики, несмотря на эти ученія и обходя ихъ, упрекаютъ проф. Петражицкаго въ субъективности и готовы объяснять наличность чисто императивныхъ переживаній индивидуальными особенностями его психики. Но признаніе наличности чего-либо,

ращаетъ на нее никакого вниманія, хотя уже по поводу аналогичной критики его предшественниковъ мною было особенно подчеркнуто, что правильно поставленная и понимающая научную цѣнность ученія психологической теоріи о разграниченіи права и нравственности критика не можетъ пройти мимо указанной главы о характерныхъ свойствахъ и тенденціяхъ этихъ видовъ этики. Но г. Ященко и послѣ этого остался не въ курсѣ дѣла.

Нельзя пройти молчаніемъ того, какъ г. Ященко нашелъ подтвержденіе своему взгляду у самого проф. Петражицкаго: „Самъ Петражицкій иногда сбивается съ воззрѣнія на этическія переживанія, какъ на чисто императивныя; такъ, говоря о дѣйствіи позитивнаго права, онъ называетъ его «драгоцѣнною школою интуитивной императивно-аттрибутивной этики» (II, 502). Квалификація этики, какъ императивно-аттрибутивной, противорѣчитъ однако общему пониманію Петражицкимъ нравственности“ (стр. 179, примѣчаніе).

Здѣсь скопленіе ошибокъ. У Петражицкаго этика, какъ таковая, не является ни чисто императивной, ни императивно-аттрибутивной; эти признаки по отдѣльности суть differentia specifica видовъ этики—нравственности и права, другими словами, у Петражицкаго нѣтъ ни того воззрѣнія, съ котораго онъ, по словамъ критика, иногда сбивается, ни того, на которое онъ будто бы сбивается. Если продолжить приводимую критикомъ со стр. 502 „Теоріи“ цитату, то она гласитъ, что позитивное право является „драгоцѣнною школою интуитивной императивно-аттрибутивной этики (*отчасти и чисто императивной* [1]): ибо между нравственностью и правомъ существуютъ аналогичныя изложеннымъ взаимодѣйствія)“. Здѣсь императивно-аттрибутивная этика (или право) прямо противополагается чисто императивной (или нравственности), а не вся этика характеризуется какъ императивно-аттрибутивная. Г. Ященко, укоротивъ цитату,

---

хотя бы и исключительной, имѣетъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ указаніе на исключительное отсутствіе.

[1]) Курсивъ мой.

стираетъ явное противоположеніе этихъ видовъ этики, и все-таки не получается того, чего онъ хочетъ, такъ какъ и въ томъ случаѣ, если бы рѣчь шла только объ императивно-аттрибутивной этикѣ, безъ прямого противопоставленія ей чисто императивной, то это не означало бы, что вся этика императивно-аттрибутивна, а наоборотъ, что кромѣ этой этики есть еще какая-то другая, о которой въ данномъ случаѣ нѣтъ разговора. Удивительно, что приходится разъяснять столь элементарныя вещи!

Считая представленія принужденія и участія органовъ власти необходимыми элементами права, г. Ященко вводитъ въ понятіе права отчасти ссылку на другія нормы права, отчасти ссылку на явленія побочныя для самого права, хотя и стоящія съ нимъ въ причинной связи. Съ этой точки зрѣнія, интуитивное право (т. е. императивно-аттрибутивныя переживанія автономнаго типа) онъ относитъ къ нравственности, вводя ограничительное требованіе совпаденія правовыхъ переживаній сторонъ и говоря, что „интуитивное право есть то обычное право, которое часто расходится съ закономъ“, и что „интуитивное право есть соціальная положительная мораль“ (стр. 180). Получается какое-то совмѣщеніе несовмѣстимыхъ признаковъ: автономное, т. е. неположительное, въ то же время является положительнымъ; моралью и въ то же время правомъ! И при этомъ онъ находитъ понятіе интуитивнаго права психологической теоріи (а не свое) такимъ, что „теряется всякое точное представленіе о правѣ“ (стр. 180). Дѣйствительно, онъ не извлекъ изъ ученія проф. Петражицкаго объ интуитивномъ правѣ, какъ и изъ другихъ ученій, точныхъ представленій, подтвержденіемъ чего служитъ тутъ же приводимая имъ характеристика интуитивнаго права, какъ такого права, которое „не требуетъ для своего бытія общественной среды, можетъ переживаться одиноко,... одинаково дѣйствуетъ по отношенію къ людямъ, какъ и къ фантомамъ“.

Въ заключеніе процитируемъ то мѣсто изъ сочиненія г. Ященко, которое еще разъ объяснитъ намъ причину по-

явленія столь неудачной критики психологической теоріи права со стороны этого автора:

„Для объясненія природы права, во всемъ его объемѣ,“— говоритъ г. Ященко—„недостаточно одного психологическаго анализа. Нужно понять право, и какъ соціальное явленіе, выражающееся въ объективныхъ фактахъ, вошедшее въ юридическіе памятники, существующее и независимо отъ индивидуальныхъ переживаній. Конечно, психологическая точка зрѣнія на право вѣрна, и правовая норма свое существованіе прежде всего имѣетъ въ психическомъ переживаніи отдѣльнаго человѣка; но право не только живетъ въ психическомъ мірѣ отдѣльныхъ людей, но и отлагается въ объективныхъ институтахъ, запечатлѣвается въ юридическихъ памятникахъ, съ неизмѣнною правильностью примѣняется въ судебныхъ рѣшеніяхъ, въ обычаяхъ, въ законахъ, слагается въ сложныя и многообразныя установленія“ (стр. 181).

Отсюда видно, что въ основѣ критики г. Ященко лежитъ смѣшеніе разнородныхъ вещей: психическаго явленія— права, которое потому уже, что оно психическое явленіе, можетъ существовать только въ индивидуальныхъ переживаніяхъ, анализъ которыхъ даетъ намъ непосредственное знакомство съ правомъ,—и объектовъ и явленій внѣшняго міра, которые, имѣя то или иное отношеніе къ праву, могутъ служить лишь источниками косвеннаго познанія и изученія права. Проф. Петражицкій, конечно, не противъ изученія юридическихъ памятниковъ и т. п. съ цѣлью полученія дополнительныхъ свѣдѣній о правѣ, потому-то онъ и рекомендуетъ, кромѣ внутренняго, еще соединенный съ нимъ внѣшній методъ наблюденія въ качествѣ дополненія и средства выхода за предѣлы личной правовой психики изслѣдователя („Введеніе“, стр. 37), и не только рекомендуетъ, но и примѣняетъ его въ собственныхъ изслѣдованіяхъ („Теорія“, стр. 52—57, 86—251); но онъ противъ того, чтобы источники нашихъ косвенныхъ познаній о явленіи смѣшивались съ природою самого явленія, чтобы въ нихъ видѣли

какое-то особое, подъ названіемъ объективнаго, существованіе даннаго явленія.

Предыдущее изложеніе обнаруживаетъ, что ученія проф. Петражицкаго, интересныя и замѣчательныя не только съ методологической стороны, но и со стороны своего содержанія и открываемыхъ ими перспективъ, положительно не находятъ достойной для себя критики, которая бы компетентно и со знаніемъ дѣла возбудила вокругъ поднятыхъ ими вопросовъ плодотворные въ научномъ отношеніи споры и тѣмъ дала бы могучій толчокъ движенію къ научному свѣту; больше того, по поводу всей обширной критики этой теоріи слѣдуетъ сказать то, что писалъ проф. Петражицкій относительно критики проф. Сергѣевича, именно, что она не содержитъ никакого матеріала и повода не только для какихъ-либо измѣненій по существу, но даже для усиленія ясности путемъ подчеркиванія важныхъ словъ и т. п., во избѣжаніе ошибочныхъ толкованій и проч. Одно это, въ качествѣ доказательства отъ противнаго, много говоритъ въ пользу этой теоріи.

Съ другой стороны, слѣдуетъ подчеркнуть, что дѣло обстоитъ не такъ печально, какъ можно было бы подумать на основаніи знакомства съ критической литературой по поводу психологической теоріи права: въ юридической литературѣ послѣдняго времени можно отмѣтить и отрадные симптомы происходящаго подъ вліяніемъ психологической теоріи измѣненія взглядовъ по основнымъ вопросамъ правовѣдѣнія.

Тогда какъ при первоначальномъ появленіи психологической теоріи въ литературѣ раздавались голоса, отрицавшіе возможность построенія теоріи права на психологическомъ фундаментѣ, утверждавшіе, что проф. Петражицкій исходитъ „изъ совершенно ложнаго положенія, что право есть явленіе психологическое, а не соціологическое“ (см. статью Нечаева въ Ж. М. Ю., 1899, мартъ,—„Вѣстникъ права и юриспруденція XIX вѣка“), или, что вопросъ о существѣ

права не можетъ быть рѣшенъ на почвѣ эмпирической психологіи, а требуетъ изысканій спекулятивно-метафизическаго характера (Б. Чичеринъ и кн. Е. Трубецкой въ „Вопросахъ философіи и психологіи“, 1900 г. кн. 55 и 1901 г. кн. 57),—теперь же не только многіе соглашаются съ положеніемъ о психической природѣ права, но и прямо заявляется, что психологическая точка зрѣнія на право стала „общимъ мѣстомъ“ (Б. Кистяковскій, „Реальность объективнаго права“). Дѣйствительно, почти во всѣхъ новыхъ учебникахъ и монографіяхъ это основное воззрѣніе находитъ себѣ признаніе. Еще въ 1903 г. проф. Новгородцевъ въ статьѣ „Нравственный идеализмъ въ философіи права“, помѣщенной въ сборникѣ „Проблемы идеализма“, писалъ, что „нравственность (какъ и право) можетъ и должна изучаться, не только какъ историческое и общественное явленіе, но также какъ внутренне-психическое индувидуальное переживаніе, какъ норма или принципъ личности. Рядомъ съ соціологическимъ изученіемъ должно быть признано индивидуально-психологическое и нормативно-этическое“ (стр. 273, 274). Здѣсь характерно указаніе на индивидуально-психическую природу права. „Бытіе или существованіе права—исключительно психологическое“—читаемъ мы и въ „Общей теоріи права“ проф. Гредескула (стр. 22). „Теорію права слѣдуетъ созидать на психологическомъ основаніи, выражаясь короче,—мы высказываемся въ пользу психологической теоріи права“,—пишетъ въ предисловіи къ своей книгѣ—„Междувластныя и властныя отношенія въ теоріи права“ проф. Байковъ. По многимъ вопросамъ и проф. Е. Трубецкой въ своихъ „Лекціяхъ по энциклопедіи права“ присоединяется къ психологической теоріи, напр., по вопросу о природѣ правоотношеній, о субъектахъ права и др. Проф. Паліенко, прежде усматривавшій въ правѣ „властныя велѣнія внѣшняго, земного авторитета“ [1]) и раздѣлявшій мнѣніе Меркеля, что „положенія права суть волеизъявленія,

[1]) См. статью проф. Паліенко—„Предметъ и задачи энциклопедіи права и идея права“ во „Временникѣ Демидовскаго Юридическаго лицея“, 1900, кн. 82.

направленныя на руководство нашими дѣйствіями и тамъ, гдѣ они не овладѣваютъ нашей мыслью“ [1]), впослѣдствіи совершенно ясно заявилъ, что онъ признаетъ психическую природу права, даже воззрѣніе проф. Петражицкаго на нормы, какъ на проекціи нашихъ психическихъ переживаній, и считаетъ вполнѣ возможнымъ, что въ основѣ правовыхъ переживаній лежатъ двустороннія эмоціи, констатируемыя проф. Петражицкимъ („Право“, 1910, № 19). Вообще происходитъ все болѣе ясно выражающійся сдвигъ мысли въ пользу психологическаго пониманія права.

Мало того, дѣло не ограничивается перемѣною общей позиціи, а этотъ взглядъ усваивается и для разработки частныхъ вопросовъ юридической науки. Укажемъ для примѣра, какъ на наиболѣе выдающійся трудъ въ этомъ направленіи, на монографію К. Н. Соколова—„Парламентаризмъ. Опытъ правовой теоріи парламентарнаго строя“, 1912 г. Этотъ авторъ наиболѣе плодотворно воспользовался свѣтомъ психологической теоріи права и стоя на почвѣ пониманія права, какъ императивно-аттрибутивныхъ переживаній, вполнѣ убѣдительно доказалъ правовую природу парламентаризма. Можно быть увѣреннымъ, что въ будущемъ психологическая теорія дастъ еще болѣе обильные плоды.

---

[1]) См. тамъ же статью—„Новая психологическая теорія права и понятіе права“, стр. 26.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Критика Б. Кистяковскаго . . . . . 2— 37

I. Ученіе объ образованіи понятій 2
II. Эмоціональная психологія 9
III. Психологическое ученіе о правѣ 9

Критика проф. Шершеневича . . . . . 37— 62

I. Замѣчанія о методологическихъ предпосылкахъ психологической теоріи права и о теоріи эмоцій . . . .
II. Психологическая теорія права . . . . . .
III. О дѣленіи этики на право и нравственность . . . . .

Критика прив.-доц. Кокошкина . . . . . 62—

Критика прив.-доц. А. Рождественскаго . . . . . 68—87

I. Психологическая теорія права 68
II. Эмоціональная психологія 83

Критика В. Я. Гинцберга . . . . . 88—119

I. Методологическія предпосылки психологической теоріи права 88
II. Эмоціональная психологія 97
III. Психологическая теорія права 104

Критика В. Поппе 120

Критика прив.-доц. А. Ященко 139